

архитекторы

материал для чтения

СОВРЕМЕННАЯ

ΣΟΦΟΓΕΙΑ ΚΡΕΟΓΑ

φ.п.

современная городская среда

сборник статей подготовлен
институтом медиа, архитектуры
и дизайна «стрелка» в рамках
программы «архитекторы.рф»
2019–2020 гг.

содержание

ПЛАНИРОВАНИЕ РАЙОНОВ

Введение	11
Множество классификаций районов	12
Требования району	18
Концептуальные рамки для выбора типа района	30
Выводы	33

ПЯТЬ УСЛОВИЙ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ ГОРОДСКОЙ СТРУКТУРЫ

Вступление	41
Необходимые условия жизнестойкости городов	43
Условия жизнестойкости на каждом уровне системы	46
Заключение	55

ЖИЛЬЕ КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ

Аннотация	61
Введение	62
Жилищные предпочтения	63
Эмпирический контекст	65
Расстояние и время	68
Семьи как социальные сети	70
Противостояние идентичностей	73
Сомнения	75
Заключение	76

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ГОРОДА: СОЕДИНЕНИЕ ФОРМЫ И ПОТОКОВ Строительство городов, пригодных для жизни	84
Компактность, плотность и многофункциональность	85
Город, удобный для передвижения	88
Устойчивое городское развитие на уровне районов и зданий	89
Заключение	91
СОЦИОТОПИЧЕСКАЯ КАРТА	
Аннотация	95
Введение	96
Социотопическая карта	97
Три кейса из планировочной практики	101
Карта социотопа как урбанистическая теория	105
Господство стоимости существования	112
Планирование компактности и разнообразия	114
ПРОЕКТИРОВАНИЕ ДЛЯ РАЗНООБРАЗИЯ	
Социальное разделение	117
Ценность разнообразия	123
Метод исследования	126
Политика и процессы	127
Сохранение разнообразия посредством процесса планирования	130
Выводы	138

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА	
Аннотация	143
«Смерть» общественного пространства	144
Общественное пространство и городские условия	145
Общественное пространство и публичная сфера	148
Коммерциализация и приватизация	151
Вариации на тему общественности	154
Дифференциация общественного пространства	156
Нарушения модели	157
Вопросы для дальнейшего исследования	159
ОБРАЗ ЖИЗНИ И ГОРОД	
Введение	163
Городская жизнь	165
Урбанизированность	168
Данные и метод	169
Результаты	171
Заключение	177

Юнми Парк — доктор наук в области урбанистики и региональных исследований в Техасском университете A&M и в американском Институте сертифицированного планирования

Джордж О'Роджерс — профессор ландшафтной архитектуры и городского планирования, старший научный сотрудник Центра жилищного и городского развития и борьбы с рисками Техасского университета A&M

планирование районов

ТЕОРИЯ, РУКОВОДСТВА И ИССЛЕДОВАНИЯ. МОГУТ ЛИ ПЛОЩАДЬ, НАСЕЛЕНИЕ И ГРАНИЦЫ СЛУЖИТЬ РУКОВОДСТВОМ В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ФРЕЙМИРОВАНИИ?

ВВЕДЕНИЕ

Планировщики и ученые, занимающиеся изучением планирования, знают, что у проектов и исследований больше шансов дать значимые результаты, если для решения проблемы выбран подходящий уровень в иерархии районов. Однако выбор правильного масштаба района — всегда непростая задача. Чтобы создать концептуальную рамку для выбора правильной единицы в будущих исследованиях и проектах, в этой статье делается попытка представить иерархию районов и ключевых элементов их разных уровней. Площадь, численность населения, характеристики границ и основная инфраструктура для районов четырех уровней — кварталов, жилых районов, институциональных районов и сообществ — определяются на основе изученной литературы по теории планирования, руководств по планированию и эмпирических исследований районов.

Районы (neighborhoods) находятся в поле зрения исследователей долгое время, но недавно интерес к этой теме существенно вырос, так как люди стали чаще замечать преимущества планирования, ориентированного на районы. Районы — наиболее узнаваемые и жизнеспособные единицы идентичности и мер по созданию индивидуализированных альтернатив (Wellman and Leighton 1979; Martin 2003; Silver 1985). Кроме того, в них заложен политический потенциал: они позволяют защищать интересы жителей, определять их нужды или описывать нежелательные процессы внутри района. Будущие риски или выгоды могут быть соответственно уменьшены или увеличены, потому что жители выявляют достоинства района или угрозы для его существования на ранних стадиях процесса планирования. Планирование, ориентированное на район, более чутко реагирует на ло-

кальные воздействия, потому что проблемы достаточно малы, чтобы к их решению можно было эффективно подключить местных жителей и стейкхолдеров.

Несмотря на преимущества район-ориентированного подхода, обозначить границы географически определяемого района — непросто (Chaskin 1998; Forrest and Kearns 2001). Вот почему определения района существенно варьируются. Принято считать, что районы должны быть достаточно крупными, чтобы вовлекать кадры и поддерживать сервисы, но в то же время должны оставаться небольшими, чтобы у жителей сохранялась общая идентичность (Weiss et al. 2007). В этой системе размеры района могут варьироваться от нескольких домохозяйств до сообществ, насчитывающих тысячи людей.

Разница в размерах района имеет значение при выборе инструментов планирования. Например, инструменты экономического развития (программа льготного налогообложения или режим благоприятствования для сооружений определенного назначения, например стадионов, или отдельных отраслей) едва ли дадут хорошие результаты для решения локальных вопросов небольшого масштаба. С другой стороны, задачи городского дизайна (например скверы, местные игровые площадки и пешеходная доступность), скорее всего, будут более эффективно решаться на уровне локального жилого района. Тем же свойством обладают научные исследования: если они носят крупномасштабный характер, едва ли в них удастся выявить проблемы, представляющие локальный интерес. И наоборот: кропотливый локальный анализ не подходит для вопросов и мер, имеющих широкий охват. Таким образом, выбор правильного уровня и соответствующих ему целей и инструментов планирования и исследования критически важен для получения осмысленных результатов.

В данном исследовании концептуальная и оперативная рамка района раскрывается как иерархия уровней на основе краткого обзора теории планирования, руководств по планированию и эмпирических исследований. Представлено четыре уникальных и в какой-то степени исключительных уровня районов: кварталы (face-blocks), жилые районы (residential neighborhoods), институциональные районы (institutional neighborhoods) и сообщества (communities). Для районов каждого уровня предлагаются специфические рекомендации в отношении размеров, численности населения, инфраструктуры и границ.

МНОЖЕСТВО КЛАССИФИКАЦИЙ РАЙОНОВ

что такое район?

Бауден (Bowden 1972) считает, что даже одиннадцатилетний ребенок способен нарисовать границы района и имеет о нем представление.

Сложнее дать научное описание. В исследовательской литературе можно найти несколько идей о концептуальной природе района:

- «Важный орган городской жизни», в котором люди связаны вместе, сцеплены и живут во взаимозависимости, как все живые организмы (Mumford 1954: 260).
- Сочетание географических границ, этнических или культурных характеристик жителей, психологического единства или концентрированного использования инфраструктуры территории (Keller 1968).
- Небольшая городская зона, в которой жители испытывают влияние действующих в ней социально-экономических факторов или услуг (Goodman 1977).
- Часть более крупной зоны, в которой люди живут и взаимодействуют друг с другом (Hallman 1984).
- Географическая единица, в которой жители могут иметь совместный доступ к имеющимся в ней сооружениям (Chaskin 1997).
- Собрание пространственных атрибутов, ассоциирующихся с кластерами мест проживания, иногда в сочетании с другими видами землепользования (Galster et al. 2001).
- Особая форма социального воспроизводства, в которой происходит человеческая деятельность, включая повседневную жизнь, социальное взаимодействие и политические и экономические обязательства (Martin 2003).

Если вывести отсюда общее понятие, то получится, что район — это собрание людей в географически ограниченном месте, которые пользуются общими услугами и отличаются определенной степенью сплоченности. Из трех ключевых понятий, которые определяют район — люди, место и сплоченность, — самый примечательный термин, отличающий его от, например, сообщества, — это «место». Сообщество тоже отсылает к группе людей с общими ценностями, убеждениями, обстоятельствами, интересами и культурой, но независимо от географической границы (Chaskin 1997; Keller 1968). С другой стороны, районы — это сообщества с более ощутимой географической концепцией, которая полезна для целей планирования, таких как анализ, обслуживание, обеспечение и вмешательство (Wellman and Leighton 1979; Forrest and Kearns 2001; Mullan, Phillips and Kinman 2004). Таким образом, определение географических и физических условий района закладывает основу планирования и исследований в таком масштабе.

Иерархия районов

Масштаб района определяется в зависимости от размеров, степени сплоченности и наличия заведений сферы услуг, которые используются большинством жителей. В предшествующей литературе вводится иерархия районов, основанная на таких критериях, как физические условия, социальные связи и политическая активность.

Физические условия — это набор факторов, которые чаще всего используются для определения иерархии районов. В 1940-х Пэн Нельсон проанализировал иерархию районов с точки зрения предоставляемых услуг, в особенности услуг государственного образования, ассоциирующихся с районом каждого уровня (Bailly 1959). Основываясь на «соседской единице» Перри, Нельсон ввел четыре уровня в иерархии районов, каждый из которых включал 4–5 географически прилегающих друг к другу единиц более низкого уровня:

- Жилой район — самая маленькая единица, складывающаяся вокруг сооружений, связанных с детьми, таких как ясли, игровая площадка, образовательное пространство для родителей, комната отдыха или магазины в шаговой доступности. Численность жителей в нем составляет около 1 200 человек.
- Район обычно организован вокруг начальной школы с игровыми площадками, общественными центрами, комнатами отдыха или магазинами. Его численность — до 5 000 человек.
- В округе (district) расположена старшая школа, окруженная игровыми площадками, развлекательными заведениями и спортивными залами, объектами рекреационной инфраструктуры, образовательными учреждениями для взрослых, торговыми и оздоровительными центрами. Численность населения, предлагаемая для района этого уровня, — 25 000 человек.
- Сектор (section) — самая большая единица. В ней, скорее всего, будут расположены колледж с культурным центром, общественная и рекреационная инфраструктура, административный центр или больницы. На этом уровне численность жителей достигает 75 000 человек.

Мэрэнс и Роджерс (Marans and Rodgers 1975) для классификации также использовали физические характеристики и разделили районы на три уровня:

- Микрорайон (micro-neighborhood) — очень маленький городской район с группой из приблизительно шести домов, непосредственно прилегающих друг к другу.
- Макрорайон (macro-neighborhood) часто имеет начальную школу, окруженную большими транспортными магистралями. Он больше микрорайона и, скорее всего, является спланированным сообществом (planned community).
- Сообщество больше макрорайона, которое часто определяется политической юрисдикцией.

Американская ассоциация планирования (American Planning Association 2006), опираясь на работы Часкина (Chaskin 1998) и Саттэлса (Suttles 1972), представила более ясные физические требования для каждого уровня организации района, с которыми можно работать в процессе планирования:

- Кварталы (face-blocks) ограничены домами, стоящими по обеим сторонам улицы между перекрестками. Физическая близость способствует установлению в кварталах индивидуальных и межличностных связей, но их недостаточно для более явного влияния на планирование.
- Жилой район, состоящий из нескольких кварталов. Жилой район обычно имеет общие для всех жителей удобства и услуги (такие как парки, общественные пространства, коммерческие зоны) и транспортную доступность. Это единица планирования подходит для того, чтобы стимулировать прямое участие жителей, но не подходит, если целью являются более широкие изменения, например экономическое развитие или институциональное сотрудничество.
- Институциональный район охватывает несколько жилых районов. Его границы определяются официальными границами институтов. Он должен быть достаточно большим, чтобы предоставлять множество услуг, таких как школы, больницы, клиники, государственные учреждения и финансовые институты.

В дополнение к физическим требованиям для описания районов использовались социальные связи и административные границы. Бирч с соавторами (Birch et al. 1979) отмечали, а Галстер и Хэссер (Galster and Hesser 1982) подтверждали существование четырех уровней иерархии:

- Первичный район отсылает к тому, что располагается в радиусе одного квартала вокруг дома, где могут играть дети. Он состоит приблизительно из десятка жилых единиц.
- Вторичный район — это зона, в которой жители имеют относительно однородный социально-экономический статус и чувствуют себя «социально-экономическим братством». Эта градация включает в себя сплошную зону, выходящую за рамки нескольких кварталов.
- Гетерогенный район пользуется общими благами и характеристиками, например идентичностью и инфраструктурой. Он часто объединен общим названием, границами школьного округа или крупными транспортными магистралями. Гетерогенные районы включают в себя группу из нескольких «социально-экономических братств», но могли бы также рассматриваться как иной тип вторичного района.
- Подрегионы (subareas) городов отсылают к большим зонам, имеющим общую официальную идентичность, таким как пригороды, городские поселения (townships) или подметропольные регионы.

Похожим образом Часкин (Chaskin 1997) с опорой на Саттэлса (Suttles 1972) делит иерархию районов на четыре группы:

- Квартал (face-block) отсылает к району, основанному на локальной сети. Жители совместно пользуются локаль-

ной инфраструктурой, устанавливают тесные отношения или просто узнают друг друга в лицо. Поэтому физическая граница такого района может быть нечеткой.

- Защищенный район (defended neighborhood) — первичная единица, в которой заложены локальная идентичность и связи. Он также называется жилым районом и служит «безопасным убежищем для его членов» (Chaskin 1997: 536). Размеры защищенного района могут быть разными. Он может включать в себя несколько кварталов вокруг дома, но должен быть достаточно большим, чтобы обеспечивать жителей повседневными услугами, — например, в нем должен быть продуктовый магазин или церковь.
- Сообщество с ограниченной ответственностью (community of limited liability) имеет официально признанную границу, установленную органом муниципального управления или другим учреждением. Поэтому оно также называется институциональным районом. Эта административная единица обеспечивает различные услуги, создающие возможности для комфортабельного проживания.
- Расширенное сообщество (expanded community) с ограниченной ответственностью — это кластер подрайонов, он охватывает относительно большую зону. Часто у него есть особое название, например Нижний Манхэттен или Гарлем в Нью-Йорке. Граница может быть четкой или территория может частично пересекаться с другими единицами.

Больше фокусируясь на личных отношениях и политической активности, чем на физических характеристиках, Джейкобс (Jacobs 1961) предложила три уровня районов:

- Уличные кварталы (street neighborhoods) делают акцент на знакомстве и личных взаимоотношениях жителей улиц. Из-за наложения друг на друга множества восприятий и личных отношений местных жителей границы уличных кварталов определяются не очень четко. Хотя трудно сказать, какой уровень района важнее, Джейкобс подчеркивает, что уличные кварталы — мельчайшая, но наиболее жизнеспособная и эффективная самоуправляемая единица.
- Большой округ (district) относится к территории с узнаваемым именем, которая насчитывает 100 000 или более жителей. Большие округа наделены политической властью в умеренных масштабах, что позволяет удовлетворять потребности их жителей, гостей и тех, кто в них работает.
- Город как целое редко называют районом. Однако Джейкобс предполагала, что город станет районной единицей, имеющей полный спектр услуг и общие интересы, позволяющие людям объединяться друг с другом. Она утверждала, что такая связь с городом как целым — величайшее благо.

четыре уровня районов

В литературе вводятся общие критерии, образующие иерархию районов, тогда как схемы классификации и номенклатура несколько различаются. Можно предложить четыре возможных уровня классификации в зависимости от физических характеристик (например размеров, местной инфраструктуры и признанных границ), социально-экономических особенностей (например однородности / неоднородности по доходу, жизненному циклу и этничности) и степени развития неформальной сети.

1. Квартал (face-block) — минимальная единица, которая может быть названа районом. Обозначает группу из нескольких находящихся рядом домов, между которыми устанавливаются самые тесные отношения. Критическое значение имеют личные неформальные отношения между местными жителями, но квартал слишком мал, чтобы обладать политической активностью. Таким образом, квартал, как правило, неподходящая единица для физического планирования.
2. Жилой район, который состоит из нескольких кварталов. Жилые кварталы — относительно однородные физические и социально-экономические территории. Они спланированы прежде всего как жилые зоны с похожим дизайном улиц и архитектурой. В них часто похожая стоимость жилья, поэтому они служат людям с похожим доходом

Рис. 1. Сравнения разных уровней районов. В данной диаграмме не сравниваются реальные размеры районов каждого уровня, она показывает относительное положение и подразумеваемую численность населения, исходя из заданных характеристик.

Население	<100	1000	5000	25000	100000
Nelson (1945)	Жилой район (игровая площадка, ясли, магазин)		Район (начальная школа)	Округ (старшая школа, торговый центр)	Сектор (государственные учреждения, больница)
Jacobs (1961)	Уличный квартал (восприятие, личные отношения)				Большие округа (узнаваемое имя)
Marans (1975)	Микрорайон (группа 6+ домов)				
		Макрорайон (начальная школа)			
		Сообщество (политическая юрисдикция)			
Birch (1979) Galster (1982)	Первичный район (квартал 12+ домов)	Вторичный район (несколько кварталов)		Подрегион города (официальная идентичность)	
		Гетерогенный район (официальная граница, несколько объектов инфраструктуры)			
Suttles (1972) Chaskin (1997)	Квартал (очные отношения)	Жилой район (парк, гражданское пространство, коммерческая зона)		Расширенное сообщество Кластер из районов, общее название	
		Сообщество (официальная граница, множество услуг)			
Данное исследование	Квартал (группа нескольких кварталов, личные отношения)	Жилой район (однородная черта, несколько основных центров деятельности)		Сообщество (группа суб-округов города, услуги более высокого порядка, колледж, культурно-административный центр).	
		Институциональный район (официальная граница, собственное имя/идентичность, услуги более низкого порядка)			

и жизненным циклом, создавая относительно гомогенную среду. Желательно, чтобы в них были один-два общественных центра — начальная школа или небольшой(ие) магазин(ы) розничной торговли, — обслуживающих повседневные потребности их жителей.

3. Институциональный район состоит из нескольких жилых районов. Он включает в себя целый спектр функций, таких как школы, оздоровительные центры, инфраструктура для досуга и отдыха и торговые центры. Часто у него есть собственное имя и может быть официальная или административная граница.
4. Сообщество — это группа городских зон, таких как городские поселения или пригороды, которая охватывает относительно крупные территории, иногда территорию целого города. Скорее всего, в сообществе есть культурные и административные центры или колледжи, доступные довольно большому числу населения, включая местных жителей и гостей.

ТРЕБОВАНИЯ К РАЙОНУ

Четырехуровневая категоризация районов может служить руководством для планирования и исследовательских проектов, если ее дополнить теорией, методическими рекомендациями и данными эмпирических исследований. В этой литературе нет четко прописанных критериев для районов каждого уровня. В целях большей ясности в этом разделе концепции района, встречающиеся в теоретических работах, методических рекомендациях и исследовательской литературе, распределяются относительно квартала, жилого района, институционального района и сообщества на основе их описания, размеров, границ и основных функций.

размеры районов: теория

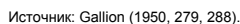
Город-сад, модель идеального города, предложенная Эбенизером Говардом в 1898 году, предполагает население около 30 000 жителей на 6 000 акрах земли. Непосредственно модель района им предложена не была, но Говард подчеркивал самодостаточность каждой секции, которую он называл ward, то есть одной шестой города. Такая единица включает в себя школы, религиозные сооружения или библиотеки, располагающиеся на приблизительно 1 000 акрах земли с 5 000 жителями (Howard 1965; Keller 1968). Поскольку он акценти-

ровался на самодостаточном городе с различными функциями, район в его понимании был бы больше жилых районов.

Обсуждение моделей идеального района продолжилось в США в 1920-е годы. В 1920 году Маккензи предложил модель «промышленного жилья», похожую по составу на традиционные районы с их систематическим озеленением, сохраненными сельскохозяйственными угодьями, районным центром и главной улицей (Rogers 2001). Маккензи описывает жилую застройку, в которой есть районный центр или независимая центральная деловая зона, также как район. Ряд таких районов образует город или деревню. Подобный район похож на жилой по видам землепользования: в нем есть районный центр и таунхаусы, одно- и многосемейные дома. Район включает в себя пространство радиусом 1 350 футов (четверть мили), что составляет около 131 акра земли (Nolan 1927). Примерно в то же самое время Кларенс Перри представил теорию «соседской единицы». Он предложил идеальные размеры района и основные принципы проектирования для жилой застройки в метропольных агломерациях. 160 акров земли и 5 000 жителей (верхний предел 9 000) — таковы были цифры, рекомендуемые для жилого района. Цифра 160 акров взята с учетом того, чтобы до начальной школы, считающейся центральной точкой района, можно было добраться пешком за пять минут (в радиусе от четверти до полумили). Количество человек (5 000) берется из того расчета, что этого населения достаточно, чтобы заполнить одну начальную школу и организовать добровольную ассоциацию жителей (Perry 1929; Lawhon 2009). Численность населения 5 000 человек также может отсылать к средневековым кварталам (районам), в которых проживало от 1 500 до 6 000 человек и в центре которых была церковь (Mumford 1954). Штайн (Stein 1942) расширил идею Перри до радиуса в полмили. В центр района он поместил начальную школу и небольшой торговый центр для повседневных нужд. Три прилегающих друг к другу района образуют город, в котором есть одна старшая школа и один-два крупных коммерческих центра (Mumford 1954; Stein 1949). Район по Штайну похож на жилой район, включающий в себя 500 акров земли, а его город напоминает институциональный район. Похожим образом Н.Л. Энгельгардт-мл. в 1943 году тоже представлял районы различных масштабов, ориентируясь на школы. Он полагал, что лучшее образование — результат хорошо продуманного планирования района и что оно имеет критическое значение для интегрирования повседневной жизни его жителей. Энгельгардт предлагал разместить игровую площадку и детский сад в радиусе четверти мили, а начальную школу — в радиусе максимум полмили пешего хода (Gallion 1950; Bailly 1959). Когда район определяется по начальной школе, численность жителей в нем составляет 1 700 семей. Учитывая, что средний размер семьи в 1940 году был 3,76 человек (U.S. Bureau of the Census 2004), предлагаемая численность населения района может достигать 6 000 человек. Для средней школы понадобится две соседские единицы (3 400 семей, около 12 000 человек), а для школы со старшими классами и коммерческого центра — четыре района (6 800 семей, около 20 000 человек). Сообщество может образовываться, начиная с численности населения в 24 000 человек (Gallion 1950). Один район окажется жилым районом, а два района образуют жилой или институциональный район в зависимости от количества и типов объектов

Хотя теория соседской единицы все еще вызывает споры, она положила начало современным концепциям проектирования, ориентированным на район. Отголоски этой теории можно встретить в новом урбанизме, включая «Развитие традиционного района» (TND), «Развитие, ориентированное на транспорт» (TOD) и движение за городские деревни. Дуани и Платер-Зыберк (Duany and Plater-Zyberk 1994), а также Нелессен (Nelessen 1994) согласились с критерием пяти минут пешего хода и с радиусом в полмили и предложили автобусные остановки, парковки и школу в центре района (Farr 2007). С другой стороны, у Калтсропа (Calthrope 1993) единичный район как часть «Развития, ориентированного на транспорт» предполагает десять минут ходьбы с радиусом 2000 футов (район в форме полукруга, 160 акров) из расчета скорости ходьбы 2,27 миль в час. Дуани и Платер-Зыберк использовали скорость ходьбы 3 мили в час для пятиминутного расстояния (Hornik 1994; Hur, Nasar and Chun 2010). Точно так же Фарр (Farr 2007), ведущий новый урбанист, предлагал средний размер района 160 акров земли: от 40 до 200 акров. Жилые районы, фигурирующие в современных проектах, по-прежнему имеют радиус от четверти до полумили от центра, как и соседские единицы Перри, однако начальная школа перестала быть в них ключевым объектом инфраструктуры (рис. 3).

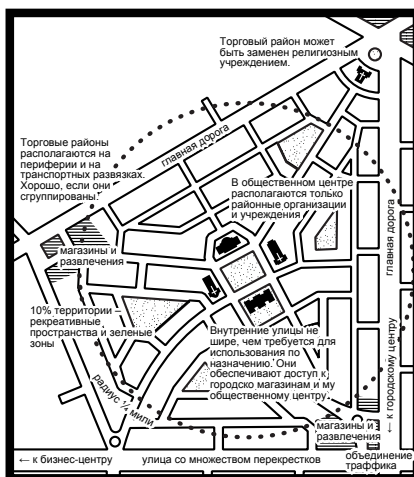
Рис. 2. Группы районов по версии Кларенса Штайна (1942) и Н.Л. Энгельгардта-мл. (1943), Gallion (1950: 279, 288)

сти 30 миль в час такой район будет охватывать площадь радиусом три мили, 18000 акров земли. Население, насчитывающее 20000–100000 человек, может поддерживать центр сообщества, в котором есть универсальные магазины, розничные торговые точки, продающие текстиль (одежду, полотенца, обувь) и товары долговременного использования (хозяйственные товары, электронику и бытовую технику). Аналогично Гиббс (Gibbs 2011) предложил классификацию из четырех типов районов, которые включают магазины у дома (corner stores), супермаркеты (convenience stores), районный центр и центр сообщества. Магазины у дома предлагают товары первой необходимости, такие как напитки, продукты и готовые сэндвичи. Для поддержания среднего магазина требуется приблизительно 1 000 домохозяйств — около 2500 человек. Супермаркеты предлагают товары и услуги, привязанные к повседневным нуждам жителей прилегающих районов: аптеки, небольшие специализированные продуктовые магазины, пекарни или химчистки. Для того чтобы такой супермаркет был экономически оправдан, потребуется около 2000 домохозяйств. В пригородных зонах он будет располагаться в радиусе от одной до полутора миль, а в сельской местности — в радиусе пяти миль. Главное удобство для центра района — полноразмерный супермаркет / гипермаркет с 10–15 более мелкими точками розничной торговли. Житель делает покупки в районном торговом центре в среднем один или два раза в неделю. Районный центр должен охватывать 6000–8000 домохозяйств в радиусе одной-двух миль, в сельской местности этот радиус увеличивается до 25 миль. Район с магазином у дома похож на жилой район. Районы с супермаркетом похожи на институциональные районы. Районы, в которых есть районные торговые центры, похожи и на институциональные районы, и на сообщества в зависимости от того, находятся они в черте города или нет.

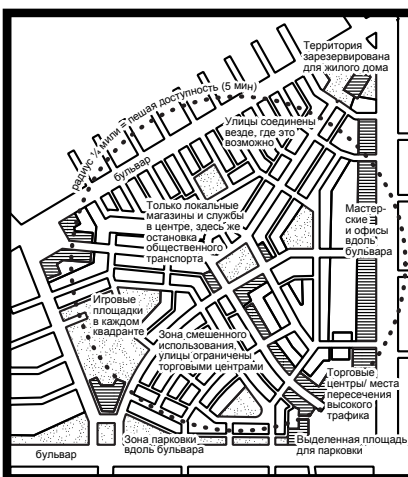
Рис. 3. Эволюция концепции района (различные масштабы), Farr (2007)

Clarence Perry (1929)

Оптимальная площадь открытой застройки — 160 акров, в любом случае на территории должно проживать достаточно людей, чтобы заполнить одну начальную школу. Форма территории не существенна, но в идеале её границы должны быть равноудалены от центра

Duany Plater-Zyberk (1994)

Жильцов достаточно, чтобы заполнить одну начальную школу. Предпочтительная форма — все стороны равноудалены от центра.

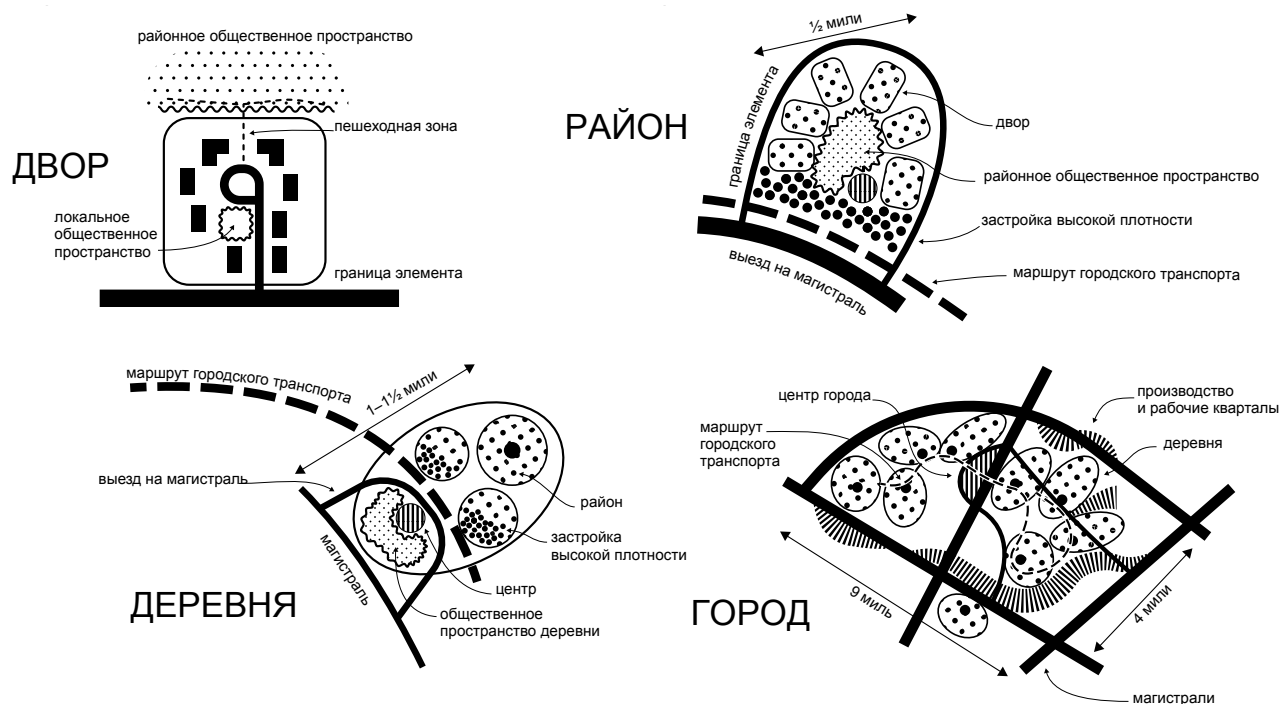
Douglas Farr (2007)

Источник: FARR (2007)

Были и другие предложения, помимо определения расстояния пешим ходом, наличия школ и предприятий розничной торговли. Александр, Ишикава и Сильверштейн (Alexander, Ishikawa and Silverstein 1977) пишут о принципах проектирования для разных видов районов, выведенных на основе городских зон, существующих в Соединенных Штатах. Квартальный район насчитывает менее 500 жителей, не превышая семи кварталов. Предположительный диаметр в 300 ярдов дает 15 акров как максимальный размер квартала и минимальный размер жилого района. Чтобы интересы жителей района были представлены в органах местного управления и для достижения консенсуса по основным решениям для жилого района предлагается численность населения 500–1 500 человек. Они также предложили численность 7 000 человек — от 5 000 до 10 000 — для района больше чем жилой. Они настаивали на том, что сообщество численностью 7 000 человек позволяет индивидам получить голос при принятии решений по таким вопросам, как «землепользование, жилье, благоустройство, улицы, парки, программы, школьное образование, социальное обеспечение и районные услуги» (Alexander, Ishikawa and Silverstein 1977: 74). Однако Джейкобс (Jacobs 1961) критиковала теорию планирования, которая принимала в качестве идеального размера района цифру 7 000 человек. Она отмечала, что теория соседской единицы неприменима к городским районам большого города, потому что люди в таких городах мобильны. Она предлагала цифру в 100 000 человек для того, чтобы в диалоге с властью был представлен политический голос жителей.

Рис. 4. Элементы «нового города»: агрегирование для образования следующей более крупной единицы (слева направо). Источник: Hoppenfeld (1967: 406–407)

размеры районов: методические рекомендации

Первые официально зафиксированные принципы желательных размеров района, вероятно, содержались в американском Ордонансе о земле 1785 года: территория со стороной в шесть квадратных миль, 23040 акров, называлась городом (township). Она содержала 36 секций по 640 акров каждая (Higgins 1887). Одна секция со стороной в одну милю была, в свою очередь, разделена на четыре четвертные секции со стороной по полмили. Пять секций в городах были отведены под общественные нужды и одна секция, 15-я, центральная, была предназначена для государственных школ. Радиусы в одну милю, полмили и четверть мили, а также расположенная по центру школа могут отражаться в некоторых существующих теориях планирования.

В ранних проектах районов сохранялось влияние теории соседской единицы. Джон Нолен, планировщик-землеустроитель, работавший в основном во Флориде, в 1923 году предложил основы планирования для города Уэст-Палм-Бич (Stephenson 2002). Он предложил расположить 450 жилых секций (450 жилых домов в среднем на 4 человек в 1920 году насчитывали около 1 800 человек) в радиусе пяти минут ходьбы от центра города, в котором имеются образовательный или культурный общественный центр, парки, коммерческие зоны или офисы. Он утверждал, что цифры в 1 800 человек достаточно, чтобы обеспечить объединенную политическую активность (Eades 1997; Treasure Coast Regional Planning Council 2009). Район, предложенный Джоном Ноленом, был похож по размерам на район в понимании Перри, но в нем была ниже плотность населения: 1 800 жителей против 5 000. Хотя Кларенс Перри в 1929 году служил в комитете по региональному планированию Нью-Йорка и его окрестностей, градостроительные органы Нью-Йорка приняли норму численности населения района 7 500–10 000 человек, то есть больше 5 000 человек, предложенных им вначале (Spreiregen and De Paz 2006).

Для решения проблем с незапланированным расширением пригородов после Второй мировой войны было спроектировано около 150 крупных сообществ, «новых городов» (Forsyth 2002). Численность населения, предусматриваемая проектом, варьировалась от 10 000 до 50 000 человек, были отведены участки под открытые общественные пространства, рабочие места, различные типы жилья, а также многофункциональное использование и разные группы по доходам. Концептуально «новый город» включает в себя несколько «деревень», «деревня» состоит из нескольких районов. Нет универсальных точек отсечения, в которых районы становятся «деревнями», «деревни» — городами, а города — большим городом, объединяющим «новые города». Теоретически район включает в себя до 3 000 человек и имеет открытое пространство. «Деревня» вмещает от 9 000 до 15 000 человек (3–5 районов), имеет «деревенский» центр с 30 магазинами (магазин бытовой техники, одежные магазины, аптеки, супермаркеты и т.д.). В городе проживают от 45 000 до 75 000 человек (3–5 «деревень», Campbell 1976).

Один из самых известных примеров в Колумбии, штат Мэриленд, открытый в 1967 году, имел десять самодостаточных «деревень», которые включали в себя 33 района, состоявших из нескольких жилых кластеров (рис. 4). В центре района располагалась инфраструктура, предназначенная в основном для молодых матерей и маленьких детей: начальная школа, детский сад, маленькие магазины, бассейн или игровая площадка. «Деревня» состоит из двух или трех районов, занимающих приблизительно 640–1 500 акров земли (из расчета стороны длиной в полторы мили) и с населением от 10 000 до 15 000 человек. «Деревня» — это физическое сообщество, жители которого имеют общую сферу занятости и идентичность, пользуются общими услугами и инфраструктурой, например средними или старшими школами, торговыми центрами, сооружениями для досуга и отдыха. В городе имеется городской центр, обслуживающий 250 000 человек на приблизительно 25 000 акрах земли (Hoppenfeld 1967). В данном случае город больше похож на большой город или подрайон большого города, который может сам себя обеспечивать за счет делового района, колледжа и торговой инфраструктуры в городском центре.

Современные подходы предлагают похожую конфигурацию. Идеальная «городская деревня» по размерам напоминает район новых городов и район из теории, посвященной соседской единице: население численностью от 3 000 до 5 000 человек, школа, деревенская площадь как фокусная точка и несколько предприятий розничной торговли в шаговой доступности (Urban Villages Forum et al. 1997). Численность населения в существующих «городских деревнях» варьируется от 160 до 5 000 человек (Biddulph, Franklin and Tait 2002).

Профессиональные организации или образовательные учреждения давали более подробную иерархию районов. Институт городских земель представил план развития для города Порт-Сент-Луси, в котором были предусмотрены районы, «деревни» и сообщества. Для района требовались численность населения от 1 500 до 2 000 человек, маленький парк (5–8 акров), коммерческая зона и начальная школа (Urban Land Institute 2004). «Деревня» состояла из 3–5 районов (или насчитывала 4 500–10 000 человек), а сообщество — по крайней мере из двух деревень (или минимум 9 000 человек). Этот критерий также применялся в генеральном плане 2010 года, он допускает разброс в размерах района от 10 до 600 акров (The City of Port St. Lucie 2012).

Американская ассоциация планирования (American Planning Association 2006) определяет три типа районов: кварталы (face-block), жилые районы и институциональные районы. Квартал — это группа домов по обеим сторонам улицы. Если мы возьмем идеальный размер блока 300 на 300 футов из работ Монтгомери (Montgomery 1998) и Александра, Ишикавы и Сильверштейна (Alexander, Ishikawa and Silverstein 1977), размер квартала составит более двух акров. Размеры квартала будут больше на участке с тупиковым рисунком улиц. Жилой район требует не менее шести акров земли и состоит из более чем трех квартальных групп. Американский совет по экологическому строительству разработал программу «Лидерство в энергетике и экологическом проектировании» (LEED) для районного развития, которая представляет собой национальную рейтинговую систему для проектирования районов. Система LEED определяет

район как место, в котором есть по меньшей мере два здания и до 326 акров земли. LEED предполагает, что наличие транзитной инфраструктуры, общественного и публичного пространств, многофункциональное назначение, компактная застройка и рисунки улиц — это факторы, представляющие интерес (US Green Building Council 2006). Согласно докладу Техасского отделения Американской ассоциации планирования (APA) 2010 года, размеры проектируемого района определяются ресурсами планирования, традиционным пониманием района в сообществе и временем (Barrett 2008). Таким образом, в разных городах применяются разные размеры района: 5 000 человек или 30 квадратных блоков в Остине, штат Техас, и 50–60 квадратных блоков в Портленде, штат Орегон. Такие районы требуют, чтобы в них были и жилье, и рабочие места, поэтому они скорее похожи на институциональные районы.

Инициативы, ориентированные на районы, выделяют несколько иные критерии, которые зависят от характеристик каждого проекта. Часкин (Chaskin 1998) выяснил, что численность населения в районе варьируется от 1 500 до 200 000 человек для социальных услуг или решения социальных проблем. Если целью ставится экономическое развитие, район должны населять 1 000–100 000 жителей. 1 000–6 000 жителей требуется для поддержки инициатив, связанных с образованием. Районы, о которых здесь идет речь, по определению больше кварталов, потому что для работы инвестиций и реформ различных типов использования территории ключевое значение имеет определенный уровень институциональной и организационной поддержки.

размеры районов: эмпирические исследования

Районные единицы часто определяются в эмпирических исследованиях в соответствии с единицами переписи населения — буфером между индивидуальными частями и другими уже определенными географическими единицами, такими как жилые комплексы, округа планирования, поименованные районы или зоны с одним почтовым индексом. Ни одна из таких единиц не соответствует реальному району, но у каждой есть свои достоинства и недостатки как у единицы-заместителя.

ЕДИНИЦЫ ПЕРЕПИСИ

Единицы, основанные на переписи населения, часто используются как суррогаты в силу легкости в работе, большого количества данных и четкой границы (Van Zandt and Rohe 2006; Coulton et al. 2001; Sampson, Morenoff and Gannon-Rowley 2002). География, определенная переписью, может легко добавляться к другим административным границам и данным. Благодаря этим достоинствам

в предшествующих исследованиях многократно использовались различные типы единиц переписи, такие как переписные районы, переписные кварталы и группы переписных кварталов (Goodman 1977; Song and Knaap 2004b; Mullan, Phillips and Kinman 2004; Yang 2008; Hipp 2010; Patterson 2004). Единицы переписи характеризуются относительно однородной демографией и пространственной смежностью (U.S. Bureau of the Census 1994; Clapp and Wang 2006). Переписной квартал (census block) — самая маленькая географическая единица, а кварталы объединяются в группы кварталов. Переписной квартал обычно соответствует городскому кварталу в городских зонах, так что численность населения варьируется в зависимости от условий территории. Группа переписных кварталов обычно состоит из 5–10 городских кварталов с численностью населения от 600 до 3 000 человек, в среднем 1 500 человек (Coulton et al. 2001; Iceland and Steinmetz 2003). Переписной район содержит одну или более группу кварталов. Один переписной район насчитывает около 4 000 жителей в городских зонах — как правило, от 1 500 до 8 000 человек. В предшествующей литературе редко объяснялось, почему для изучения были выбраны те или иные единицы переписи, но исследователи интуитивно знали, что для этих единиц в зависимости от масштаба важны разные аспекты. Паттерсон (2004) соизмерял архитектурные атрибуты и рисунки улиц с переписными кварталами для изучения пешего передвижения, езды на автомобиле, качества жизни и удовлетворенности районом. Группы переписных кварталов часто используются для оценки степени социальных связей и сплоченности, социально-экономической однородности, плотности населения, пешеходной доступности, дизайна улиц, состава розничной торговли и т.д. (Goodman 1977; Freeman 2001; Song and Knaap 2003, 2004b; Matthews and Turnbull 2007; Coulton, Cook and Irwin 2004). Переписные районы часто используются для изучения влияния, которое оказывает сочетание социально-экономического статуса, формы города (например зданий, типов жилья, видов землепользования, открытого пространства и плотности) и общих проблем районов (например преступности, доверия и активизма). Чем больше единицы переписи, тем более коллективный характер носят особенности района, которые можно оценить. Если основываться на измерениях, используемых для каждой географии переписи, переписные кварталы будут соответствовать районам как кварталам (face-block). Группы переписных кварталов, по-видимому, соответствуют кварталам или жилым районам. С точки зрения численности населения переписные районы аналогичны жилым районам. Переписные районы могут оказаться институциональным районом в случае многообразия видов землепользования и гетерогенности. Без информации о специфических размерах переписных районов трудно определить, какие они — жилые или институциональные. В некоторых исследованиях не получилось соотносить между собой измерения и уровень единиц переписи. Например, группы переписных кварталов недостаточно велики, чтобы иметь много разных смешанных видов землепользования: жилые, коммерческие, промышленные, гражданские. Этот уровень не подходит для измерения смешанных уровней землепользования. Несответствие может привести к неправильным результатам.

БУФЕРНОЕ РАССТОЯНИЕ

Районы также определялись на основе буферного расстояния вокруг индивидуальных единиц. Буферный подход акцентирован на личном знакомстве жителей, доступе к окружающей среде или его ограничении. Этот подход предполагает, что близость напрямую соотносится с тем, как жители воспринимают районы (Kweon et al. 2010). В большинстве исследований использовался простой радиус буфера, хотя в отдельных работах сравнивались эффекты разных размеров. В исследовании Геогеган, Вейнгера и Боксталь (Geoghegan, Wainger and Bockstael 1997) районы делились на «ближайшие районы» и просто «районы». Ближайший район — это зона с буферным расстоянием радиусом в 0,1 км (около 0,06 мили) от владения. Просто район определяется радиусом 1,0 км (0,6 мили). Ли (Lee et al. 2008) определяет район с буфером в 0,15 мили как «микрорайон», с буфером 0,3 мили — «средний район», а с буфером в 0,6 мили — как «макрорайон». Форсис и другие (Forsyth et al. 2007) использовали буферы размером одна восьмая мили, четверть мили и полмили, хотя никак не называли полученные таким образом районы. Их классификация подсказывает, что район предположительно имеет радиус от 0,05 до одной мили. Более мелкие буферы (то есть с радиусом менее 0,25 миль) часто используются для оценки ландшафтного рисунка и озеленения рядом с владением (Geoghegan, Wainger and Bockstael 1997; Forsyth et al. 2007). Такие районы эквивалентны кварталам (face-blocks), поскольку они могут охватывать только несколько домов. В чуть более крупных зонах (например с радиусом от четверти мили до полумили) принимается длительность пешей прогулки от пяти до семи минут — это обычное расстояние для одностороннего перемещения пешком до конкретного места назначения. Зона охватывает от 150 до 500 акров, но могла бы быть меньше, если вместо евклидова расстояния брать сетевое — реальное расстояние доезда, определяемое степенью связанности транспортных путей (Patterson 2004; Forsyth et al. 2007; Lee et al. 2008). Районы, образуемые буферами, превышающими одну милю, могут охватывать большую площадь, чем та, которую ежедневно проходят жители (Lee and Moudon 2006b, 2006a; Lovasi et al. 2008; French et al. 2013; Forsyth et al. 2007; Geoghegan, Wainger and Bockstael 1997). Буферные районы хорошо подходят для проведения исследований восприятия среды и пешеходной доступности, но не особенно полезны для разработки общего определения района. Близость сама по себе — недостаточное условие для того, чтобы обнаружить соответствие совокупному социально-экономическому составу, сетям жителей и центральной инфраструктуре в районах.

ГРУППЫ ЕДИНИЦ ПЕРЕПИСИ

Другие исследователи стремились обнаружить районы, которые обладают большим сходством с реальными районами. Чтобы облегчить проблему разных размеров единиц переписи, часто использовались сгруппированные переписные единицы (Sampson, Raudenbush and Earls 1997; Mullan, Phillips and Kinman 2004; Weiss et al. 2007). В качестве основы для объединения в один кластер несколь-

ких единиц переписи использовались служебные зоны критически важной инфраструктуры, когнитивная карта жителей, социально-демографическая гомогенность или географическая связанность. Муллан, Филлипс и Кинман (Mullan, Phillips and Kinman 2004) соединили в один кластер от 7 до 11 переписных районов, ориентируясь на район, обслуживаемый больницей. Сэмпсон, Рауденбуш и Эрлс (Sampson, Raudenbush and Earls 1997) соединили переписные районы и создали «районный кластер» с населением 8 000 человек. Вайс (Weiss et al. 2007) объединила переписные кварталы в группы, соотнеся их с существующими границами районов и определив районы в группах кварталов, насчитывавших от одной до восьми единиц. Также используются мягкие границы, например, проведенные в соответствии с почтовыми индексами и Зонами анализа транспортного движения (TAZ). Ловази (Lovasi et al. 2008) использовала почтовые индексы для анализа социально-экономического статуса. Средняя численность населения, приходящаяся на один индекс, составляет в США около 30 000 человек (Krieger et al. 2002). Сонг и Кнап (Song and Knaap 2004) в исследовании использовали Зоны анализа транспортного движения (их размеры меняются в зависимости от города), для которых, однако, часто рекомендуется численность от 1 200 до 3 000 человек (Florida Department of Transportation Systems Planning 2007).

ЖИЛЫЕ КОМПЛЕКСЫ И СПЛАНИРОВАННЫЕ СООБЩЕСТВА

Жилые комплексы (subdivisions) и спланированные сообщества (planned communities) представляют собой еще одну альтернативу, поскольку они точно соответствуют определению районов. У них есть географическая граница, они наделены некоторой однородностью: названием, одинаковым возрастом застройки, одинаковым рисунком городской формы, однородным уровнем дохода жителей (Blake and Arreola 1996). Кроме того, районы часто застраиваются в соответствии с общими договорами, строительными нормативами и правилами внутреннего распорядка, нормативными актами ассоциаций собственников жилья и т.д. Шин, Сагинор и Ван Зандт (Shin, Saginor and Van Zandt 2011) отмечали, что жилой комплекс — самая подходящая единица для того, чтобы наблюдать за специфическими проектными параметрами застройщика. Они выбирали жилые комплексы, в которые входило более восьми жилищных единиц. Зенер (Zehner 1971) полагал, что группы, включающей в себя до восьми жилых комплексов, достаточно для создания досуговой инфраструктуры и общего генерального плана для целого сообщества. Rogers and Sukolratanamettee (2009) изучали сообщества, включавшие более 100 домохозяйств, чтобы проследить отношения между проектными решениями и чувством общности.

ПОИМЕНОВАННЫЕ РАЙОНЫ

Поименованные районы или районы планирования (planning districts) также рассматривались как районы, поскольку у них есть официальные, исторические и перцептивные границы (White 1990; Coulton,

Cook and Irwin 2004; Sampson, Raudenbush and Earls 1997). Эти районы складывались под влиянием разных процессов и институтов. Уайт (White 1990) использовал районы планирования, как они были определены в Норфолке, штат Вирджиния. В каждом из них было минимум 50 домохозяйств. Сэмпсон, Рауденбуш и Эрлс (Sampson, Raudenbush and Earls 1997) использовали границу сообщества, определенную городом Чикаго, — в таком сообществе проживает 40 000 человек. Coulton, Cook and Irwin (2004) использовали поименованные районы в Вестсайде, Денвер, где было от 1 500 до 40 000 жителей. Границы проводились на основе восприятия жителей.

АССОЦИАЦИИ И ЯЧЕЙКИ

Еще одним вариантом подхода к определению района могут служить ассоциации собственников жилья. Чапман и Ломбард (Chapman and Lombard 2006) выбрали районные ассоциации, в которые входили, например, совладельцы многоквартирного жилья, собственники или ассоциации сообществ. В этом случае юридические соглашения между жителями особенно важны. Их политическая активность и полуюридический статус подтверждают существование районов как прежде всего барьеров, но это не всегда соответствует физическим границам. Еще проще использовать для идентификации района ячейку решетки. Ли и Браун (Li and Brown 1980) использовали решетку с ячейкой размером один гектар для обозначения микрорайона. Она дает представление о размерах небольшого района, но совершенно не передает смысл района в более широком понимании.

граница района

Граница — одно из главных условий, определяющих район. Граница района защищает от проникновения извне, объединяет проживающих внутри людей и создает места для взаимодействия с окрестными функциями (Alexander, Ishikawa and Silverstein 1977). Часто упоминаются естественные границы (например пустыри, сельскохозяйственные угодья, вода, экокореидор, отстойники и дорожки) и рукотворные барьеры (например образуемые железными дорогами, крупными транспортными магистралями, парками и институтами, охватывающими несколько кварталов). Среди редких обсуждений границы выделяется точка зрения, изложенная в работе Александра, Ишикавы и Сильверштейна (Alexander, Ishikawa and Silverstein 1977): разнообразное функциональное зонирование, например размещение небольшого продуктового магазина или уличного кафе на краю района, может создать отчетливую границу между районами. Восприятие жителей редко выходит за рамки таких физических препятствий, они ограничивают контакты между физическими границами (Weiss et al. 2007; Alexander, Ishikawa and Silverstein 1977; Perry 1929; Rogers 2001). С другой стороны, социальная сплоченность побуждает воздвигать физические барьеры (Keller 1968).

В жилом районе часто можно встретить такие четкие границы, как ограждения или ворота, ограничивающие случайный доступ. У институциональных районов и сообществ по сравнению с ними менее четкие границы.

Типы границ, вводящиеся в эмпирических исследованиях, не особенно отличаются от теории и руководств по планированию. Эмпирические исследования часто опираются на районы, у которых имеется ясная официально признанная граница: переписные единицы, спланированные районы, районы планирования, почтовые отделения или жилые комплексы. У них часто есть яркие черты: дороги, реки и железнодорожные линии, — но иногда они следуют за незаметными чертами, например границами владений, или за исторически признанными административными границами, например города, городского поселения, школьного округа, графства, или за продлением визуальной линии дорог на небольшое расстояние. Спланированные единицы, такие как жилые комплексы, спланированные сообщества и ассоциации совладельцев многоквартирных домов, имеют официально задокументированные границы, обычно признаваемые жителями, которые (в особенности если они являются собственниками) точно знают, к какой единице они относятся. Границы часто совпадают с географическими или физическими особенностями, но так бывает не всегда.

У буферных районов нет конкретных границ. Границы районов, созданные из расчета евклидова буферного расстояния, кажутся менее достоверным определением района, чем «географически определенные» места. Это просто абстрактный круг на карте. Буферы, создаваемые сетевым расстоянием, используются как границы владения, идущие на заданном расстоянии. Они тоже не могут называться границами района — скорее, они представляют собой предел физического или воспринимаемого доступа.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ РАМКИ ДЛЯ ВЫБОРА ТИПА РАЙОНА

Выбор специфического определения понятия «район», которое могло бы ухватить суть значения, более всего релевантного для проблемы, — первый шаг в практических и исследовательских проектах. Существующая теория планирования и руководства по планированию предлагают определения, удобные для целей планирования и исследования. Определения, предлагаемые в теоретических работах, формируют ценности планировщика и направлены главным образом на физический дизайн. С другой стороны, эмпирические исследования концептуализируют районы таким образом, чтобы максимизировать доступность данных и измерений и увеличить шансы получения осмысленных результатов. Даже если нет единого критерия для всех, теории планирования, руководства и эм-

пирические исследования помогают понять, как выбирать различные уровни районов. Рекомендуется выделять четыре разных уровня районов. Эти уровни определяются физическими элементами: численностью населения, площадью, центральными элементами, границами и социально-экономической гомогенностью / гетерогенностью.

КВАРТАЛЫ

Скопления соседних домов, ограниченные сегментом улицы или квадратным блоком. Из-за относительно небольшой географии между жителями квартала обычно существует определенный уровень личных взаимоотношений, очного взаимодействия или узнавания. Кварталы в этом смысле — достаточно подходящие единицы для исследования относительно тесных отношений, таких как социальные связи, сплоченность и поддержка, и паттернов соседства, потому что на этом уровне преобладают неформальные социальные связи и соглашения. Инициативы по планированию носят в них преимущественно неформальный характер — возможно, некоторые вытекают из документов на право собственности и их ограничений, строительных нормативов или планов района. Размеры могут быть разными, поскольку кварталы создаются в основном за счет индивидуальной близости. Минимальные размеры квартала могут составлять от семи до восьми жилищных единиц, максимальные могут достигать до 500 человек с семью домами (то есть составлять около 15 акров), поскольку квартал не требует наличия общей инфраструктуры. Эмпирические исследования часто используют переписной квартал, буфер с радиусом менее 700 футов или ячейку решетки размером в один акр для таких кварталов. Численность населения варьируется от 180 до 360 человек на площади 2,5–40 акров.

ЖИЛЫЕ РАЙОНЫ

Самая маленькая единица с общей идентичностью, поэтому она часто имеет собственное имя. Жилые районы обычно бывают гомогенными по дизайну, демографии и социально-экономическому статусу. Рисунок улиц, размер участков, рисунок благоустройства, этнический состав, доход или уровень образования могут быть схожими. Такой район достаточно велик, чтобы в нем можно было разместить небольшие магазины розничной торговли или ключевую инфраструктуру — детский сад, начальную школу или общественный центр. Тип землепользования в основном остается жилым. Поэтому на этом уровне хорошо заметны очень сильные физические или природные границы, которые защищают среду проживания от нежелательного вторжения. Многофункциональность в жилых районах стремится к нулю, если эти районы не располагаются в городском ядре. Типичный жилой район имеет численность населения 500–5 000 человек на всего 15 акрах, хотя в теории его площадь может достигать 500 акров. В эмпирических исследованиях используется минимальное значение 8 жилищных единиц на приблизительно 25–8 000 человек, которые нужны, чтобы образовать жилой район размером 125–500 акров.

Жилые районы считаются минимальными единицами планирования, за которые в планах / проектах таких районов в основном отвечает частный сектор. Они могут регулироваться при помощи специальных инструментов планирования. Нормативы, касающиеся жилых комплексов (например проект дизайна, планы в горизонтальной проекции или общественное благоустройство), и согласование подосновы или экспертизы проекта (например парковка, средства доступа, скрининг, знаки, ландшафтный дизайн, архитектурные особенности или размещение) часто влияют на фазы застройки. Условия / ограничения договоров / документов о праве собственности (например экспертиза благоустройства или вынос и хранение мусора) и специальные распоряжения по управлению районом (касающиеся, например, деревьев, фасадов или уровня шума) часто регулируют существующие условия. Политическая управленческая власть, в форме ассоциаций домовладельцев или собственников жилья, проявляется именно на уровне жилых районов.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ РАЙОН

Самая большая единица, которую можно назвать районом, с четко проведенными границами в географическом пространстве. Границы институционального района узнаваемы, но менее четкие, чем у жилого района. Институциональные районы содержат несколько жилых районов вместе с другими видами землепользования. По всей их территории часто расположены оздоровительные центры, рекреационная и общественная инфраструктура или торговые центры, доступные жителям, гостям и тем, кто в них работает. На этом уровне нецелесообразно наблюдать элементы дизайна микромасштаба: архитектурные характеристики, рисунок улиц с точки зрения передвижений пешеходов или закономерности ландшафта. Такие районы — исходная точка, в которой сектор общественного планирования может заняться землепользованием, транспортом, экономическим развитием, открытыми пространствами, общественными услугами, оживлением коммерческой деятельности, нуждами жителей или вопросами экологии. Теория и планирование выступают за численность населения 5 000–10 000 человек на приблизительно 1 000 акров земли. Эмпирические исследования устанавливают похожие показатели 1 000–8 000 человек на 650–2 000 акров земли. Население институциональных районов сильно перекрывает население жилых районов в эмпирических исследованиях, что означает, что путаница может привести к некоторым несоответствиям между измерениями и наиболее подходящим типом единицы.

СООБЩЕСТВА

Сообщества в прошлом являлись типом района, сложившегося естественным путем. Первые рабочие-эмигранты одной национальности селились вместе в США как в деревне клана (Chaskin 1997). Они создавали зоны со своей культурой и обеспечивали сильное чувство солидарности. Во многих американских городах чайна-тауны — уникальные примеры этнических анклавов, сохранявшихся столетиями.

ями. Сегодня у термина «сообщество» более широкое значение. Ему приписывается не столько обстоятельственное (социально-экономический статус и жизненный цикл) и функциональное (общие услуги и блага) единообразие, сколько социальное (сеть отношений) и культурное (религия или этничность) единство. Таким образом, современные местные сообщества скорее являются самыми крупными районами, включающими в себя подмножества районов, группу городских поселений или часть города с самой свободной идентичностью (Sampson, Morenoff and Gannon-Rowley 2002). Сообщество, как правило, предоставляет услуги, такие как защита и пожарная охрана, или инфраструктуру, которыми пользуются в том числе и нижние уровни в иерархии районов, но при этом руководство и оперирование ими осуществляется сообществом или городом в целом. Планирование сообщества или городское планирование тоже происходит на этом уровне. Его главные точки приложения — землепользование, жилье, транспорт, инфраструктура сообщества, планы критических или проблемных зон, или естественные риски. Могут также применяться специальные инструменты планирования для особых целей или зон: компенсации за влияние застройки, финансовые районы с налоговыми льготами, районы с льготным режимом для бизнеса, зоны с определенными льготами для ущемленных категорий населения. Предлагаемое пороговое значение численности населения сообщества составляет от 24 000 до 200 000 человек, но его размеры могут быть и значительно больше.

ВЫВОДЫ

В данном исследовании на основе обзора теории планирования, методических рекомендаций по планированию и эмпирических исследований выделяются два аспекта определения районов — иерархия и характеристики по таким параметрам, как численность населения, площадь, ключевая инфраструктура и граница. Результаты и обсуждения, вынесенные из предшествующей литературы:

- 1) природа многоуровневой структуры районов и условия, которые характеризуют каждый из уровней;
- 2) правильный выбор районной единицы, которая подходит данным целям и проблемам;
- 3) учет размеров района и его границ в планировании и исследованиях, ориентированных на районы;
- 4) вопрос об использовании тех же самых параметров из теории соседской единицы.

ПРИРОДА СТРУКТУРЫ

Район — это сложный набор тесно взаимосвязанных функций и отношений, дающих многообразие, определяемое этим термином. Эти связи ограничены определенным местом и людьми, которые его населяют, а также тонко различимой формой. Однако для проектирования, планирования и исследовательской деятельности требуется идентифицировать разные масштабы районов. Данное исследование предлагает четыре типа районов: кварталы, жилые районы, институциональные районы и сообщества. Определение каждого типа прояснится, если принять во внимание специфические физические условия, такие как численность населения, площадь, ключевая инфраструктура и границы. Предлагаемая концептуальная рамка помогает выбрать подходящий тип района, который будет способствовать планированию и реализации исследовательских проектов.

ВЫБОР ЕДИНИЦЫ

Теория планирования и руководства по планированию эффективно характеризуют каждый район с точки зрения его проблем, наличных элементов и реализации. Однако выбор типа района в эмпирических исследованиях обычно руководствуется либо предшествующими исследованиями, либо практическими резонами, позволяющими оптимизировать имеющиеся данные и минимизировать концептуальную погрешность. Если применяемое оперативное определение исходит из проблемы, которую нужно решить, едва ли кого-то будет волновать свобода выбора типа района. Например, буферный район, используемый в исследованиях пешеходной доступности, — вполне подходящая единица, даже если она не полностью охватывает понятие района. В противном случае размеры района имеют значение. Если единица слишком большая, агрегация физических и социальных характеристик будет иметь значение. Напротив, дезагрегация становится проблемой, когда для анализа выбрана слишком мелкая единица. Таким образом, увязывание уровней районов, ассоциирующихся с поставленной проблемой, и потенциальных результатов / решений повышает шансы на успех. Внимательность при выборе уровня в иерархии районов с учетом природы целей и проблем имеет критическое значение для будущих исследований районов и практики.

УЧЕТ РАЗМЕРОВ

Районы не могут определяться только в категориях мест или населения. Районы в фундаментальном смысле имеют пространственный характер и потому требуют чего-то большего, чем социальные и поведенческие характеристики. И наоборот: районы требуют чего-то большего, чем географические границы, они затрагивают фундаментальные функциональные потребности проживающих в них людей. В целях полноты должно рассматриваться определение района и как места (включая границы, форму города, экологию ландшафта и географию), и как людей, которые это место населяют (включая плот-

ность населения, доходы, образование, этничность и культуру). Теория и руководства по проектированию делают попытки объяснить и место, и людей. Эмпирические исследования относительно хорошо описывают характеристики людей, живущих в районе, но не физические условия используемых единиц. Сюда также должны включаться экспликации, пусть только в форме описательной таблицы, численности населения, площади и границы, чтобы дать некоторое представление о «месте» района, используемого в исследовании.

ТЕОРИЯ СОСЕДСКОЙ ЕДИНИЦЫ

На параметры, применяемые в руководствах по планированию, эмпирических исследованиях и теории планирования, до сих пор оказывает влияние теория соседской единицы. Ее истоки восходят к поселениям Новой Англии и Ордонансу о земле 1785 года. Предлагаемое практическое правило — радиус или одна сторона квадрата в четверть мили или в полмили, численность населения жилого района около 5 000 человек и центральное расположение ключевого объекта инфраструктуры — сохраняется до наших дней. Для создания жизнеспособного района, в котором было бы много пешеходов, укреплялись очные контакты людей друг с другом и чувство безопасности, целесообразно обратиться к идее, основанной на районе с пешеходной доступностью. Однако до сих пор остается нерешенным вопрос о том, насколько это понятие практично в разных контекстах и в быстро меняющемся мире.

Ограничения в концепции района сохраняются, несмотря на некоторую ясность, внесенную в понимание их иерархии. Данная статья признает, что широкая дискуссия по поводу социального, культурного, этнического и исторического аспектов людей, которые живут или работают в районе, имеет основное значение для его исчерпывающей характеристики. Дополнительная информация об этих характеристиках для каждого типа районов улучшила бы их концептуализацию. Такая обобщающая работа была бы полезна для чиновников, практиков и исследователей.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Alexander, Ishikawa and Silverstein 1977
Alexander Ch., Ishikawa S., Silverstein M. A Pattern Language: Towns, Buildings, Construction. Vol. 2. Oxford, UK: Oxford University Press, 1977.
- American Planning Association 2006
American Planning Association. Planning and Urban Design Standards. Hoboken, NJ: Wiley, 2006.
- Bailly 1959
Bailly P. Ch. An Urban Elementary School for Boston. Cambridge, MA: Massachusetts Institute of Technology, 1959.
- Biddulph, Franklin and Tait 2002
Biddulph M., Franklin B., Tait M. The Urban Village: A Real or Imagined Contribution to Sustainable Development? Wales, UK: Cardiff University, 2002.
- Birch et al. 1979
Birch D.L., Brown E.S., Coleman R.P., Da Lomba D.W., Parsons W.L., Sharpe L.C., Weber Sh.A. The Behavioral Foundations of Neighborhood Change. Vol. 363. Washington, DC: U.S. Government Printing Office, 1979.
- Blake and Arreola 1996
Blake K.S., Arreola D.D. Residential Subdivision Identity in Metropolitan Phoenix // Landscape Journal. 1996. № 15. Vol. 1. P. 23–35.
- Bowden 1972
Bowden L.W. How to Define Neighborhood // The Professional Geographer. 1972. № 24. Vol. 3. P. 227–228.
- Calthorpe 1993
Calthorpe P. The Next American Metropolis: Ecology, Community, and the American Dream. N. Y.: Princeton Architectural Press, 1993.
- Campbell 1976
Campbell C.C. New Towns: Another Way to Live. Reston, VA: Reston Publishing Company, 1976.
- Chapman and Lombard 2006
Chapman D.W., Lombard J.R. Determinants of Neighborhood Satisfaction in Fee-based Gated and Nongated Communities // Urban Affairs Review. 2006. № 41. Vol. 6. P. 769–799.
- Chaskin 1997
Chaskin R.J. Perspectives on Neighborhood and Community: A Review of the Literature // The Social Service Review. 1997. № 77. Vol. 4. P. 521–547.
- Chaskin 1998
Chaskin R.J. Neighborhood as a Unit of Planning and Action: A Heuristic Approach // Journal of Planning Literature. 1998. № 13. Vol. 1. P. 11–30.
- Clapp and Wang 2006
Clapp J.M., Wang Y. Defining Neighborhood Boundaries: Are Census Tracts Obsolete? // Journal of Urban Economics. 2006. № 59. Vol. 2. P. 259–284.
- Coulton, Cook and Irwin 2004
Coulton C., Cook Th., Irwin M. Aggregation Issues in Neighborhood Research: A Comparison of Several Levels of Census Geography and Resident Defined Neighborhoods // Paper read at Association for Public Policy Analysis and Management Fall Research Conference. Atlanta, GA. 2004.
- Coulton et al. 2001
Coulton C.J., Korbin J., Chan Ts., Su M. Mapping Residents' Perceptions of Neighborhood Boundaries: A Methodological Note // American Journal of Community Psychology. 2001. № 29. Vol. 2. P. 371–383.
- Duany and Plater-Zyberk 1994
Duany A., Plater-Zyberk E. The Neighborhood, the District and the Corridor // In The New Urbanism: Toward an Architecture of Community / ed. by P. Katz. N. Y.: McGraw-Hill Professional, 1994. P. 17–21.
- Eades 1997
Eades J.F. City Planning in West Palm Beach during the 1920s // The Florida Historical Quarterly. 1997. № 75. Vol. 3. P. 276–288.
- Farr 2007
Farr D. Sustainable Urbanism: Urban Design with Nature. Hoboken, NJ: Wiley, 2007.
- Florida Department of Transportation Systems Planning 2007
Florida Department of Transportation Systems Planning. A Recommended Approach to Delineating Traffic Analysis Zones in Florida. Tallahassee, FL: Florida Department of Transportation Systems Planning Office, 2007.
- Forrest and Kearns 2001
Forrest R., Kearns A. Social Cohesion, Social Capital, and the Neighbourhood // Urban Studies. 2001. № 38. Vol. 12. P. 2125–2143.
- Forsyth 2002
Forsyth A. Planning Lessons from Three US New Towns of the 1960s and 1970s: Irvine, Columbia, and the Woodlands // Journal of the American Planning Association. 2002. № 68. Vol. 4. P. 387–415.
- Forsyth et al. 2007
Forsyth A., Michael Oakes J., Schmitz K.H., Hearst M. Does Residential Density Increase Walking and Other Physical Activity? // Urban Studies. 2007. № 44. Vol. 4. P. 679–697.

- Freeman 2001
 Freeman L. The Effects of Sprawl on Neighborhood Social Ties: An Explanatory Analysis // *Journal of the American Planning Association*. 2001. № 67. Vol. 1. P. 69–77.
- French et al. 2013
 French S., Wood L., Foster S.A., Giles-Corti B., Frank L., Larnihan V. Sense of Community and its Association with the Neighborhood Built Environment // *Environment and Behavior*. 2013. № 46. Vol. 6. P. 677–697.
- Gallion 1950
 Gallion A.B. *The Urban Patterns: City Planning and Design*. N. Y.: Van Nostrand, 1950.
- Galster et al. 2001
 Galster G., Hanson R., Ratcliffe M.R., Wolman H., Coleman S., Freiliche J. Wrestling Sprawl to the Ground: Defining and Measuring an Elusive Concept // *Housing Policy Debate*. 2001. № 12. Vol. 4. P. 681–717.
- Galster and Hesser 1982
 Galster G.C., Hesser G.W. The Social Neighborhood an Unspecified Factor in Homeowner Maintenance? // *Urban Affairs Review*. 1982. № 18. Vol. 2. P. 235–254.
- Geoghegan, Wainger and Bockstael 1997
 Geoghegan J., Wainger L.A., Bockstael N.E. Spatial Landscape Indices in a Hedonic Framework: An Ecological Economics Analysis Using GIS // *Ecological Economics*. 1997. № 23. Vol. 3. P. 251–264.
- Gibbs 2011
 Gibbs R.J. *Principles of Urban Retail Planning and Development*. Hoboken, NJ: Wiley, 2011.
- Goodman 1977
 Goodman A.C. A Comparison of Block Group and Census Tract Data in a Hedonic Housing Price Model // *Land Economics*. 1977. № 53. Vol. 4. P. 483–487.
- Grogan-Kaylor et al. 2007
 Grogan-Kaylor A., Woolley M., Mowbray C., Reischl T.M., Gilster M., Karb R., Macfarlane P., Gant L., Alaimo K. Predictors of Neighborhood Satisfaction // *Journal of Community Practice*. 2007. № 14. Vol. 4. P. 27–50.
- Hallman 1984
 Hallman H.W. *Neighborhoods: Their Place in Urban Life*. Beverly Hills, CA: Sage, 1984.
- Higgins 1887
 Higgins J.S. *Subdivisions of the Public Lands: Described and Illustrated with Diagrams and Maps*. St. Louis, MO: Higgins & Company, 1887.
- Hipp 2010
 Hipp J.R. A Dynamic View of Neighborhoods: The Reciprocal Relationship between Crime and Neighborhood Structural Characteristics // *Social Problems*. 2010. № 57. Vol. 2. P. 205–230.
- Hoppenfeld 1967
 Hoppenfeld M. A Sketch of the Planning-building Process for Columbia, Maryland // *Journal of the American Institute of Planners*. 1967. № 33. Vol. 6. P. 398–409.
- Hornik 1994
 Hornik R. Bursting China's Bubble // *Foreign Affairs*. 1994. № 73. Vol. 3. P. 28–42.
- Howard 1965
 Howard E. *Garden Cities of Tomorrow*. Vol. 23. Cambridge, MA: The MIT Press, 1965.
- Hur, Nasar and Chun 2010
 Hur M., Nasar J.L., Chun B. Neighborhood Satisfaction, Physical and Perceived Naturalness and Openness // *Journal of Environmental Psychology*. 2010. № 30. Vol. 1. P. 52–59.
- Iceland and Steinmetz 2003
 Iceland J., Steinmetz E. The Effects of Using Census Block Groups Instead of Census Tracts when Examining Residential Housing Patterns. Washington, DC: U.S. Bureau of the Census, 2003.
- Jacobs 1961
 Jacobs J. *The Death and Life of Great American Cities*. New York: Vintage Books, 1961. [Джейкобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство, 2011.]
- Keller 1968
 Keller S. *The Urban Neighborhood: A Sociological Perspective*. Vol. 33. N. Y.: Random House, 1968.
- Krieger et al. 2002
 Krieger N., Waterman P., Chen J.T., Soobader M.-J., Subramanian S.V., Carson R. Zip Code Caveat: Bias Due to Spatiotemporal Mismatches between Zip Codes and US Census // *American Journal of Public Health*. 2002. № 92. Vol. 7. P. 1100–1102.
- Kweon et al. 2010
 Kweon B.-S., Ellis Ch.D., Leiva P.I., Rogers George O. Landscape Components, Land Use, and Neighborhood Satisfaction // *Environment and Planning. B, Planning & Design*. 2010. № 37. Vol. 3. P. 500.
- Lawhon 2009
 Lawhon L.L. The Neighborhood Unit: Physical Design or Physical Determinism? // *Journal of Planning History*. 2009. № 8. Vol. 2. P. 111–132.
- Lee and Moudon 2006a
 Lee Ch., Moudon A.V. The 3Ds+ R: Quantifying Land Use and Urban Form Correlates of Walking // *Transportation Research Part D: Transport and Environment*. 2006. № 11. Vol. 3. P. 204–215.

- Lee and Moudon 2006b
- Lee Ch., Moudon A.V. Correlates of Walking for Transportation or Recreation Purposes // *Journal of Physical Activity & Health*. 2006. № 3. Vol. 1. P. 77–98.
- Lee et al. 2008
- Lee S.-W., Ellis Ch.D., Kweon B.-S., Hong S.-K. Relationship between Landscape Structure and Neighborhood Satisfaction in Urbanized Areas // *Landscape and Urban Planning*. 2008. № 85. Vol. 1. P. 60–70.
- Li and Brown 1980
- Li M.M., Brown H.J. Micro-neighborhood Externalities and Hedonic Housing Prices // *Land Economics*. 1980. № 56. Vol. 2. P. 125–141.
- Lovasi et al. 2008
- Lovasi G.S., Moudon A.V., Smith N.L., Lumley Th., Larson E.B., Sohn D.W., Siscovick D.S., Psaty B.M. Evaluating Options for Measurement of Neighborhood Socioeconomic Context: Evidence from a Myocardial Infarction Case-control Study // *Health & Place*. 2008. № 14. Vol. 3. P. 453–467.
- Marans and Rodgers 1975
- Marans R.W., Rodgers W. Toward an Understanding of Community Satisfaction // *Metropolitan America: Papers on the State of Knowledge* / ed. by A.H. Hawley, B.J.L. Berry, J.M. Degrove, M.M. Weber. Washington, DC: U.S. National Academy of Sciences, 1975. P. 310–352.
- Martin 2003
- Martin D.G. Enacting Neighborhood // *Urban Geography*. 2003. № 24. Vol. 5. P. 361–385.
- Matthews and Turnbull 2007
- Matthews J.W., Turnbull G.K. Neighborhood Street Layout and Property Value: The Interaction of Accessibility and Land Use Mix // *The Journal of Real Estate Finance and Economics*. 2007. № 35. Vol. 2. P. 111–141.
- Montgomery 1998
- Montgomery J. Making a City: Urbanity, Vitality and Urban Design // *Journal of Urban Design*. 1998. № 3. Vol. 1. P. 93–116.
- Mullan, Phillips and Kinman 2004
- Mullan F., Phillips R.L., Kinman E.L. Geographic Retrofitting: A Method of Community Definition in Community-oriented Primary Care Practices // *Family Medicine*. 2004. № 36. Vol. 6. P. 440–446.
- Mumford 1954
- Mumford L. The Neighborhood and the Neighborhood Unit // *Town Planning Review*. 1954. № 24. Vol. 4. P. 256–270.
- Nelessen 1994
- Nelessen A.C. Visions for a New American Dream: Process, Principles, and an Ordinance to Plan and Design Small Communities. Chicago, IL: APA Planners Press, 1994.
- Nolan 1927
- Nolan J. New Towns for Old: Achievements in Civic Improvement in Some American Small Towns and Neighborhoods. Cambridge, MA: MIT Press, 1927.
- Patterson 2004
- Patterson P. Urban Form and Older Residents' Service Use, Walking, Driving, Quality of Life, and Neighborhood Satisfaction // *American Journal of Health Promotion*. 2004. № 19. Vol. 1. P. 45–52.
- Perry 1929
- Perry C. The Neighborhood Unit: A Scheme of Arrangement for the Family-life Community // *Regional Study of New York and its Environs VII (Neighborhood and Community Planning, Monograph 1)* / ed. by Department of City Planning. New York: Committee on the Regional Plan of New York and Its Environs, 1929. P. 2–140.
- Rogers 2001
- Rogers M.F. John Nolen and Mariemont: Building a New Town in Ohio. Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press, 2001.
- Rogers and Sukolratanamettee 2009
- Rogers G.O., Sukolratanamettee S. Neighborhood Design and Sense of Community: Comparing Suburban Neighborhoods in Houston Texas // *Landscape and Urban Planning*. 2009. № 92. Vol. 3. P. 325–334.
- Sampson, Morenoff and Gannon-Rowley 2002
- Sampson R.J., Morenoff J.D., Gannon-Rowley Th. Assessing 'neighborhood Effects': Social Processes and New Directions in Research // *Annual Review of Sociology*. 2002. № 28. P. 443–478.
- Sampson, Raudenbush and Earls 1997
- Sampson R.J., Raudenbush S.W., Earls F. Neighborhoods and Violent Crime: A Multilevel Study of Collective Efficacy // *Science*. 1997. № 277. Vol. 5328. P. 918–924.
- Shin, Saginor and Van Zandt 2011
- Shin W.J., Saginor J., Van Zandt Sh. Evaluating Subdivision Characteristics on Single-family Housing Value Using Hierarchical Linear Modeling // *Journal of Real Estate Research*. 2011. № 33. Vol. 3. P. 317–348.
- Silver 1985
- Silver Ch. Neighborhood Planning in Historical Perspective // *Journal of the American Planning Association*. 1985. № 51. Vol. 2. P. 161–174.
- Song and Knaap 2003
- Song Y., Knaap G.-J. New Urbanism and Housing Values: A Disaggregate Assessment // *Journal of Urban Economics*. 2003. № 54. Vol. 2. P. 218–238.

- Song and Knaap 2004a
- Song Y., Knaap G.-J. Measuring the Effects of Mixed Land Uses on Housing Values // *Regional Science and Urban Economics*. 2004. № 34. Vol. 6. P. 663–680.
- Song and Knaap 2004b
- Song Y., Knaap G.-J. Measuring Urban Form: Is Portland Winning the War on Sprawl? // *Journal of the American Planning Association*. 2004. № 70. Vol. 2. P. 210–225.
- Spreiregen and De Paz 2006
- Spreiregen P., De Paz B. Pre-design. Chicago, IL: Kaplan Architecture Education, 2006.
- Stein 1942
- Stein C.S. City Patterns, Past and Future. In *The New Pencil Points Series*. Stamford, CT: The Pencil Points Press, Inc., 1942.
- Stein 1949
- Stein C.S. Toward New Towns for America // *The Town Planning Review*. 1949. № 20. Vol. 3. P. 203–282.
- Stephenson 2002
- Stephenson B. The Roots of the New Urbanism: John Nolen's Garden City Ethic // *Journal of Planning History*. 2002. № 1. Vol. 2. P. 99–123.
- Suttles 1972
- Suttles G.D. The Social Construction of Communities. Vol. 111. Chicago: University of Chicago Press, 1972.
- City of Port St. Lucie 2012
- The City of Port St. Lucie. 2010 Comprehensive Plan / ed. by Planning & Zoning. Port St. Lucie, FL: The City of Port St. Lucie, 2012.
- Treasure Coast Regional Planning Council 2009
- Treasure Coast Regional Planning Council. Neighborhood Scale // *Sustainable Neighborhood Planning for the Region*. Stuart, FL: Treasure Coast Regional Planning Council. 2009. № 11.
- U.S. Bureau of the Census 1994
- U.S. Bureau of the Census. Geographic Areas Reference Manual. Washington, DC: U.S. Bureau of the Census, 1994.
- U.S. Bureau of the Census 2004
- U.S. Bureau of the Census. Average Population per Household and Family: 1940 to Present 2004. 2004. Accessed 2013, November 20, <http://www.census.gov/population/socdemo/hh-fam/tabHH-6.pdf>.
- Urban Land Institute 2004
- Urban Land Institute. A Comprehensive Development Strategy for Port St. Lucie and Policy Framework for the Annexation Area // *An Advisory Services Panel Report* / ed. by F.A. Martin. Port St. Lucie, FL, 2004, № 44.
- Urban Villages Forum et al. 1997
- Urban Villages Forum, Aldous T., Lunts D., Greenleaf N., Reid R. *Urban Villages: A Concept for Creating Mixed-use Urban Developments on a Sustainable Scale*. London, UK: Urban Villages Group, 1997.
- US Green Building Council 2006
- US Green Building Council. LEED for Neighborhood Developments. Washington, DC: U.S. Green Building Council, 2006.
- Van Zandt and Rohe 2006
- Van Zandt Sh., Rohe W.M. Do First Time Home Buyers Improve their Neighborhood Quality? // *Journal of Urban Affairs*. 2006. № 28. Vol.5. P. 491–510.
- Weiss et al. 2007
- Weiss L., Ompad D., Galea S., Vlahov D. Defining Neighborhood Boundaries for Urban Health Research // *American Journal of Preventive Medicine* 2007. № 32. Vol. 6. P. 154–159.
- Wellman and Leighton 1979
- Wellman B., Leighton B. Networks, Neighborhoods, and Communities: Approaches to the Study of the Community Question // *Urban Affairs Review*. 1979. № 14. Vol. 3. P. 363–390.
- White 1990
- White G.F. Neighborhood Permeability and Burglary Rates // *Justice Quarterly*. 1990. № 7. Vol. 1. P. 57–67.
- Yang 2008
- Yang Y. A Tale of Two Cities: Physical Form and Neighborhood Satisfaction in Metropolitan Portland and Charlotte // *Journal of the American Planning Association*. 2008. № 74. Vol. 3. P. 307–323. doi: 10.1080/01944360802215546.
- Zehner 1971
- Zehner R.B. Neighborhood and Community Satisfaction in New Towns and Less Planned Suburbs // *Journal of the American Institute of Planners*. 1971. № 37. Vol. 6. P. 379–385.

пять условий жизнестойко- сти городской структуры

ВСТУПЛЕНИЕ

Еще полвека назад специалисты по городскому планированию были уверены в том, что существуют однозначные и долгосрочные решения проблем городов (Firley and Grön 2014). Сегодня мы рассматриваем города как сложноустроенные системы, которые характеризуются динамическими взаимодействиями различных сил и факторов — например людей, институций, природных ландшафтов, рукотворных пространств (Moench, Tyler and Lage 2011). Система находится в постоянной неустойчивости (Batty 2013). Исключительная сложность городов явно превосходит нашу способность делать сколько-нибудь надежные прогнозы (Holling and Goldberg 1971) и ставит перед градостроителями, казалось бы, невыполнимую задачу: обеспечить долгосрочное планирование в условиях неопределенного будущего.

Эта ситуация заставляет усомниться в адекватности существующих подходов к городскому планированию и указывает на необходимость учитывать принципиальную изменчивость и само временное измерение как в изучении, так и в изменении городских форм (Porta and Romice 2014; Thwaites et al. 2007). Осуществить предлагаемую трансформацию подходов непросто. Повышенное внимание к теме устойчивого развития в течение последних трех десятилетий уже позволило выработать новые ценности, методы и инструменты для теории (Carmona 2010) и практики (Rudlin and Falk 2009) городского планирования. Наиболее актуальная формулировка термина «устойчивое развитие» придает ему динамический характер: это по определению «движущаяся мишень» (Novotny, Ahern and Brown 2010: 141), и траекторию ее движения нельзя рассчитать заранее. В связи

с этим концепция жизнестойкости становится инструментом понимания меняющихся настроек окружающего мира и приспособления к нему наших действий в системе города по мере того, как цель устойчивого развития движется во времени.

Жизнестойкость — принципиально важный союзник городского проектирования перед вызовами урбанизации будущего (Marcus and Colding 2014; Feliciotti). Сегодня, отчасти из-за относительной новизны самого понятия (Hassler and Kohler 2014), термину «жизнестойкость» не хватает четкости в определении и архитекторы и специалисты по городскому планированию пользуются им довольно поверхностно (Allan and Bryant 2011). Как следствие, не хватает и осознанных усилий, чтобы увязать организацию элементов городской структуры с принципами жизнестойкости. При этом теорию жизнестойкости называют «ареной самых многообещающих междисциплинарных решений в сфере развития городской среды» (Hassler and Kohler 2014: 120), а влияние этой среды на устойчивость природного окружения (Mehaffy 2015), общества (Thwaites, Mathers and Simkins 2013) и экономики (Tachieva 2010) постоянно растет. В настоящее время не выработана система анализа, которая позволила бы точно оценить, как форма организации городской структуры влияет на жизнестойкость города в целом. Это существенно ограничивает работу градостроителей, поскольку их выборочное вмешательство в городскую систему происходит именно посредством форм (Marcus and Colding 2011).

К счастью, растущий интерес к форме города (Batty and Marshall 2009), подкрепляемый все большей доступностью данных и постоянным совершенствованием вычислительных методов (Batty 2013), а также заметно возросшая за последние десять лет роль доказательной базы в разработке проектов развития городских территорий дают нам возможность более непосредственно увязать концепцию жизнестойкости с градостроительством.

Далее городская структура изучается с точки зрения жизнестойкости. Это понятие сложно и многослойно, поэтому жизнестойкость рассматривается на основе отдельных, опосредованно указывающих на нее характеристик городской среды, доступных наблюдению и фиксации. В рамках настоящей работы эти характеристики называются условиями жизнестойкости. Каждому из условий, с учетом его роли в формировании территорий жилой и многофункциональной застройки и градостроительной формы в целом, дается обновленное определение, учитывающее формулировки из новейших исследований по теории жизнестойкости, системной экологии и городскому планированию. Наконец, эта роль уточняется в отношении различных структурных элементов указанных территорий.

НЕОБХОДИМЫЕ УСЛОВИЯ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ ГОРОДОВ

В настоящее время в научном сообществе еще нет общего мнения о едином списке условий, который бы охватывал все аспекты жизнестойкости. По итогам междисциплинарного обзора литературы за последние 40 лет (Felicetti, Romice and Porta 2015) авторы выделили более 30 характеристик жизнестойкости по материалам выборки из более чем 40 работ. Из получившегося лонг-листа мы выбрали пять наиболее упоминаемых в интересующем нас контексте качеств городской формы.

разнообразие

Разнообразие — ключевое понятие для теории жизнестойкости, так как именно этот фактор позволяет объединить разнонаправленные стратегии (Marcus and Colding 2011), сосуществование которых не только позволяет поддерживать стабильность системы на фоне трансформаций, но и увеличивает потенциал появления инноваций (Cloete 2012). О разнообразии пишут в контексте геометрии городских форм (Tarbatt 2012; Montgomery 1998; Jacobs 1961). Возможность разнообразного использования транспорта является залогом комфортности среды, инвестиционной привлекательности и здорового образа жизни (Mehaffy 2015; Wood and Dovey 2015). Разнообразие форм остается важным фактором, даже когда речь не идет о функционале: то, как городское пространство делится и подразделяется, делает каждое из мест источником разнообразия, позволяя этим территориям «продолжать преуспевать, несмотря на изменения в экономических условиях, технологиях и культуре» (Montgomery 1998: 106). Несмотря на утрату или изменение функционала определенных мест и объектов, ненамеренное распространение знаний поддерживает равномерное распределение инноваций (Montgomery 1998: 106).

СВЯЗНОСТЬ

Связность обозначает степень легкости функционирования потоков внутри одной системы и между разными. Для жизнестойкости может быть полезна как высокая, так и низкая степень связности: первый вариант обеспечивает распределение знаний и отвечает за восстановление системы после каких-либо пертурбаций, второй — замедляет распространение неожиданных и нежеланных изменений и позволяет сохранить исторически значимые районы (Marcus

and Colding 2014). Но в тех случаях, когда низкая связность приводит к фрагментации системы, она становится негативным фактором.

В городской форме как внутренняя, так и внешняя связность сильно влияет на передвижения людей, а также на местоположение и интенсивность их деятельности (Mehaffy et al. 2010): она является отражением комфортности и популярности места (Remali et al. 2015). Зачастую структура связей между людьми имеет даже большее значение, чем природа этих связей; сам факт высокой связности увеличивает количество точек соприкосновения и событий обмена в пространстве города (Salat and Bourdic 2014).

ИЗБЫТОЧНОСТЬ

Под избыточностью системы имеется в виду возможность различных компонентов или алгоритмов в ее составе «выполнять одни и те же, схожие или резервные относительно друг друга функции» (Ahern 2011: 342), что создает механизм страховки в случае изменений, поломок или ошибок. В рамках избыточной системы меньше вероятность застоя: в случае отказа одного или нескольких компонентов избыточность обеспечивает непрерывность благодаря наличию замены (Anderies 2012). Примечательно, что избыточность — это не просто дублирование, поскольку она подразумевает определенную степень внутренней изменчивости в каждой функциональной группе (Liao 2012). Именно это дает системе возможность буферного использования альтернативных ресурсов или алгоритмов в случае утери основных (Anderies 2012). Избыточность является структурным свойством городской формы, которое может помочь выживанию системы в случае травматических событий вне зависимости от того, каким будет сценарий развития (Lhomme et al. 2013).

МОДУЛЬНОСТЬ

Модульность — свойство системы, в которой функции и сервисы локально распределяются по децентрализованным подсистемам (Ahern 2011). Внутри модулей существуют крепкие связи ближнего радиуса, а между собой они соединены относительно слабыми связями дальнего радиуса (Salingaros 2000). Каждый модуль в отдельности является как структурно, так и функционально независимой единицей, и все они в рамках единого целого немного зависят друг от друга (Anderies 2012). Благодаря этому модули одновременно являются и автономными элементами, и частью системы, что позволяет им объединяться для формирования нового и более масштабного целого, не теряя при этом индивидуальной идентичности (Salingaros 2000). Таким образом, модульность имеет решающее значение для формирования жизнестойкости. Благодаря относительной незави-

симости каждый модуль защищен от чрезмерной привязанности (Pickett, Cadenasso and Mcgrath 2013): если он даст сбой, это не повлияет на другие модули. К тому же на одном из участков можно без последствий для других опробовать какое-либо нововведение. Все это укрепляет стабильность. В то же время взаимозависимость между модулями позволяет распространять инновации и знания, способствуя адаптации к изменениям. В структуре города модульность отвечает за взаимодействие элементов друг с другом и между системами разного уровня и масштаба. Следовательно, это измерение зависит от того, в какой степени наименьшие из компонентов интегрированы, сложены и связаны или, напротив, насколько они друг от друга независимы. В существующей по модульному принципу структуре «ни один из уровней не может отсутствовать, так как в противном случае вся система будет нестабильна» (Salingaros 2000: 293).

эффективность

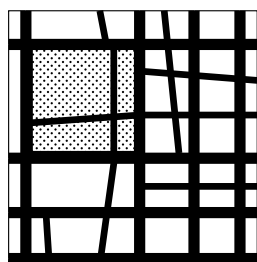
Несмотря на то что эффективность часто упоминают среди условий достижения жизнестойкости, этот фактор не так однозначен. Некоторые авторы утверждают, что эффективность достигается в ущерб разнообразию (Anderies 2012), связанности (Chelleri et al. 2012), избыточности и модульности (Novotny, Ahern and Brown 2010), что снижает общий уровень жизнестойкости. Так происходит, когда эффективности достигают исходя из краткосрочной перспективы, из чего появляется стремление уменьшить проблемы, с одной стороны, путем оптимизации процессов, а с другой — обеспечением максимальных результатов лишь по одному из измерителей. В сущности, оптимальное состояние невозможно для комплексных систем по причине взаимозависимости всех уровней и измерителей: максимизация одного из элементов или процессов может непредсказуемо и нелинейно отразиться на остальных. В сложных системах эффективность не приходит с упрощением, а, наоборот, требует увеличения структурной сложности на каждом уровне (Salat and Bourdic 2012). В городской форме эффективность связана с иерархической организацией различных городских элементов и требует, чтобы на всех уровнях была обеспечена одна степень комплексности. Исследователи пришли к выводу, что в таких случаях речь идет о безмасштабных городских структурах, в которых согласно математическим моделям частотность и размер элементов обратно пропорционально распределяются по степенному закону. В эффективной городской структуре длинная вереница более мелких элементов и более сильные связи между ними противостоят постепенно уменьшающемуся количеству более крупных элементов и слабым связям между ними (Salat and Bourdic 2012).

УСЛОВИЯ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ НА КАЖДОМ УРОВНЕ СИСТЕМЫ

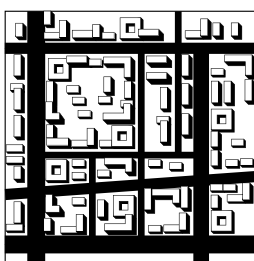
В городах, как и в любой комплексной системе, подсистемы (человеческие, институциональные и физические) функционируют сразу на нескольких уровнях одновременно. Именно динамическое взаимодействие разных уровней городской формы обеспечивает возможность адаптироваться к непредсказуемым экономическим, общественным и экологическим колебаниям. Теперь мы рассмотрим, как пять описанных выше факторов проявляют себя на каждом из фундаментальных уровней городской структуры (рис. 1). Принятая нами классификация сочетает в себе классические методы морфологии городской застройки (Conzen 1960; Caniggia and Maffei 1979) с оригинальными исследованиями, проведенными в Отделе изучения градостроительного проектирования (UDSU) Университета Стратклайда (Porta and Romice 2014; Mehaffy et al. 2010).

Самым низким уровнем классификации является земельный участок — отрезок земли, доступный с улицы или связанный с ней (Tarbatt 2012; Caniggia and Maffei 1979), наиболее базовая и малая единица землепользования (Panerai, Castex and Depaule 2004). Серия из одного или большего количества участков с размещенной на них застройкой называется линией улиц. Улицы — это линейные пространственные связи, расположенные вплотную друг к другу в рамках полномасштабной сети. Они отличаются друг от друга иерархически, в зависимости от их роли в планировочной структуре территории (Porta and Romice 2014). Часть городской территории, ограниченная со всех сторон улицами, образует квартал.

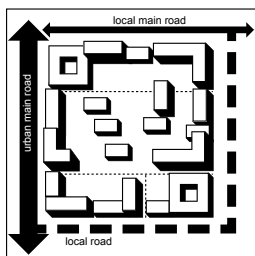
Рис. 1. Иерархические уровни морфологии городской застройки

РАЙОН / ГОРОДСКОЙ ОКРУГ — несколько микрорайонов, объединенные ключевой инфраструктурой учреждений и услуг повышенной важности

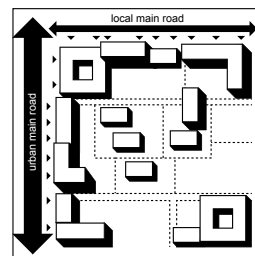

МИКРОРАЙОН — несколько кварталов и улиц, отделённые по периметру главными городскими улицами или естественными преградами

УЛИЦА — одна из линейных пространственных связей, расположенных вплотную друг к другу в рамках полномасштабной сети

КВАРТАЛ — независимая от полной длины улиц комбинация линий улиц и участков застройки

ЛИНИЯ УЛИЦ — серия из одного или большего количества участков с размещённой на них застройкой

ЗЕМЕЛЬНЫЙ УЧАСТОК — отрезок земли, доступный с улицы или связанный с ней, наиболее базовая и малая единица землепользования

Квартал — это независимая от полной длины улиц комбинация линий улиц и участков застройки. Несколько кварталов и улиц, отделенные по периметру главными городскими улицами или естественными преградами, образуют микрорайоны (Appleyard, Gerson and Lintell 1981; Mehaffy et al. 2010). Микрорайоны содержат в себе элементы различных форм, назначений использования и функций, а также предполагают возможность различного передвижения по этой территории. Когда несколько микрорайонов объединены ключевой инфраструктурой учреждений и услуг повышенной важности, они составляют комплексы более высокого уровня. Эти комплексы в зависимости от культуры словоупотребления и контекста определяют как районы или городские округа (Frey 1999). Участки застройки и улицы являются однородными единицами исследования. Линии улиц, кварталы и районы являются объединенными элементами, которые определяются совокупностью других элементов (паттерн участков застройки — в наименьшем масштабе и сеть улиц — в наибольшем). Элементы высокого (например регион) и низкого уровней (например здания, жилые единицы) также достойны упоминания в контексте городского проектирования, но не будут рассмотрены в этом исследовании.

условия достижения жизнестойкости на уровне участков застройки

Участки застройки играют критически важную роль в повышении жизнестойкости (рис. 2): они становятся очагами разнообразия, поскольку могут выполнять различные функции как в вертикальном, так и в горизонтальном измерениях. Поскольку необходимый функционал подвержен быстрой трансформации, сама геометрия участков становится решающим фактором приспособления к различным функциям с течением времени (Kropf 1996; Whitehand 1979). Например, наличие длинной вереницы участков малого размера, напротив которых расположено несколько больших, — признак комплексно эффективной безмасштабной структуры. Малые участки, как правило, легче адаптируются к переменам, именно поэтому их выбирают представители креативных индустрий (Wood and Dovey 2015). Большие участки в малом количестве идеальны, чтобы разместить там элементы инфраструктуры с более специализированными функциями.

Разнообразие размеров участков застройки открывает широкие возможности всем категориям инвесторов, вследствие чего появляется диверсифицированный рынок, на котором действует множество акторов (Salat, Bourdic and Labbe 2014). Таким образом повышается вероятность того, что аналогичные функции выполняются по-разному и одновременно, так что в результате мы имеем избыточность. Если кто-то терпит неудачу, другие могут существовать, способствуя легкой самоорганизации и реорганизации мест и лю-

дей (Marcus and Colding 2014). Со временем благодаря этому появляются разные измерения разнообразия, что приводит к высокой степени смешения возрастов, ценностей, планировок, размеров и т.д. (Jacobs 1961). Каждый участок занят независимой функцией и подчиняется автономному режиму собственности, поэтому они в значительной степени работают как надлежащие модульные элементы. Участки индивидуально, функционально и геометрически независимы друг от друга, но в некоторой степени связаны, поскольку располагаются в одной сети. Тем не менее модульность в масштабе участков все же существенно зависит от их геометрии. С увеличением размера меняется способность к агрегации или дезагрегации: более крупные участки неблагоприятны по сравнению с небольшими (Panerai, Castex and Depaule 2004; Habraken 1998). Более того, упрощенная геометрия (в большинстве случаев это прямоугольник) лучше подходит для формирования согласованного целого. Наконец, поскольку участки являются пунктом отправления и назначения для большинства поездок, доступность участка важна для достижения связанности. Чем больше количество доступных участков, тем больше различных и независимых пунктов назначения, достижимых на коротком отрезке расстояния или времени (Marcus and Colding 2011), а значит, тем выше внутренняя связанность.

Рис. 2. Условия достижения жизнестойкости в масштабе участков застройки

Условия достижения жизнестойкости на уровне линий улиц

Линии улиц — это связующее звено между улицами и участками застройки, а следовательно, и между публичным и частным пространством (Thwaites, Mathers and Simkins 2013). Разнообразие линий отражает разнообразие примыкающих улиц, но эта «синхронизация» может быть облегчена или затруднена в зависимости от зернистости составляющих ее участков, от расстояния между перекрестками и, что особенно важно, от степени «многосоставности» улицы (Van Nes and López 2007). Многосоставность определяется тем, в какой мере фасады зданий и улицы находятся в тесной визуальной и функциональной взаимосвязи друг с другом. Как правило, это происходит через постепенный процесс адаптации, что приводит к большей диверсификации (Porta and Romice 2014). Если иерархия улиц и паттерн участков перекликаются, уличные фасады становятся составным компонентом комплексности городского ландшафта, что в свою очередь приводит к его большей эффективности. Тем не менее уже на стадии проектирования послевоенная застройка в большинстве случаев подразумевает «малосоставность», которая получается из-за частого повторения ограниченного количества типов дизайна. В результате резко уменьшается разнообразие городских интерфейсов и появляется нестыковка участков и улиц.

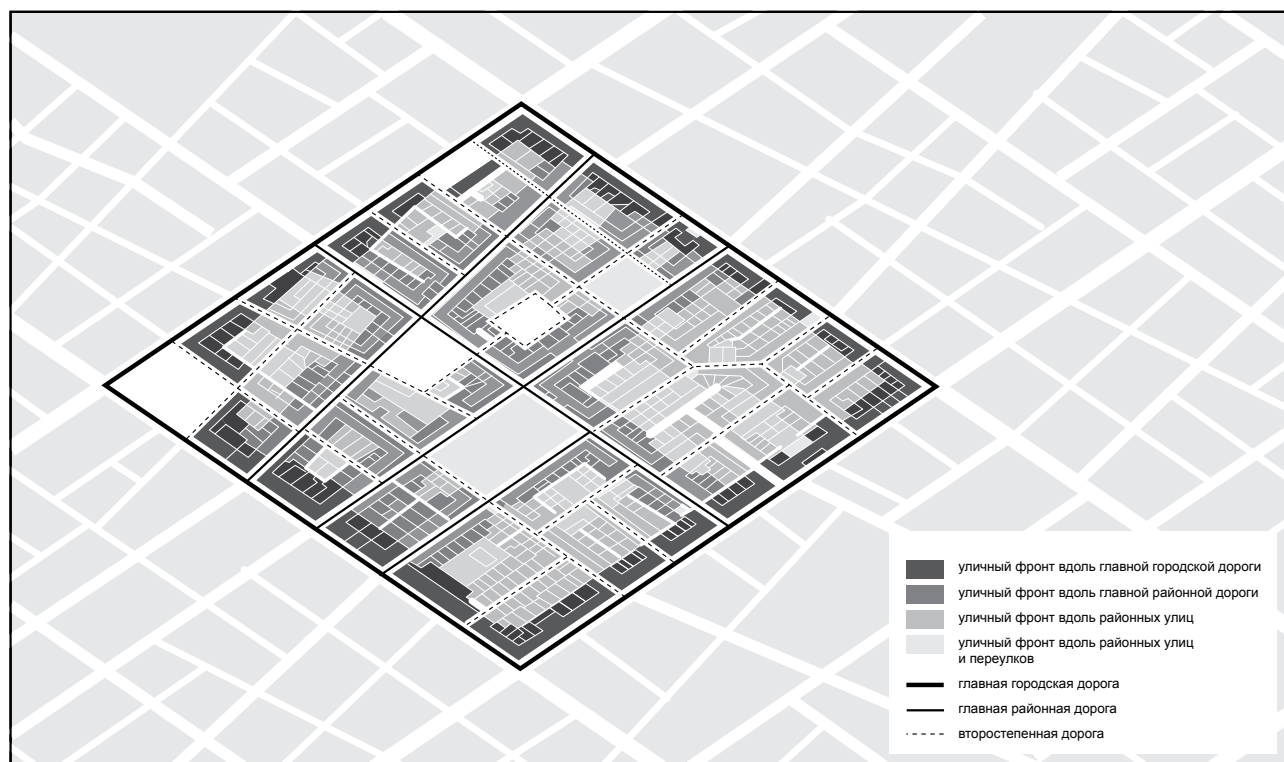
Качество интерфейса между улицами и участками / линиями определяется тем, как связаны между собой различные элементы города (Thwaites, Mathers and Simkins 2013). Линии улиц определяют модульность: степень автономности и взаимозависимости между модулями частично зависит от того, насколько их границы проницаемы для потоков различного типа. Александер и соавторы (1977) настаивают на фундаментальной роли линий улиц и прочих элементов интерфейса в формировании согласованного целого. В зависимости от их «многосоставности» уличные края бывают доступными и открытыми для обмена (активные фасады, пассажи и т.д.) или, наоборот, ограничивают взаимодействие (препятствия и т.д.) или вовсе предотвращают возможность объединения (высокие заборы, глухие фасады, отсутствие точек доступа и т.д.). В последнем случае смежные модули могут быть изолированы друг от друга, несмотря на их физическую близость (Gehl 2011). Степень проницаемости линий улиц также зависит от наличия точек доступа, и в этом смысле это важный фактор связанности, особенно в локальном масштабе. Чем больше плотно расположенных точек доступа (это возможно при наличии множества смежных и относительно узких участков), тем больше доступных пунктов отправления и назначения. Такая ситуация благоприятна для социальной жизни (Romice et al.). В любом случае требуемая степень проницаемости линии улицы зависит от приоритета самой улицы (рис. 3). Линии, расположенные на основных транспортных магистралях, требуют большей проницаемости для постоянного взаимодействия между общественным и частным пространством. Преимущественно

жилые улицы, напротив, не нуждаются в интенсивности обмена той же степени, поэтому в их случаях позволительна более низкая проницаемость.

условия достижения жизнестойкости на уровне кварталов

Совокупности разных линий и размер кварталов зависят от ритма перекрестков и зернистости комплекса участков. Оба фактора влияют на распределение функций, видов деятельности и моделей движения (рис. 4). Кварталы, состоящие из одного или нескольких крупных участков, имеют ограниченный потенциал в плане разнообразия и избыточности, сниженную доступность и слабую способность модульного объединения или разделения. Кварталы, состоящие из участков небольших размеров, предполагают большие разнообразие и вариативность в форме и использовании и более прочную внутреннюю связь, особенно для пешеходов (Jacobs 1961). В то же время Салат и Бурдич (2012) утверждают, что для создания более сложной и эффективной структуры на всех уровнях рядом со множеством небольших кварталов необходимо расположить несколько средних и несколько крупных. Это способствует разнообразию, так как появляются условия для размещения инфраструктуры специализированных функций или дополнительных вариантов их использования.

Рис. 3. Условия достижения
жизнестойкости в масшта-
бе фронта улиц

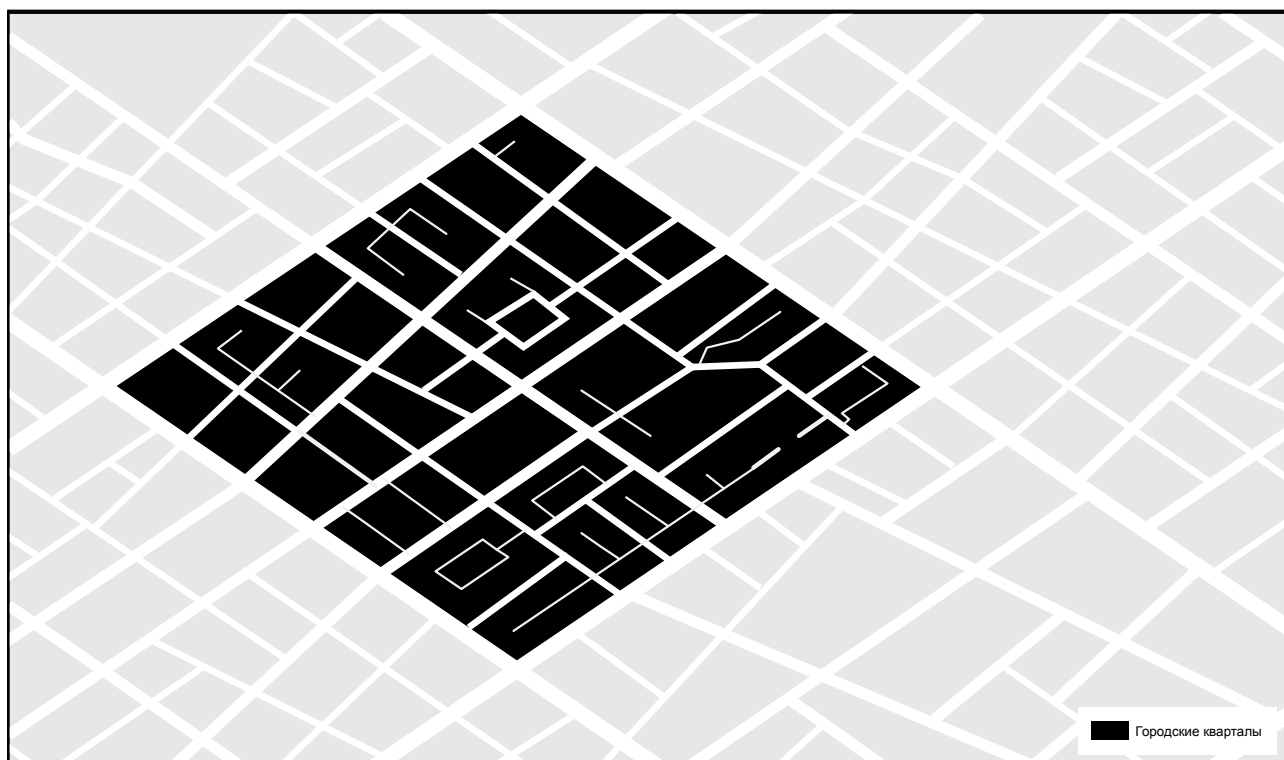

Действительно, когда крупные блоки являются результатом объединения краев улиц, они достигают большей комплексности (например общественные сады и мастерские, доступные с небольших улиц или переулков).

условия достижения жизнестойкости на уровне улиц

В зависимости от расположения относительно более крупных элементов, планировки и индивидуальных геометрических свойств улицы обладают разным потенциалом повышения жизнестойкости (Lhomme et al. 2013) (рис. 5). То, как улица участвует в общей сети улиц локального и глобального масштабов, определяет ее значимость. Понимание значимости дает нам возможность аккумулировать несколько взаимосвязанных движущих сил, что и необходимо для полноценной городской жизни. Речь идет, например, о местоположении торговых точек и землепользования других видов, о размере и форме участков, их проходимости и т.д. (Porta et al. 2012). Уличные сети меняются и растут с течением времени, а также имеют тенденцию проявлять рекурсивный характер. Значимость определяется согласно степенному закону, в рамках которого сочетаются глобальная связанность и локальная кластеризация (Strano et al. 2012, Barthélemy 2011). Такая сетевая архитектура структурирована таким образом, чтобы объединять в себе:

Рис. 4. Условия достижения жизнестойкости в масштабе кварталов

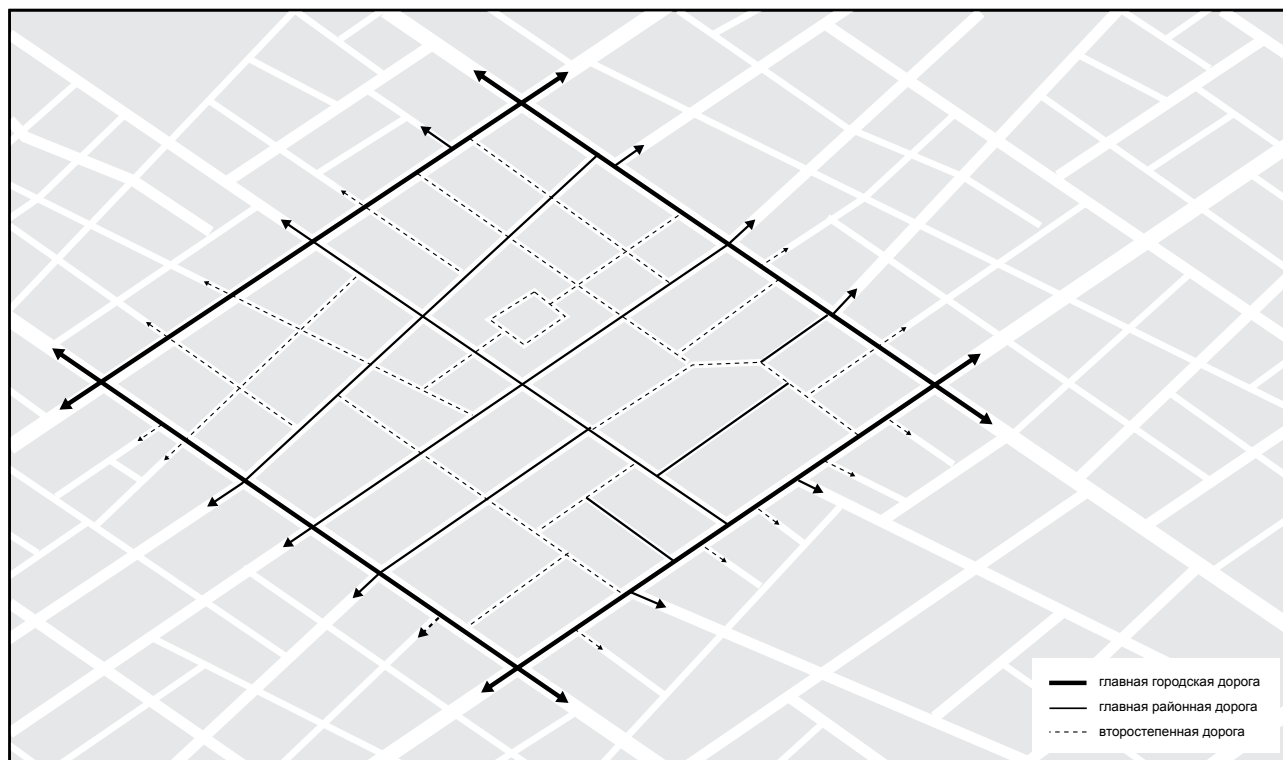

- несколько городских магистральных линий связи, которые обеспечивают включенность в более широкие городской и региональный контексты;
- определенное количество локальных магистралей, связывающих районы и округа;
- множество людных, пешеходных и плотно застроенных улиц локального масштаба (Porta, Crucitti and Latora 2006).

Уличные сети с хорошей модульностью состоят из большого количества подсетей, тесно связанных друг с другом посредством «слабых» соединений, по которым распределяются различные потоки. Уэбб и Бодин (2008) отмечают необходимость баланса между модульностью и связностью, чтобы множество элементов могли эффективно объединяться друг с другом, образуя концентрированные узловые кластеры.

Конфигурация планировки улиц определяет связь каждой из них с окружением. Схема улиц, на которой преобладают четырехсторонние перекрестки, а тупиковые проезды, напротив, почти отсутствуют, позволяет обеспечить максимальную вариативность передвижений. Интенсивность движения снижается только из-за небольшого количества «карманов». Поскольку эффективная сеть улиц должна «обеспечить легкодоступность каждой точки из любой другой» (Salat and Bourdic 2012: 39), наличие описанной выше структуры позволяет достичь большей степени жизнестойкости по сравнению с ситуацией, когда преобладают тупиковые «карманы». Избыток тупиков приводит к разъединению даже пространственно близких точек. Фактор взаимного расположения улиц также определяет степень взаимодополнения путей между двумя точками (Lhomme et al. 2013).

Рис. 5. Условия достижения жизнестойкости в масштабе улиц

Эта избыточность зависит от количества доступных альтернатив: взаимосвязанные сети улиц имеют высокую степень избыточности, древовидные сети — очень низкую. Чем больше пути дублируют друг друга, тем больше вариантов движения у горожан (Mehaffy 2015). К тому же избыточность дорог помогает уменьшить влияние на сеть в случае потери ключевых соединений. Когда улица закрыта полностью или для автомобильного движения, потокам удастся обойти прерывание через вторичные пути, что невозможно в древовидных сетях.

Такие геометрические параметры улиц, как ширина, длина и количество перекрестков, отражают роль и приоритетность каждой улицы в контексте окружения, а также влияют на характер и интенсивность движения по ней. Чтобы обеспечить взаимосвязанность, сегменты улиц должны быть многочисленными, короткими, а расстояние между перекрестками — небольшим (Jacobs 1961; Mehaffy 2015; Carmona 2010). Большое количество улиц и большая частота перекрестков приводят к плотной циркуляции по мелкоячеистой сетке, допускают выбор из нескольких маршрутов и возможность оптимизировать их. В результате мы получаем большее разнообразие и большую вариативность использования.

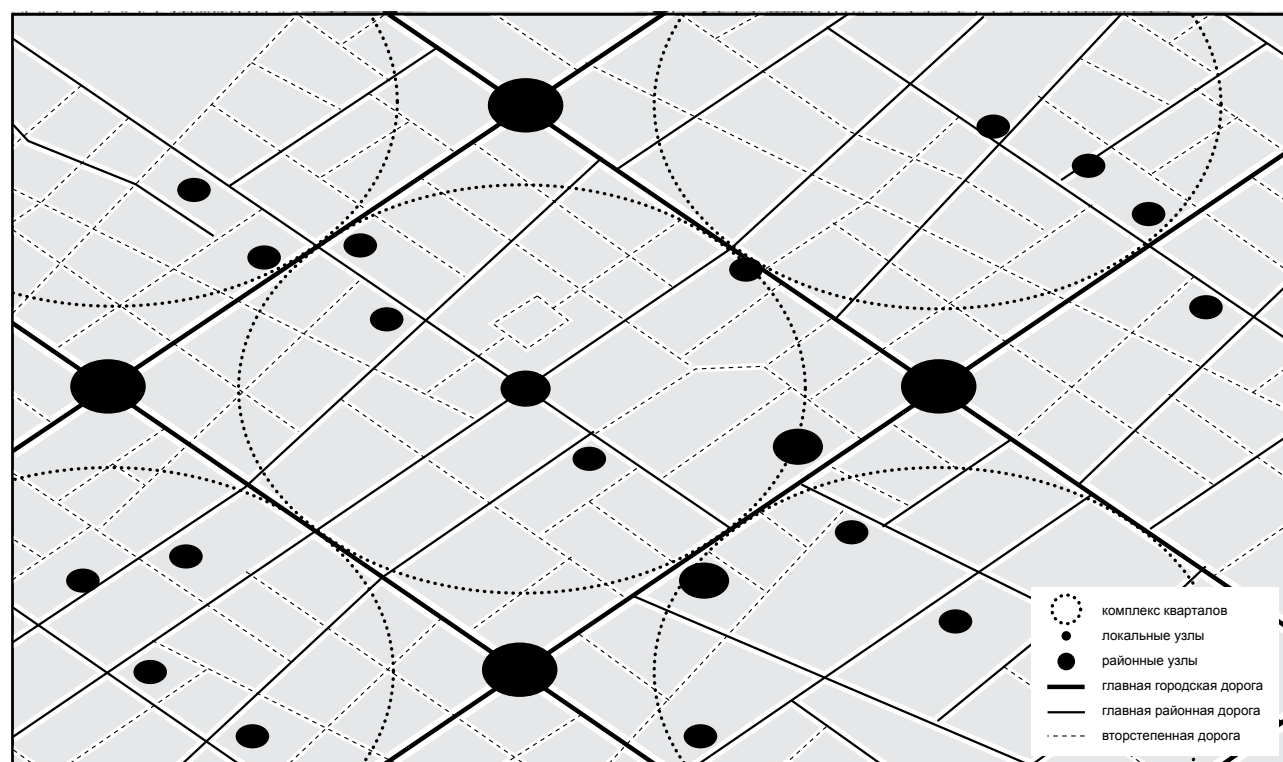
условия достижения жизнестойкости на уровне микрорайонов и районов

Микрорайоны — это элементы, которые связывают комплексы низового уровня (кварталы, улицы, участки) с комплексами более высокого уровня (районами, городами и регионами). Так образуется сбалансированная динамика между локальными потребностями и ресурсами более обширных территорий (рис. 6). С одной стороны, определенная степень автономности позволяет удовлетворять основные потребности без чрезмерной зависимости от внешних источников. С другой, взаимозависимость с широким городским контекстом позволяет получить доступ к инфраструктуре более высокого порядка.

На низовом уровне микрорайоны способствуют избыточности, обеспечивая вариативность форм, диапазон доступных сервисов и услуг и удобные внутренние соединения. Их легко пересекать из конца в конец по тесно расположенным местным «артериям», а по узким улицам должно быть легко пройти пешком. Поскольку очень часто сервисы имеют тенденцию группироваться вдоль главных улиц в форме локальных узлов (Mehaffy et al. 2010), территория микрорайонов не должна быть слишком большой, а пересечения между главными улицами не должны быть слишком далеко друг от друга. Недавние исследования показали, что оптимальное расстояние между главными улицами не должно превышать 400 метров (Porta et al. 2014).

На уровне города доступность разнообразных транспортных средств и избыточность модульных вариантов перемещения по частям района не только расширяют вариативность с точки зрения точек отправления и назначения, а также самих форм мобильности, но и создают необходимую синергию разных уровней. Инфраструктура каждого из районов работает не автономно, но как многосоставная сеть, каждая часть которой усиливает друг друга (Strano et al. 2015). Соседние элементы образуют центральные узлы системы (например узлы общественного транспорта на перекрестках с оживленной улицей). Эта синергия позволяет каждому микрорайону совместно с другими использовать объекты или узлы более высокого уровня, где размещаются менее распространенные или «районные» сервисы или элементы специальной «столичной» инфраструктуры (такие как университеты или крупные больницы). Существование узлов высокого уровня оказывает решающее влияние на динамику городов на уровне районов и метрополий. При этом ни один микрорайон не сможет поддерживать эти функции независимо от других частей города. То, как эти узлы распределяются в пространстве, показывает, что приобретают различные районы от правильного баланса между локальными, районными и столичными узлами. Справедливое и рассеянное распределение таких узлов по разным зонам районов обеспечивает как вариативность, так и доступность их функционала. Одни услуги должны быть распространенными и часто перемежающимися, другие распределяются менее плотно, а третьи необходимы в гораздо меньшем количестве и в более централизованных местах (Mehaffy 2015; UTF and Rogers 1999).

Рис. 6. Условия достижения жизнестойкости в масштабе квартальных комплексов и районов

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой статье мы сфокусировались на физическом измерении городов как одном из компонентов городской экосистемы, имеющих отношение к общей жизнестойкости. Мы признаем, что, хотя форма города вполне может быть «наиболее ощутимым измерением городов», она «существует не изолированно, а в рамках правил и законов, акторов и агентов, сетей и местных культур» (Marcus and Colding 2011: 4). Тем не менее, поскольку вмешательство в городской ландшафт требует значительных временных и ресурсоемких затрат, принято рассчитывать, что появившейся инфраструктуре предстоит долгая жизнь, которая продолжится даже после изменений правил игры.

В многочисленных схожих исследованиях зафиксированы последствия разной степени успешности структурных изменений городов или их частей по прошествии времени (Vale and Campanella 2005; Panerai, Castex and Depaule 2004; Davis and Uffer 2013). «Существуют городские формы, которые кажутся более жизнестойкими относительно изменений в долгосрочной перспективе, чем другие» (Davis and Uffer 2013: 11) — это подтверждает, что «жизнестойкость как принцип проектирования в неявном виде была частью традиционных знаний о строительстве» (Hassler and Kohler 2014: 119). Мы предполагаем, что, осознав, как форма структур разных уровней способствует жизнестойкости и влияет на нее, мы сможем структурировать эти знания.

Конфигурация городской среды является фактором жизнестойкости городской экосистемы в целом, а городской ландшафт является объектом проектировочного вмешательства. Поэтому городское проектирование может повысить жизнестойкость системы, манипулируя конфигурацией и соотношением элементов. В этом смысле обозначение необходимых условий может послужить принципиальным руководством для проектировщиков, нацеленных на поддержку информированного вмешательства, основанного на фактических данных. Это может помочь как при трансформации ландшафта существующих городов, так и в проектировании новых. В этой статье мы старались выявить варианты развития этого направления исследований, которое по-прежнему находится на этапе формирования как в теории, так и на практике. Ключевой задачей остается поиск способов измерения каждого из факторов с помощью определенных индикаторов, специально сформулированных для учета разных уровней городской структуры. Это позволило бы открыть новые сценарии для оценки и последующего мониторинга градостроительных проектов. Эта работа является лишь частичным вкладом в усилия по разработке нового подхода к проектированию жизнестойких городских форм, а также к количественному и качественному мониторингу наших городов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ahern 2001
Ahern J. From Fail-Safe To Safe-To-Fail: Sustainability And Resilience In The New Urban World // *Landscape And Urban Planning*. 2011. № 100. P. 341–343.
- Alexander et al. 1977
Alexander C., Ishikawa S., Silverstein M., Jacobson M. A Pattern Language: Towns, Buildings // *Constructions*. 1977.
- Allan and Bryant 2011
Allan P., Bryant M. Resilience As A Framework For Urbanism And Recovery // *Journal Of Landscape Architecture*. 2011. № 6. P. 34–45.
- Anderies 2012
Anderies J. M. Embedding Built Environments In Social-Ecological Systems: Resilience-Based Design Principles // *Building Research & Information*. 2012. № 42. P. 130–142.
- Appleyard, Gerson and Lintell 1981
Appleyard D., Gerson M. S., Lintell M. *Livable Streets, Protected Neighborhoods*. University Of California Press, 1981.
- Barthelemy 2011
Barthelemy M. Spatial Networks // *Physics Reports*. 2011. № 499. P. 1–101.
- Batty 2013
Batty M. *The New Science Of Cities*. MIT Press, 2013.
- Batty and Marshall 2009
Batty M., Marshall S. Centenary Paper: The Evolution Of Cities: Geddes, Abercrombie And The New Physicalism // *Town Planning Review*. 2009. № 80. P. 551–574.
- Caniggia and Maffei 1979
Caniggia G., Maffei G. L. *Lettura Dell'edilizia Di Base*. Venezia: Marsilio Editori Spa, 1979.
- Carmona 2010
Carmona M. *Public Places, Urban Spaces: The Dimensions Of Urban Design*. Routledge, 2010.
- Chelleri et al. 2012
Chelleri L., Kunath A., Minucci G., Olazabal M., Waters J. J., Yumalogava L. *Multidisciplinary Perspectives On Urban Resilience: Workshop Report* / ed. by L. Chelleri, M. Olazabal. Bilbao, Spain. 2012. 1st ed.
- Cloete 2012
Cloete C. Assessing Urban Resilience // *Risk Analysis*. 2012. VIII. № 167. P. 341.
- Conzen 1960
Conzen M. R. G. *Alnwick, Northumberland: A Study In Town-Plan Analysis* // *Transactions And Papers / Institute Of British Geographers*. 1960. P. iii–122.
- Davis and Uffer 2013
Davis J., Uffer S. *Evolving Cities, Exploring The Relations Between Urban Form Resilience And The Governance Of Urban Form*. 2013.
- Feliciotti
Feliciotti A. *Socio-Ecological Resilience And Urban Design: Defining The Common Ground And A Way Forward For Practice*. Terra Spectra Planning Studies. In Print.
- Feliciotti, Romice and Porta 2015
Feliciotti A., Romice O., Porta S. Masterplanning For Change: Lessons And Directions // 29th Annual Aesop 2015 Congress Definite Space — Fuzzy Responsibility / ed. by M. Macoun, K. Maier. Prague. 2015. Cz. Online Version Only: 3051–3065.
- Firley and Grön 2014
Firley E., Grön K. *The Urban Masterplanning Handbook*. John Wiley & Sons, 2014.
- Frey 1999
Frey H. *Designing The City: Towards A More Sustainable Urban Form*. London: E & Fn Spon, 1999.
- Gehl 2011
Gehl J. *Life Between Buildings: Using Public Space*. Island Press, 2011.
- Habraken 1998
Habraken N. *Structure Of The Ordinary; Form And Control In The Built Environment* / ed. by J. Teicher. Cambridge, MA: MIT Press, 1998.
- Hassler and Kohler 2014
Hassler U., Kohler N. Resilience In The Built Environment // *Building Research & Information*. 2014. № 42. P. 119–129.
- Holling and Goldberg 1971
Holling C. S., Goldberg M. A. Ecology And Planning // *Journal Of The American Institute Of Planners*. 1971. № 37. P. 221–230.
- Jacobs 1961
Jacobs J. *The Death And Life Of Great American Cities*. Random House Llc, 1961.
- Kropf 1996
Kropf K. Urban Tissue And The Character Of Towns // *Urban Design International*. 1996. № 1. P. 247–263.
- Lhomme et al. 2013
Lhomme S., Serre D., Diab Y., Laganier R. Analyzing Resilience Of Urban Networks: A Preliminary Step Towards More Flood Resilient Cities // *Natural Hazards And Earth System Science*. 2013. № 13. P. 221–230.

- Liao 2012
- Liao K.-H. A Theory On Urban Resilience To Floods — A Basis For Alternative Planning Practices // *Ecology And Society*. 2012. № 17. P. 48.
- Marcus and Colding 2011
- Marcus L., Colding J. Towards A Spatial Morphology Of Urban Social-Ecological Systems // 18th International Seminar On Urban Form. 2011.
- Marcus and Colding 2014
- Marcus L., Colding J. Toward An Integrated Theory Of Spatial Morphology And Resilient Urban Systems // *Ecology And Society*. 2014. № 19. P. 55.
- Mehaffy 2015
- Mehaffy M. Urban Form And Greenhouse Gas Emissions // *A+Be | Architecture And The Built Environment*. 2015. № 14. P. 1–192.
- Mehaffy et al. 2010
- Mehaffy M., Porta S., Rofè Y., Salingaros N. Urban Nuclei And The Geometry Of Streets: The “Emergent Neighborhoods” Model. *Urban Design International*. 2010. № 15. P. 22–46.
- Moench, Tyler and Lage 2011
- Moench M., Tyler S., Lage J. Catalyzing Urban Climate Resilience: Applying Resilience Concepts To Planning Practice In The ACCCRN Program (2009–2011) // *Institute For Social And Environmental Transition, International*. 2011.
- Montgomery 1998
- Montgomery J. Making A City: Urbanity, Vitality And Urban Design. *Journal Of Urban Design*. 1998. № 3. P. 93–116.
- Novotny, Ahern and Brown 2010
- Novotny V., Ahern J., Brown P. Water Centric Sustainable Communities: Planning, Retrofitting And Building The Next Urban Environment. John Wiley & Sons, 2010.
- Panerai, Castex and Depaule 2004
- Panerai P., Castex J., Depaule J.-C. Urban Forms: The Death And Life Of The Urban Block. Routledge, 2004.
- Pickett, Cadenasso and Mcgrath 2013
- Pickett S.T., Cadenasso M.L., Mcgrath B. Resilience In Ecology And Urban Design: Linking Theory And Practice For Sustainable Cities. Springer Science & Business Media, 2013.
- Porta, Crucitti and Latora 2006
- Porta S., Crucitti P., Latora V. The Network Analysis Of Urban Streets: A Primal Approach // *Environment And Planning B: Planning And Design*. 2006. № 33. P. 705–725.
- Porta et al. 2012
- Porta S., Latora V., Wang F., Rueda S., Strano E., Scellato S., Cardillo A., Belli E., Càrdenas F., Cor-
menzana B., Latora, L. Street Centrality And The Location Of Economic Activities In Barcelona // *Urban Studies*. 2012. № 49. P. 1471–1488.
- Porta and Romice 2014
- Porta S., Romice O. Plot-Based Urbanism: Towards Time-Consciousness In Place-Making // *Dortmunder Vorträge Zur Stadtbaukunst [Dortmunder Lectures On Civic Art]* / ed. by W. Sonne. De.: Sulgen, 2014.
- Porta et al. 2014
- Porta S., Romice O., Maxwell J.A., Russell P., Baird D. Alterations In Scale: Patterns Of Change In Main Street Networks Across Time And Space // *Urban Studies*. 2014. 0042098013519833.
- Remali et al. 2015
- Remali A., Porta S., Romice O., Abudib H. Street Quality, Life And Centrality In Tripoli // *Suburban Urbanities: Suburbs And The Life Of The High Street* / ed. by L. Vaughan. London: Ucl Press, 2015.
- Romice et al.
- Romice O., Thwaites K., Porta S., Greaves M. City Form And Wellbeing // *The Handbook Of Environmental Psychology And Quality Of Life Research* / ed. by E. Pol, O. Navarro, Fleury-Bahi. Springer. In Print.
- Rudlin and Falk 2009
- Rudlin D., Falk N. Sustainable Urban Neighbourhood: Building The 21st Century Home. Routledge, 2009.
- Salat and Bourdic 2012
- Salat S., Bourdic L. Urban Complexity, Efficiency And Resilience. Intech Open Access Publisher, 2012.
- Salat and Bourdic 2014
- Salat S., Bourdic L. Spatial Planning Principles & Assessment Framework For Climate Adaptive & Resilient Cities In China. International Workshop On Urban Adaptation To Climate Change. Beijing, People's Republic Of China, 2014.
- Salat, Bourdic and Labbe 2014
- Salat S., Bourdic L., Labbe F. Breaking Symmetries And Emerging Scaling Urban Structures: A Morphological Tale Of 3 Cities: Paris, New York And Barcelona // *International Journal Of Architectural Research: Archnet-Ijar*. 2014. № 8. P. 77–93.
- Salingaros 2000
- Salingaros N.A. Complexity And Urban Coherence // *Journal Of Urban Design*. 2000. № 5. P. 291–316.
- Strano et al. 2012
- Strano E., Nicosia V., Latora V., Porta S., Barthélemy M. Elementary Processes Governing The Evolution Of Road Networks // *Scientific Reports*. 2012. № 2.

- Strano et al. 2015
Strano E., Shai S., Dobson S., Barthelemy M. Multiplex Networks In Metropolitan Areas: Generic Features And Local Effects // Journal Of The Royal Society Interface. 2015. № 12. 20150651.
- Tachieva 2010
Tachieva G. Sprawl Repair Manual. Island Press, 2010.
- Tarbatt 2012
Tarbatt J. The Plot: Designing Diversity In The Built Environment: A Manual For Architects And Urban Designers. London: Riba Publishing, 2012.
- Thwaites, Mathers and Simkins 2013
Thwaites K., Mathers A., Simkins I. Socially Restorative Urbanism: The Theory, Process And Practice Of Experiemics. Routledge, 2013.
- Thwaites et al. 2007
Thwaites K., Porta S., Romice O., Greaves M. Urban Sustainability Through Environmental Design: Approaches To Time-People-Place Responsive Urban Spaces. Taylor & Francis, 2007.
- Utf and Rogers 1999
Utf U.T.F., Rogers R. Towards An Urban Renaissance: The Report Of The Urban Task Force Chaired By Lord Rogers Of Riverside; Executive Summary, Urban Task Force. 1999.
- Vale and Campanella 2005
Vale L.J., Campanella T.J. The Resilient City: How Modern Cities Recover From Disaster. Oxford University Press, 2005.
- Van Nes and López 2007
Van Nes A., López M.J. Micro Scale Spatial Relationships In Urban Studies: The Relationship Between Private And Public Space And Its Impact On Street Life // Proceedings Of The 6th Space Syntax Symposium (6SSS). Turkiye, Istanbul. 2007. June 12–15.
- Webb and Bodin 2008
Webb C., Bodin Ö. A Network Perspective On Modularity And Control Of Flow In Robust Systems. Complexity Theory For A Sustainable Future. 2008. P. 85–118.
- Whitehand 1979
Whitehand J. The Study Of Variations In The Building Fabric Of Town Centres: Procedural Problems And Preliminary Findings In Southern Scotland. Transactions Of The Institute Of British Geographers. 1979. P. 559–575.
- Wood and Dovey 2015
Wood S., Dovey K. Creative Multiplicities: Urban Morphologies Of Creative Clustering // Journal Of Urban Design. 2015. P. 1–23.

Жилье как образ жизни

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИЧИН, ПО КОТОРЫМ СЕМЬИ СРЕДНЕГО КЛАССА ПРЕДПОЧИТАЮТ ЖИТЬ В ГОРОДЕ

АННОТАЦИЯ

Исследования жилья показывают, что подавляющее большинство семей среднего класса отдают предпочтение загородным жилым районам. В данной статье рассматривается нетипичная категория людей: семьи среднего класса, проживающие в городе. Цель исследования состоит в том, чтобы понять, почему эти семьи отказываются от кажущегося естественным выбора в пользу пригорода. Эмпирические данные были получены в ходе бесед с семьями, проживающими в двух районах Роттердама. Исследование выявило три взаимосвязанных объяснения этого феномена. Во-первых, семьи ясно обозначают пространственно-временные причины выбора городской жизни: в частности, место работы подталкивает их к поиску жилья в том же городе. Во-вторых, социальная вовлеченность — веская причина, чтобы остаться. Понимание жилищных предпочтений требует концептуализации семьи как социальной сети. В-третьих, эти семьи считают себя настоящими горожанами и крепкими семьями, которые не воспринимают пригороды как подходящее место для жизни. Результаты исследования рассматриваются в контексте городской политики по удержанию среднего класса в черте города.

ВВЕДЕНИЕ

Семьи всегда составляли значительную часть городского населения, но в наше время крупные города часто становятся местом для жизни одиноких людей и небольших бездетных семей. По итогам субурбанизации в городском ландшафте семьи с детьми остались в меньшинстве (Gans 1968; Mazanti 2005; Vijgen and Van Engelsdorp Gastelaars 1992). В Нидерландах с 1960-х годов наблюдается устойчивая тенденция к миграции в пригороды, особенно среди семей и групп с высоким уровнем дохода (Bootsma 1998). Кроме того, статистика показывает, что отток населения или субурбанизация в ближайшем будущем не прекратятся: более 40% семей с детьми, проживающих в крупных городах, планируют переехать. Этот процент намного выше, чем среди населения Нидерландов в целом (24%) (SCP 2001: 34). В четырех крупнейших городах Нидерландов семьи с детьми наименее удовлетворены своей жизненной ситуацией (VROM 2003: 43–44). Они, как правило, ищут более просторное жилье и по возможности переезжают в собственные дома для одной семьи (SCP 2001: 31). Миграция в пригороды — это феномен, характерный не только для европейцев; суринамские и турецкие семьи с высокой вероятностью будут следовать той же тенденции (Burger and van der Lugt 2005; Sterckx, Feijter and Roukens 2003).

Пригороды стали основным местом обитания семей среднего класса. Все, кто могут себе это позволить, склонны переезжать за черту города. При этом большинство вынуждено терпеть более долгую дорогу на работу ради пригородных жилых районов, удобных для детей. Однако фрагментарные исследования (Brun and Fagnani 1994; Butler 2003; Butler and Robson 2001; Karsten 2003) показывают, что в меньшинстве семей принимают иное решение. Они, вероятно, следуют тенденции к джентрификации, до сих пор затрагивавшей главным образом бездетные семьи. Исследование развивает этот вопрос и выясняет, почему семьи среднего класса, которые могут позволить себе купить дом в пригороде, решают остаться в городе. Как понять этот нетипичный паттерн выбора семейного жилья, который идет вразрез с господствующими культурными нормами, объявляющими пригород наиболее подходящим местом для семейной жизни (Hamers 2003; Richards 1990)? Семьи с детьми освещаются широко в литературе о джентрификации и ревитализации городов (Rose and Chicoine 1991). Многие вопросы остаются без ответа. Почему семьи остаются в городе после рождения детей?

Настоящее исследование основано на интервью с семьями среднего класса с двумя работающими взрослыми (включая семьи мигрантов), проживающими в Роттердаме, втором по величине городе Нидерландов (Karsten, Reijndorp and van der Zwaard 2006). Нужно интерпретировать результаты, принимая в учет географию. Роттердам, как и другие крупные города, стремится удержать средний класс. Город хочет стать привлекательным для групп населения со средним и высоким доходом и одновременно снизить социальную поляризацию. Необходимо снизить сегрегацию доходов между Роттердамом и прилегающими территориями, а также свойственную ей этническую концентрацию. Политика городского развития включает в себя ревитализацию старых районов и строительство совершенно новых

жилых комплексов в бывших промышленных/портовых зонах. Эмпирические данные, представленные в настоящей статье, получены от жителей, проживающих в двух указанных типах районов.

В статье несколько разделов. В первом проводится обзор литературы, которая помогла уточнить основной вопрос исследования. Он показывает, что классические исследования жилищных предпочтений не способны объяснить, почему некоторые семьи среднего класса выбирают городское жилье. Выбор в пользу города обусловлен сценариями повседневной деятельности, социальными связями и идентичностью города. Теоретические предпосылки помогают определить эмпирический контекст исследования: старый многофункциональный район с высокой плотностью населения и недавно построенный небольшой район в бывшем порту. Раздел «Результаты» структурирован в соответствии с анализом литературы. Результаты исследования в нем анализируются в свете различий между двумя изучаемыми районами. В разделе «Заключение» обобщаются основные выводы и вновь затрагивается значение этого исследования для формирования политики развития города.

ЖИЛИЩНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ

Традиционные жилищные исследования рассматривают экономические и демографические факторы как наиболее важные детерминанты выбора жилья. Решение жилищного вопроса воспринимается как производная цены, которую может позволить себе семья, и размера семьи или числа и возраста детей. В течение жизни семья постоянно корректирует свою жилищную ситуацию в соответствии с финансовыми ресурсами и пространственными потребностями. Такая научная традиция отделяет жилье от более широкого контекста жизни (Clapham 2005; Mulder and Hooimeijer 1999; Shlay 1986). Более глубокое понимание жилищных вопросов требует поиска взаимосвязи между выбором жилья и более широким контекстом потребностей семьи. Место (где проходит повседневная жизнь) и расположение района — важные условия семейной жизни. Жизнь семьи зависит от инфраструктуры в районе и за его пределами, поэтому расположение района в пределах города имеет жизненно важное значение. Литература по временной географии демонстрирует важность пространственно-временных факторов для повседневной жизни, особенно жизни семей с двумя работающими взрослыми (Brun and Fagnani 1994; Green 1997; Jarvis 1999; Droogleeve Fortuijn and Karsten 1989; McDowell et al. 2006). Работающие семьи должны ежедневно совмещать социальную активность и личные дела; некоторые районы лучше приспособлены к этим ежедневным усилиям. Некоторые районы удачнее расположены со стратегической точки зрения: ближе к множеству объектов инфраструктуры, включая работу. Семьи идут на сложные компромиссы между издержками и выгодами, связанными с типом района и местом проживания.

ния (Butler 2003; Hardill 2002). Жилые кварталы в крупных городах, как правило, имеют важное преимущество: близкое расположение работы и других объектов инфраструктуры. Все недостатки можно объединить как отсутствие благоприятной для детей среды. Семьи стремятся найти баланс между всеми «за» и «против», но зачастую преобладают двойственные чувства (Droogleever Fortuijn 1993; Jarvis, Pratt and Wu 2001).

Временная география подчеркивает важность объективных факторов для повседневной жизни. Эта теория подразумевает поиск оптимального расположения жилья с учетом расстояния и времени, необходимых для перемещения в различные зоны деятельности. Другим направлением в литературе является изучение социальной укорененности семей (Bailey, Blake and Cooke 2004; Miller and Darlington 2002). Семьи с детьми чаще склонны вступать в социальное взаимодействие с соседями, чем бездетные семьи (Fischer 1977; Volker and Verhoeff 1999). В еще большей степени эта тенденция характерна для работающих семей, которые сильнее вовлечены во внешние отношения и у которых больше внешних обязательств. Работающие семьи стараются создавать поддерживающие сообщества, основанные на общении и взаимопомощи. Социальная вовлеченность является одной из причин того, почему семьи с детьми, как правило, не переезжают так часто, как одинокие и бездетные пары. Если же они переезжают, они зачастую перемещаются лишь на короткие расстояния, стремясь сохранить свои социальные связи (Fischer and Malmberg 2001). Следовательно, решение остаться жить в городе можно рассматривать как стратегию адаптации, но этим оно не исчерпывается. Городские семьи, как и все жители, ориентируются на конкретных соседей и конкретных сограждан: группу людей, к которой они хотят принадлежать. Сети социальных взаимодействий состоят из людей и семей, которым присуща определенная степень «сходства». Люди предпочитают участвовать в однородных социальных сетях с точки зрения класса и этнической принадлежности (Butler and Robson 2001), семейного положения (Gans 1968) и дискурса жизни «благополучной» семьи (Mazanti 2005). Результатом действия этих социальных сил, по-видимому, является городская сегрегация между группами «похожих друг на друга» людей (Atkinson 2006).

Желание принадлежать к определенным социальным кругам (и местам) определяет идентичность третьей категорией обоснования выбора жилья. Наше понимание выбора жилья можно расширить через рассмотрение социального конструирования идентичности жилья. Различия, лежащие в основе формирования идентичности, конструируются через участие в повседневной социальной практике и проявляются в потребительских товарах (Bourdieu 1984). Товары, которыми люди владеют, можно рассматривать как проявление самовыражения. Жилье — одна из форм потребления, через которую можно выразить себя (Cooper Marcus 1995). Сэведж и соавторы (Savage, Bagnall and Longhurst 2005) выразили эту идею еще радикальнее, назвав место жительства решающим фактором самоопределения. На сегодняшний день личность жителя чаще связывают с интерьером его дома, но местоположение и качество района также важны с точки зрения идентичности (Forrest and Kearns 2001; Wijs and Mulkens 1999). Где вы живете? Наш ответ на этот вопрос говорит не

только о месторасположении нашего дома, но и о том, кто мы такие. Выбор жить в определенном месте (и покинуть все остальные места) выявляет социальные различия. Место жительства является частью «я»-нарратива (Giddens 1991). В то время как многие семьи среднего класса уже владеют «образцовым» домом в пригороде, некоторые семьи хотят отличаться, выбирая совершенно другие жилищные условия. Этим можно объяснить семейную джентрификацию, пока не получившую широкого распространения. Весь вопрос конструирования идентичности очень тесно связан с представителями среднего класса, у которых есть ресурсы, позволяющие им принимать независимые решения и, при необходимости, защитить свой выбор.

Три направления помогают нам в дальнейшем уточнить вопрос исследования: «Как можно понять выбор некоторых семей среднего класса жить в городе?» Во-первых, какова роль пространственно-временных бюджетов в решении остаться в городе? Во-вторых, до какой степени социальная вовлеченность семьи способствует тому, чтобы семья оставалась в городе? В-третьих, в ситуации господствующих культурных норм, позиционирующих пригород как наиболее подходящее место для семьи, как изучаемые семьи защищают свою городскую жизнь от посторонних? Однако, прежде чем перейти к ответам на эти вопросы, следует остановиться на контексте повседневной жизни изучаемых семей: их городе, районах, в которых они проживают, и характеристиках их семейного быта.

ЭМПИРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Население Роттердама составляет почти 600 000 человек, это второй по величине город Нидерландов. В настоящее время он борется за превращение из промышленного города в глобальный город с экономикой услуг. Безработица высока, уровень образования и доходов низок, а в жилом фонде преобладает социальное и арендное жилье. Роттердам, конечно, не так привлекателен, как Лондон, куда стягиваются люди из всех слоев общества (Butler 2003). Это город, куда до сих пор мигрирует преимущественно бедное население. Репутация Роттердама не привлекает группы с более высокими доходами. За последние несколько лет число жителей несколько сократилось. Семьи с детьми составляют примерно одну треть всего населения. Коренные жители Нидерландов составляют 54% населения (эти и другие используемые цифры см. www.cos.rotterdam.nl).

Политика местных органов власти направлена на увеличение численности среднего класса. Одним из основных инструментов является джентрификация. Роттердам располагает обширными земельными участками по обе стороны реки Маас, на которых раньше осуществлялась промышленная и портовая деятельность. Эта земля перестраивается, оснащается удобствами и жильем. Новая политика недавно стала давать результаты: процент жилья, занимаемого владельцами, увеличился и в настоящее время составляет прибли-

зительно 25% от общего объема. Хотя покупатели жилья по-прежнему преимущественно европейцы, наблюдается резкий рост мигрантов — владельцев недвижимости (особенно суринамского и турецкого происхождения). В период 1990–2003 годов доля владельцев недвижимости среди суринамского населения увеличилась с 7 до 18%. В турецкой диаспоре доля домовладельцев увеличилась с 5 до 13%, а доля домовладельцев среди коренного голландского населения увеличилась с 20 до 30% (COS2003). Группы с самыми высокими доходами сосредоточены в двух районах, не рассматриваемых в этом исследовании: в Хиллигерсберге и Кралингене. Подавляющее большинство районов Роттердама населено группами жителей с низкими доходами, главным образом этническими меньшинствами. Это означает, что роттердамские семьи среднего класса также живут на правах меньшинств.

Вопреки контексту социального, демографического и культурного многообразия Роттердама мы провели интервью с работающими семьями со средним и высоким уровнем образования в различных районах. При определении изучаемых районов были выбраны два контрастных набора жилищных условий: более старый гетерогенный район с жителями среднего класса, разбросанными по всему району (северный Роттердам), и небольшой недавно построенный жилой квартал в старом районе Фейенорда вокруг зеленой площади (Стадстёйнен) с жителями среднего класса. Оба исследуемых района расположены недалеко от центра города: первый — на севере, а второй — на юге.

ИСТОРИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

Северный Роттердам представляет собой мозаику различных кварталов, в основном построенных в XIX веке. Это лабиринт узких улочек, заполненных припаркованными автомобилями и красивыми зелеными аллеями. Здесь живут относительно преуспевающие одинокие голландцы и большие бедные семьи мигрантов со всего мира. Обшарпанные лавки с дешевыми продуктами соседствуют со специализированными стильными магазинами. Хотя в окрестностях расположено несколько детских площадок различных размеров, их недостаточно. Около 20% домов заняты владельцами; цены варьируются от 200 000 до почти 300 000 евро, в зависимости от качества жилья. Смесь очень разных культур придает этому району особый колорит. Это часть старого Роттердама, который не бомбили во время Второй мировой войны, и поэтому он обладает символическим значением. Тем не менее старый Роттердам здесь узнать сложно: население значительно изменилось, новые «экзотические» магазины заменили традиционные, а реконструкция 1970-х годов полностью изменила ландшафт северных районов города.

Стадстёйнен во многом отличается от севера Роттердама. Реструктурированный район с севера окружен новостройками, среди которых встречаются офисы и театры. На юге, западе и востоке от него находятся большие многонациональные бедные кварталы. Это небольшая перестроенная территория: около 10 улиц вокруг зеленой площади с начальной школой и детской площадкой. Район напоминает проекты нового урбанизма (Franklin and Tait 2002), но из-за его небольшого

размера конфликт с преимущественно бедным районом Фейенорда очевиден. Противостояние наиболее заметно на Вюрплат, торговой улице Стадстёйнена, а также в южных и восточных микрорайонах. Дешевый супермаркет «Лидл» здесь соседствует с более дорогим супермаркетом «Альберт Хэйжн». Стадстёйнен соединен с центром города знаменитым мостом Эразма, который стал символом нового и современного Роттердама. Большинство домов заняты владельцами (недвижимость здесь дороже, чем на севере: от 300 000 до 400 000 евро), которые были построены в 1998–1999 годах. Дома в основном рассчитаны на одну семью, дополнены садами или общими террасами. Также здесь расположено несколько домов с квартирами-студиями. Большинство жителей района — голландцы (около 60%), но живут здесь и мигранты из разных регионов мира. Улицы тихие, свободные от сквозного трафика. Стадстёйнен можно назвать анклавом среднего класса внутри Фейенорда, бедного района южного Роттердама.

АУДИТОРИЯ ОПРАШИВАЕМЫХ

Среди опрошенных 30 семей были одинокие родители (5) и семьи мигрантов (11). Респондентами исследования стали 55 взрослых. В дополнение к интервью был проведен ряд систематических наблюдений в районах проживания опрашиваемых, а также беседы со специалистами (включая директоров школ, агентов по недвижимости, представителей правительственных структур и социальных работников). Все опрошенные семьи включали работающих родителей и детей в возрасте от 0 до 16 лет. Адреса участников интервью были получены из различных источников.

Исследование стремится охватить как можно более разнообразную выборку респондентов: по возрасту, числу детей, профессиональному статусу, этнической принадлежности и месту жительства. Респонденты были хорошо образованы, но не во всех семьях работали оба родителя. Женщины здесь в основном работают неполный рабочий день, как и некоторые мужчины. Эти более или менее симметрично организованные семьи не получают высоких зарплат, хотя доход семей из Стадстёйнена выше, чем у семей на севере. У некоторых семей на севере нет автомобиля (7 из 18), и некоторые из них живут в арендованном жилье (8 из 18) — в Стадстёйнене автомобилями и собственным жильем обеспечены все опрошенные семьи. Все респонденты давно живут в Роттердаме, причем многие представители обеих групп изначально жили в северном Роттердаме. Большинство из них — приезжие, переехавшие жить в Роттердам, чтобы получить высшее образование. Профессии респондентов разнообразны: преобладают специальности в области культуры (искусство, средства массовой информации) или государственного сектора (образование, публичная политика), меньшинство работает в коммерческом секторе (чаще в Стадстёйнене). Интервью, длившиеся от одного до двух с половиной часов, были проведены с одним или обоими партнерами и полностью расшифрованы. Тематами интервью были личная история респондентов (образование, предыдущие места работы и места проживания), организация повседневной жизни (работа, уход за членами семьи и досуг) и предпочтения в отношении жилья (включая значимость нынешнего дома и района).

РАССТОЯНИЕ И ВРЕМЯ

Взрослые из всех опрошенных семей работали, но количество рабочих часов в неделю и их заработок сильно различались. Было бы ошибкой полагать, что все семьи с двумя работающими взрослыми финансово благополучны, при этом все опрошенные семьи занимались одним и тем же процессом: на ежедневной основе совмещали оплачиваемую работу с уходом за детьми и с другими видами деятельности. Этот процесс требует от семей особенной пространственной и временной организации; в этом отношении решающее значение имеет место проживания. Семьи с недостатком времени хорошо понимали преимущества городской жизни с точки зрения пространственно-временных факторов. В ходе интервью респонденты часто упоминали необходимость минимизировать расстояние до важных объектов и время в пути, и это было явно связано с ощущением нехватки времени, которое одинаково свойственно респондентам с севера и из Стадтёйнена.

Более того, респонденты назвали местоположение работы важным обстоятельством при выборе района для жизни. Факторы, связанные с работой, казалось, были решающими при выборе их текущего жилого района. Большинство респондентов работали в самом Роттердаме. Во многих случаях оба партнера работали в Роттердаме, было лишь несколько исключений из этого правила. Опрашиваемые, особенно женщины, не оставляли у интервьюера никаких сомнений в том, что проживание в Роттердаме является частью стратегии совмещения работы с уходом за детьми. Женщина (48) из Стадтёйнена, которая выросла в пригороде, сообщила:

«Мы оба работаем, и, естественно, для нас идеально жить в пределах велосипедной досягаемости от всего. Мой отец тратил на дорогу домой не меньше часа, и ситуация на дорогах не улучшилась. Стояние в пробках утомительно, мне это кажется пустой тратой времени. Я лучше проведу его со своими детьми. Я могу быстро вернуться домой с работы. Я стараюсь быть дома, когда дети приходят из школы. В последнее время стало проще, потому что дети взрослеют, но все равно важно, чтобы кто-то был дома, когда они вернутся. Если я работаю четыре дня в неделю, я легко успеваю к их возвращению; мне не нужно беспокоиться, сколько времени уйдет на дорогу. Так намного эффективнее».

Хотя близость к работе — основная причина, по которой семьи не уезжают из города, респонденты упоминали и другие обстоятельства. Многие респонденты дали понять, что им нравится жить рядом с широким спектром городских культурных объектов. Они воспринимали возможность посещения этих объектов на велосипеде как роскошь (см. Karsten 2003). Говоря о самых важных для них местах, респонденты выделяли разные типы объектов. Некоторые семьи часто ходят в кинотеатр, а другие предпочитают посещать фестивали или специализированные магазины. Все положительно оценили разнообразный городской климат Роттердама.

Семьи также подчеркнули преимущества близости детских учреждений, таких как школы, досуговые клубы, плавательный бассейн, библиотека и так далее. Отец (47 лет) трех сыновей в северном Роттердаме:

«Жить так близко к центру очень удобно. Мы находимся в пяти минутах езды на велосипеде от тенниса, кружка бойскаутов, уроков плавания, школы и так далее. Мне очень нравится жить так близко к центру города... Конечно, один из недостатков — оживленность района, загруженность дорог и лихорадочный темп жизни. Еще я скучаю по природе».

«Рядом» не всегда означает «легко добраться», и это недостаток городской среды, особенно в контексте мобильности детей. Родители считали необходимым всегда сопровождать своих детей в городе. Высказывания о небольших расстояниях сопровождались замечанием о том, что «беспокойная» атмосфера города мешает спокойной жизни с детьми. Даже если ехать на велосипеде всего пять минут, детей должны сопровождать взрослые. Также взрослые должны следить за детьми при пересечении оживленных улиц или «плохих» районов. Родители на севере и в Стадстёйнене сталкиваются с одинаковыми ограничениями свободы передвижения своих детей, что отнимает у них время и раздражает детей. К списку факторов, съедающих много времени, респонденты из северного Роттердама добавили отсутствие безопасных и интересных детских площадок:

«Маленькая площадка через дорогу, конечно, совсем близко, но до нее нужно перейти через оживленную улицу. Да и дети, которые туда ходят, не очень вежливые. Мой ребенок туда совсем не вписывался. Там в основном играют иностранные дети, которые учатся в других школах. Вообще, через дорогу начинается совсем другой район».

В северных районах Роттердама считается необходимым сопровождать детей в любое время дня и ночи. Хотя родители переживают из-за оживленного дорожного движения, приведенная выше цитата показывает, что социальная небезопасность также играет важную роль в их решении о сопровождении своих детей. Озабоченность по поводу «других» детей и «других» стилей игры выражали как коренные голландские семьи, так и семьи мигрантов, проживающие на культурно разнообразных улицах северного Роттердама. Этнокультурные различия не были выраженной проблемой в Стадстёйнене, где игра на открытом воздухе не рассматривалась как причина для беспокойства, поскольку игровая площадка расположена в жилом районе соседей, равных по социальному статусу.

СЕМЬИ КАК СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ

Города разнообразны по группам населения, типам районов и диапазону объектов. В целом, близость ко «всему, чего можно захотеть» ценится очень высоко, и это позитивное отношение распространяется на разнообразную социальную среду. Она особенно ценится людьми, которые выросли за пределами города, например, одной из респонденток — женщиной, живущей в северном районе Роттердама и выросшей в деревне на юге Нидерландов:

«Наверху в соседнем доме живут турки, а внизу — марокканцы. Через дорогу живут двое мужчин из Кабо-Верде. На самом деле мы единственная белая семья на этом углу, но разнообразие дает мне чувство свободы. Я могу просто быть собой и не хочу это менять. Это относится и к объектам инфраструктуры. Пешком или на велосипеде можно добраться куда угодно».

Голландская поговорка гласит: «Городской воздух делает тебя свободным». Именно на это указывали наши собеседники. Однако похвала этническому разнообразию сопровождалась акцентом на важности контактов с «такими, как мы» (Butler and Robson 2001). Семьи, живущие в этнически разнообразной среде, испытывают сильную потребность в социальном и эмоциональном признании и поддержке. Иногда даже казалось, что социальное взаимодействие функционирует как щит против хаотичного города (см. Sennett 1984). Создавая широкий круг контактов, семьи стараются оградить себя от негативного опыта. Очевидно, такая стратегия успешнее работает в Стадстёйнене, чем на севере.

Кто входит в социальные сети этих городских семей? Семьи поддерживают многочисленные контакты с другими семьями — с детьми примерно того же возраста, которые становятся товарищами по играм. Демографическая однородность социальных сетей очевидна, и это одна из причин популярности Стадстёйнена:

«Наш с соседями переулок очень хороший. Дом нам тоже нравится. Это идеальный вариант: много места, а переулок перекрыт для движения, и дети могут делать все, что им заблагорассудится. Здесь у них много товарищей по играм. Не так давно мы всех пересчитали: детей получилось 28, а сейчас, наверное, еще больше. Детям везде рады. Летом они просто переходят от одного детского бассейна к другому (смеется). У нас как будто маленькая деревня в городе».

Дети объединяют семьи, живущие в непосредственной близости, и эти связи могут стать основой поддерживающих сообществ, где все друг другу помогают, в том числе советами. Родители заботятся о детях друг друга, дают практические советы и обсуждают детство в городе. Большинство респондентов уже прожили в Роттердаме много лет, но из-за статуса «приезжих» у них нет личного опыта взросления в городе. Они чувствуют, что не могут сравнивать детство своих детей со своим собственным, и поэтому переосмысливают современную версию городского детства (Bouw and Karsten 2004).

Детские учреждения (например школы и детские сады) становятся важными местами встреч, где осуществляется обмен информацией и поддержкой. Эти детские учреждения функционируют как узлы социальных сетей, особенно на севере, где демографическое и этническое разнообразие велико.

Семейные сети, как правило, однородны не только по возрасту детей, но и по социальному классу. Однако интересно отметить, что социальные сети этих семей не полностью моноэтнические — в отличие от сетей, описанных в исследованиях о жителях среднего класса Лондона (Butler and Robson 2001) и Амстердама (Karsten 2003). Роттердам, по-видимому, более соответствует образцу многонационального города. Вот что говорит голландка из северного Роттердама:

«У нас довольно много друзей из района. Конечно, мы не так часто общаемся с соседями. Мы редко видим соседей по лестничной клетке. Это старые роттердамцы, которых ужасает количество мигрантов, приехавших в город. Им кажется, мы живем слишком близко к мигрантам. У нас хорошие отношения с марокканскими соседями сверху. Мы с соседкой иногда сидим на крыльце и вместе присматриваем за детьми».

«Старые роттердамцы», которых упоминает эта женщина (38 лет), — небольшой сохранившийся белый городской рабочий класс. Очевидно, что они не очень хорошо вписываются в социальный круг «новых» городских семей. Марокканские соседи подходят лучше. В круг неформальных дружеских контактов входят семьи, принадлежащие к одной и той же статусной группе, независимо от этнического происхождения. Женщина из Стадстёйнена сказала нам, что она не очень довольна этническими меньшинствами, живущими в большом комплексе арендного жилья недалеко от Стадстёйнена, но при этом добавила:

«Мигранты, которые живут здесь, в Стадстёйнене, не вызывают никаких проблем. Как я это объясняю? Разница в людях, я думаю, да — они из среднего класса, я бы сказала. На нашей улице живет марокканская семья, они воспитывают своих детей так же, как мы. Они тоже считают, что важно максимально использовать свои возможности. Они это и своим детям говорят».

Взаимодействие внутри групп среднего класса — это преобладающий сценарий. Это не означает, что респонденты отрицают проблемные стороны городской жизни. Опрошенные жители Роттердама глубоко привязаны к собственной профессии и месту проживания (см. также Reijndorp 2004). Некоторые респонденты работают в государственных учреждениях и с энтузиазмом содействуют решению городских проблем. Другие участвуют в организациях самоуправления микрорайона или в школьных советах. В повестке дня важное место занимает благоустройство общественного пространства района (снижение интенсивности трафика, уборка, озеленение). Круги общения людей, обладающих достаточными организационными навыками, четкими целями и готовностью инвестировать свою энергию в окружающую городскую среду, частично совпадают (Willmott 1986). Эти формы участия отражают высокую

степень разумного эгоизма и свидетельствуют о том, что респонденты равнодушны к проблемам Роттердама. Многие остро осознают контраст между бедностью и богатством в городе и чувствуют некоторую ответственность, как эта женщина (47 лет) из Стадстёйнена, которая живет в процветающем анклав в очень бедном районе Фейенорд:

«Конечно, мы живем как бы на острове. Ужасно, в каких условиях живут люди там, в Фейенорде. Я навещаю их на дому по работе и вижу, как мало у них места для жизни. Ужасно маленькие дома для целой толпы людей. Разительный контраст с тем, как мы живем. Я надеюсь, мои дети поймут, что нельзя воспринимать все в этом мире как должное».

Хотя многие социальные сети вращаются вокруг интересов детей, взаимные контакты этим не ограничиваются. Родители склонны искать «интересные» социальные отношения «над головами своих детей». Эти жители Роттердама — «не просто родители»; они — представители широкого круга профессий. В амстердамском исследовании таких родителей называют «яппс» (Yupps: молодые городские профессиональные родители) (Karsten, 2003). Физическая и социальная близость «интересных» людей считается привлекательной стороной городской жизни и используется при необходимости:

«Мы состоим в ассоциации соседей, ходим на коктейльные вечеринки и барбекю, но по практическим причинам. Сообщество — одна из сетей, которую мы используем. Моей жене это бывает интересно, она предприниматель в сфере культуры. Моя дочь там нашла работу няней. Мы знакомимся с самыми разными людьми, и это иногда удобно».

Интересно, что круг общения таких семей укоренен в местном контексте. Это касается не только Стадстёйнена с его однородной группой жителей, но и северного Роттердама, где многие семьи с энтузиазмом говорили о своих приятных соседях: «Если бы не мои соседи, я бы давно уехал(а)». В обоих исследуемых районах семьи подчеркивают хорошие отношения с соседями. Может быть, из Роттердама уезжают семьи, которые не смогли создать прочный круг общения? Для некоторых семей дружеские контакты с соседями, по-видимому, работают как форма названного родства, поскольку у большинства семей (приезжих) мало родственников в Роттердаме. Другие семьи, особенно семьи мигрантов, поддерживают интенсивные отношения со своими родственниками, живущими поблизости. Они помогают друг другу: бабушки и дедушки присматривают за детьми, а семьи мигрантов среднего класса сами выполняют функции наставников для младших родственников. При этом представители (по-прежнему) небольшого среднего класса мигрантов формируют важные мосты, соединяя разнообразные культурные среды Роттердама.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

Город не считается одним из многочисленных вариантов мест для жизни, доступных для семей с детьми. Напротив: семьи вынуждены оправдывать жизнь в городе перед родственниками, коллегами и друзьями, которые живут в других местах. «Меня спрашивают: “Что ты там все делаешь?”» Эта ситуация явно связана с плохой репутацией Роттердама как города с точки зрения безопасности, качества жилого фонда, политического климата и агрессивного поведения полиции. Кто захочет жить в таком месте? Некоторые семьи, живущие на севере, чувствуют себя виноватыми перед детьми: «Честно говоря, мы живем здесь в основном ради себя, они не выбирали здесь жить». Другие респонденты подчеркивают положительную сторону такого решения: «Наши дети привыкнут к городской жизни и будут готовы к многонациональному будущему». Кто-то устает спорить: «Я перестал оправдывать наш выбор».

Нарративы о районе проживания говорят что-то и об идентичности, которую жители хотят себе сконструировать. Жители описывают желаемые места для жизни как места, к которым они хотели бы ощущать причастность. Респонденты в Роттердаме часто начинали и заканчивали обоснование своего выбора жилья, просто говоря: «Мы — городские люди». Большинство опрошенных семей предпочитали жизнь в городской среде и часто проводили явные негативные сравнения городской жизни и жизни в пригородах. Одна семья с севера сказала: «Если бы нам пришлось переехать в один из пригородов, для нас это стало бы настоящим кошмаром. Мы не хотим так поступать с нашими детьми. Мы городские люди, и нам нравятся все возможности города». Мигранты особенно склонны проявлять отвращение к сельской местности и маленьким деревням — не столько из-за собственных предпочтений, сколько из-за страха. Мигрант, проживающий в Стадстёйнене, сказал: «Я настоящий горожанин. Я не смогу жить в деревне. Боюсь, там будет много дискриминации. В городе я чувствую себя безопаснее».

Идентичности — это социальные конструкты со множеством слоев и отличительных характеристик (Katz 2003). Предпочтение городской жизни часто дополнялось заявлениями о том, что респондент — «настоящий роттердамец». Некоторые участники исследования доказывали это поддержкой «Фейенорда», футбольного клуба из Роттердама:

«Я болею за “Фейенорд”. Вот это настоящее, роттердамское. Если дела у них идут не очень хорошо, мы все равно за них болеем. Остаемся верными. Я долго жила в Нордерейланде и видела, как меняется город. Очень быстро. Очень многого удалось достичь; посмотрите на юг. Город все время меняется, и мне кажется, что это хорошо. Вот Амстердам прекрасен, но он не меняется».

Цитируемая женщина давно связана с Роттердамом. Она жила в нескольких районах (в том числе в Нордерейланде) и гордится Роттердамом, его трудолюбивыми жителями и его динамичным харак-

тером. Роттердамские семьи были преданны своему городу и защищали его от любой критики. Правда, они, безусловно, не были слепы к негативным аспектам жизни здесь:

«Нужно научиться ценить Роттердам. Да, я знаю, чтобы здесь жить, нужно уметь постоять за себя. Забавно: хоть я и жалею о Роттердаме, но, если кто-то еще его критикует, я тут же принимаюсь защищать наш город».

Проблемные стороны Роттердама и, среди прочего, негативная репутация города оказывают влияние на статус респондентов как «благополучных» семей. Выбор жить в Роттердаме нужно оправдывать. Опрошенные семьи подчеркнули, что, если они живут в Роттердаме, это не означает, что их семьи неблагополучные. Им часто приходится объяснять, почему они не переезжают. Они определяют себя как «крепкие» семьи, которые могут «держат удар», как это объясняет мать (37 лет), живущая в северном Роттердаме:

«Иногда, когда мы в отпуске, люди из провинции удивляются: как можно жить с детьми в Роттердаме? Они начинают разговаривать с нами с состраданием, а я думаю: „Ну же, глупая корова, открой глаза!“»

«Глупая корова», по-видимому, живет в провинции. Городские семьи гордятся своей способностью жить семейной жизнью в городе, как утверждает эта молодая мать (34 года):

«На вечеринках я часто слышу, что люди нам завидуют. Нас спрашивают, живем ли мы всё еще в городе. Часто люди говорят, что тоже хотят переехать в город, когда их дети вырастут. Это повышает мою самооценку».

«Крепкие семьи в Роттердаме» — такими респонденты хотят себя представлять. Их истории можно рассматривать как компоненты рефлексивного проекта «я» (Giddens 1991). Различные слои идентичности жилой территории переплетены и связаны с различными сферами жизни. Семьи живут и работают в большом городе, воспитывают там своих детей, многие из них активно участвуют в самых разнообразных рабочих и социальных сетях. Жизнь в Роттердаме с его пересекающимися социальными сетями и локальным центром тяжести стала для респондентов осознанно выбранным образом жизни. Некоторые семьи, которые раньше жили на севере, решили, что хотят больше комфорта, однородности и тишины. Они переехали в Стадстёйнен. Большинство семей с севера не очень высоко оценивают недавно застроенный «анклав» на юге, но некоторые из них признают, что иногда мечтают о районе, в котором было бы проще жить. Они отказались от классического пригорода, но недавно построенная «городская деревня» — возможная альтернатива для жизни. Выбор места проживания постоянно обдумывается и пересматривается.

СОМНЕНИЯ

Негативный опыт может заглушить ощущение удовлетворенности жильем. Одна женщина с севера города рассказала о своем муже, который недавно побывал на самой криминальной улице Роттердама. По ее словам, он был глубоко потрясен увиденными там наркоманами, плохим состоянием зданий и мрачной атмосферой. Она сказала: «В такие моменты действительно начинаешь спрашивать себя: почему мы хотим жить в таком городе?» Новые сомнения возникают на каждом новом этапе жизненного пути, особенно когда речь идет о предполагаемой безопасности детей, их развитии и возможностях для образования и будущего благополучия. Каждый раз, когда приходится делать важные жизненные шаги, открываются новые горизонты, особенно когда речь идет о жизни детей. Выбор начальной школы является одним из таких важных шагов, и процесс рефлексии запускается снова при выборе средней школы. Семьи в Стадстёйнене положительно относятся к местной этнически разнообразной начальной школе, но уже думают о будущем (о средней школе):

«Сначала мы думали, что останемся здесь, пока наш старший не пойдет в начальную школу. У нас был очень хороший детский сад, но мы ничего не знали о школе, где сейчас учимся. Сейчас мы очень довольны этой школой. Она очень похожа на деревенскую. Ее директор каждое утро здоровается с каждым ребенком, это очень мило. Кажется, все идет хорошо, и у нас нет причин переезжать. Там учатся дети разного этнического происхождения, и мы рады, что у них тоже есть возможность ходить в эту школу. Мне кажется, это хорошо. Но иногда мы обсуждаем, что делать, когда наши дети станут подростками. В какую школу им тогда идти?»

«В какую школу?» — важный вопрос (Butler and Robson 2003). Семьи, участвовавшие в исследовании, включая семьи мигрантов, не хотели отдавать детей в одну из множества «черных школ» Роттердама (это школы, в которых большинство учеников неголландского происхождения). Только в двух семьях дети ходили в школу из «черного» района. Полностью «белые» школы тоже не казались респондентам привлекательными, но некоторые родители предпочли эти школы из-за дополнительных занятий по культуре. Большинство семей искали и находили этнически смешанные школы, в которых было значительное число «таких же детей, как наши». Популярная школа Стадстёйнена воплощает в себе это желание. Соотношение коренных голландцев и детей мигрантов составляет здесь 60:40.

Когда родителям удастся найти идеальную школу, жилищная ситуация становится более прочной. Неспособность найти правильную школу запускает, казалось бы, бесконечный процесс переоценки. Такие же процессы запускаются, когда один из партнеров находит работу за пределами города. Расположение жилья не всегда так стабильно, как может показаться. Люди, обосновавшиеся в каком-то месте, как правило, не переезжают (Fischer and Malmberg 2001), но из-за растущих детей и двух карьер семьи могут постоянно находиться в состоянии неопределенности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье рассматриваются причины того, почему семьи среднего класса предпочитают оставаться в городе. Опрошенные семьи Роттердама разорвали кажущуюся естественной связь между семьями среднего класса и пригородами и пытаются выжить в высокоурбанизированных районах. Демографические и экономические факторы не могут объяснить такие жилищные предпочтения. Поэтому исследование рассматривает выбор жилья в более широкой перспективе: в контексте сценариев повседневной деятельности, социальных сетей и конструирования идентичности.

Определяющими факторами при выборе места проживания для семей с двумя работающими взрослыми оказались сценарии повседневной деятельности и пространственно-временные факторы (в частности, время в пути до работы). Жизнь в городе является компонентом долгосрочной стратегии выживания для семей, в которых оба партнера работают в том же городе, где живут. Кроме того, среди преимуществ городской жизни выделяют близость к широкому спектру объектов, включая детские учреждения. Однако это не означает полное отсутствие критики по отношению к жизни в городе. Негативные факторы, как правило, связаны с ограниченной свободой передвижения детей и общим отсутствием безопасности. Нехватка времени в работающих семьях делает их уязвимыми к проблемам отдаленности объектов инфраструктуры и их доступности. В современном урбанистическом дискурсе мобильность — нечто само собой разумеющееся, но, несмотря на общую тенденцию повышения мобильности в западных обществах, настоящее исследование продемонстрировало, что появление класса работающих родителей поставило пространственно-временные факторы на первое место на повестке дня. Опрошенные семьи как в Стадстёйнене, так и в северном Роттердаме подчеркивают необходимость проживания близко к необходимым местам. Сценарии повседневной деятельности, сконцентрированные на определенных территориях, могут оказаться типичными для голландских городов, в которых «велосипедная доступность» по-прежнему часто используется как показатель, противопоставленный длительным переездам в крупных мегаполисах (Jarvis 2005). Локальный характер повседневной деятельности не следует путать с локальной средой обитания: мировоззрение местных жителей, безусловно, не ограничивается их собственным сообществом (Butler 2003: 165). Сочетание географической локальной пространственно-временной модели с космополитическим мировоззрением свойственно высокообразованным людям, работающим в самых разных профессиях. Таким образом, эти семьи среднего класса резко отличаются от местных сплоченных сообществ рабочих (Young and Willmott 1962) и мигрантов (Gans 1962).

Социальные связи этих роттердамских семей создают прочный фундамент для городского образа жизни. Семьи активно строят «базу» для жизни в разнообразной городской среде. Понимание социального контекста семей позволяет лучше понять проблемы семейного жилья и мотивацию к проживанию в городе или переезду в пригород (Bailey, Blake and Cooke 2003). Семьи не являются изолированными ячейками, они вовлечены в социальные сети с соседями,

друзьями и — по крайней мере семьи мигрантов — родственниками. Эти сети можно охарактеризовать как относительно однородные по демографическим характеристикам, классовому положению и представлениям о «хорошей» семейной жизни. Разнообразие городской среды ценится еще больше благодаря соседям и друзьям, которые находятся в пределах легкой досягаемости.

В отличие от предыдущих исследований, проведенных в Лондоне (Butler 2003) и Амстердаме (Karsten 2003), в настоящем выявлены некоторые свидетельства межэтнических внутриклассовых социальных связей. Эти связи могут быть вызваны этическим разнообразием культурной среды улиц, где живут респонденты: не все местные жители белые, даже в анклав среднего класса — Стадстёйнене. Социальные связи объединяют личные и профессиональные отношения, которые отражают высокую степень осознанного эгоизма и готовность внести свой вклад в решение городских (районных) проблем. Социальные сети в обоих районах, безусловно, менее замкнутые, чем в типологии отчуждения жителей британскими средними классами по Аткинсону (2006). В голландском контексте умеренных доходов, отсутствия частных школ, убеждения о необходимости выпускать детей играть на открытом воздухе (Karsten and van Vliet 2006) и повсеместного использования велосипедов семьи не могут легко отделить себя от окружающей среды, в которой они живут. Эта сплоченность больше относится к северному Роттердаму, чем к Стадстёйнену. Но даже в анклав среднего класса, в Стадстёйнене, который на самом деле слишком мал, чтобы жестко отделить местное население от окружающего пространства, жители не могут избежать участия в «другом» городе. Начальная школа здесь — этнически смешанная с разнообразным контингентом учащихся, а улица Вурплат (торговая улица) также популярна среди мигрантов из рабочего класса, проживающих поблизости.

Изучаемые семьи среднего класса хорошо понимали, что их выбор места жительства идет вразрез с общими тенденциями, и часто описывали свою идентичность как «истинные горожане» и «крепкие семьи». Они выразили желание быть частью большого города, и им было присуще негативное восприятие пригорода как оптимальной жилой среды для семей. В своих рассказах они подчеркивали необходимость отстаивать свое решение жить в таком большом городе, как Роттердам. Это исследование обнажает противопоставление между «городскими жителями» и «благополучными семьями». Проживание в Роттердаме является частью противостояния семейной идентичности респондентов. Они полагают, что не утратили своего права на город после того, как завели семью. В более широком контексте мы можем рассматривать увеличение числа городских семей как шаг вперед в процессе диверсификации и эмансипации семей. Не все семьи одинаковы. Помимо большинства семей, которым хорошо подходит загородное жилье, есть семьи, которые чувствуют себя более комфортно в городской среде.

Для семей, ориентированных на город, жилье связано с различными сферами жизни, которые взаимосвязаны сами по себе и могут быть разделены только внутри анализа. Жилье связано с изменением гендерных ролей, новой практикой сочетания ухода за детьми и карьеры, растущей зависимостью от внешних объектов инфраструктуры и социальных сетей, большей потребностью позициони-

ровать себя по отношению к растущему среднему классу и выделять себя на его фоне. Жилье можно рассматривать не только как один из аспектов жизни, но и, по крайней мере для изучаемых здесь семей, как образ жизни внутри пересекающихся контекстов. Между семьями, живущими в старом северном районе Роттердама, и семьями, живущими в недавно застроенном районе Стадстёйнен, нет принципиальных отличий. Мы не говорим о совершенно разных группах людей. Семьи из Стадстёйнена много лет прожили в северном Роттердаме, чтобы заработать деньги, необходимые для улучшения их жилищной ситуации. Они оказались социально мобильны, но не дистанцировались из города географически. Наравне с семьями северного Роттердама они отказываются от пригорода как предпочтительного места для семейной жизни. Расположение их жилья можно считать компромиссом: городской пригородный анклав. Было бы слишком легко заявить, что в недавно застроенных районах семьи демонстрируют лишь жесткое социальное отчуждение. Обе группы ощущают преданность городу, в котором они живут, и пытаются улучшить городскую жизнь в собственных интересах.

Города еще не ощутили необходимость надлежащим образом приспособиться к семейной жизни. Насущная потребность удерживать средний класс привела к строительству дорогих компактных квартир. Исследование утверждает, что семьи, проживающие в городе в течение значительного времени и желающие там остаться, являются интересной новой целевой группой для городского планирования. Они преодолели тревогу, связанную с проживанием в разнообразной городской среде, и пытаются — кто-то с колебаниями, а кто-то решительно и целеустремленно — создать основу для будущей многонациональной городской структуры, пригодной для жизни. Эти семьи лишь делают первые шаги, и им нужна поддержка. Кто-то из них предпочитает старые районы смешанной застройки, где они уже давно живут. Они были бы благодарны за развитие общественного пространства, меры по снижению активности трафика и увеличению числа игровых площадок. Другие семьи предпочитают современное жилье и могут позволить себе осуществить это желание. Они выбирают новые микрорайоны, такие как Стадстёйнен, которые лучше подходят для игр детей на свежем воздухе. При борьбе с социальной поляризацией в городе нельзя выбирать одну-единственную стратегию застройки. Вместо этого следует задуматься о разных стратегиях городского планирования для интеграции семейной жизни в городах и вовлечения семей в жизнь общества.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Atkinson 2006
Atkinson R. Padding the bunker: strategies of middle-class disaffiliation and colonisation in the city // *Urban Studies*. 2006. № 43. P. 819–832.
- Bailey, Blake and Cooke 2003
Bailey A., Blake M., Cooke T. Migration, care and the linked lives of dual-earner households // *Environment and Planning A*. 2003. № 36. P. 1617–1632.
- Bootsma 1998
Bootsma H. The Myth of Reurbanization. Location Dynamics of Households in the Netherlands. Amsterdam: Thela Thesis, 1998.
- Bourdieu 1984
Bourdieu P. *Distinction*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984.
- Bouw and Karsten 2004
Bouw C., Karsten L. *Stadskinderen. Verschillende generaties over de dagelijkse strijd om ruimte*. Amsterdam: Aksant, 2004.
- Brun and Fagnani 1994
Brun J., Fagnani J. Lifestyles and locational choices // *Urban Studies*. 1994. № 31. P. 921–934.
- Burger and van der Lugt 2005
Burger J., van der Lugt H. «Zwarte vlucht» de suburbanisatie van Surinamers uit Amsterdam // *Sociologie*. 2005. № 1. P. 126–142.
- Butler 2003
Butler T. *London Calling. The Middle Classes and the Remaking of Inner-London*. Oxford; N. Y.: Berg, 2003.
- Butler and Robson 2001
Butler T., Robson G. Social capital, gentrifications and neighbourhood change in London: a comparison of three south London neighbourhoods // *Urban Studies*. 2001. № 38. P. 2145–2162.
- Butler and Robson 2003
Butler T., Robson G. Plotting the middle classes: gentrification and circuits of education in London // *Housing Studies*. 2003. № 18. P. 5–28.
- Clapham 2005
Clapham D. *The Meaning of Housing*. Bristol: Policy Press, 2005.
- Cooper Marcus 1995
Cooper Marcus C. *House as a Mirror of Self*. Berkeley: Conary Press, 1995.
- COS 2003
COS. *Rotterdam minderhedenmonitor*. Rotterdam: COS, 2003.
- Droogleever and Karsten 1989
Droogleever J., Karsten L. Daily activity patterns of working parents in the Netherlands // *Area*. 1989. № 21. P. 365–376.
- Droogleever Fortuijn 1993
Droogleever Fortuijn J. *Een druk bestaan*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 1993.
- Fischer 1977
Fischer P. *Network and Places* / ed. by C.S. Fischer. New York: Free Press, 1977.
- Fischer and Malmberg 2001
Fischer P., Malmberg G. Settled people don't move: on life course and (im)mobility in Sweden // *International Journal of Population Geography*. 2001. № 7. P. 357–371.
- Forrest and Kearns 2001
Forrest R., Kearns A. Social cohesion, social capital and the neighbourhood // *Urban Studies*. 2001. № 38. P. 2125–2143.
- Franklin and Tait 2002
Franklin B., Tait M. Constructing an image: the urban village concept in the UK // *Planning Theory*. 2002. № 1. P. 250–272.
- Gans 1962
Gans H. *The Urban Villagers. Group and Class in the Life of Italian-Americans*. N. Y.: The Free Press of Glencoe, 1962.
- Gans 1968
Gans H. *People & Plans*. New York: Basic Books, 1968.
- Giddens 1991
Giddens A. *Modernity and Self-identity*. Cambridge: Polity Press, 1991.
- Green 1997
Green A. A question of compromise? Case study evidence on the location and mobility strategies of dual career households // *Regional Studies*. 1997. № 31. P. 641–657.
- Hamers 2003
Hamers D. *Tijd voor suburbia*. Amsterdam: Van Gennep, 2003.
- Hardill 2002
Hardill I. *Gender, Migration and the Dual Career Household*. London: Routledge, 2002.
- Jarvis 1999
Jarvis H. Housing mobility as a function of household structure: towards a deeper explanation of housing related disadvantage // *Housing Studies*. 1999. № 14. P. 491–505.

- Jarvis 2005
Jarvis H. *Work / life City Limits. Comparative Household Perspectives*. Basingstoke; N. Y.: Palgrave, 2005.
- Jarvis, Pratt and Wu 2001
Jarvis H., Pratt A., Wu P. *The Secret Life of Cities: The Social Reproduction of Everyday Life*. Harlow: Pearson Education Ltd., 2001.
- Karsten 2003
Karsten L. Family gentrifiers: challenging the city as a place simultaneously to build a career and to raise children // *Urban Studies*. 2003. № 40. P. 2573–2584.
- Karsten and van Vliet 2006
Karsten L., van Vliet W. Children in the city: reclaiming the street // *Children, Youth and Environments*. 2006. № 16. P. 151–167.
- Karsten, Reijndorp and van der Zwaard 2006
Karsten L., Reijndorp A., van der Zwaard J. *Stads- mensen. Levenswijze en woonambities van stedelijke middengroepen*. Apeldoorn; Antwerpen: Het Spinhuis, 2006.
- Katz 2003
Katz C. Social formations: thinking about society, identity, power and resistance // *Key Concepts in Geography* / ed. by S. Holloway, S. Rice, G. Valentine. London: Sage, 2003. P. 249–265.
- Mazanti 2005
Mazanti B. Sense of community in a modern world // Paper presented at the ENHR conference Reykjavik. 2005. 29 June — 3 July.
- McDowell et al. 2006
McDowell L., Ward K., Fagan C., Perrons D., Ray K. Connecting time and space: the significance of transformations in women's work in the city // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2006. № 30. P. 141–158.
- Miller and Darlington 2002
Miller R., Darlington Y. Who supports? The providers of social support to dual-parent families caring for young children // *Journal of Community Psychology*. 2002. № 30. P. 461–473.
- Mulder and Hooimeijer 1999
Mulder C., Hooimeijer P. Residential relocations in the life course // *Population Issues, An Interdisciplinary Focus* / ed. by L. Wissen, P. Dykstra. N. Y.: Plenum Press, 1999. P. 159–186.
- Reijndorp 2004
Reijndorp A. *Stadswijken*. Rotterdam: Nai, 2004.
- Richards 1990
Richards L. *Nobody's Home. Dreams and Realities in a New Suburb*. Oxford: Oxford University Press, 1990.
- Rose and Chicoine 1991
Rose D., Chicoine N. Access to school daycare services: class, family, ethnicity and space in Montreal's old and new inner city // *Geoforum*. 1991. № 22. P. 185–201.
- Savage, Bagnall and Longhurst 2005
Savage M., Bagnall G., Longhurst B. *Globalization and Belonging*. London: Sage, 2005.
- Sennett 1984
Sennett R. *Families Against the City. Middle-Class Homes of Industrial Chicago*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984.
- Shlay 1986
Shlay A. Taking apart the American dream: the influence of income and family composition on residential evaluations // *Urban Studies*. 1986. № 23. P. 253–270.
- SCP 2001
Sociaal en Cultureel Planbureau. *De stad in de omtrek*. Den Haag: Sociaal en Cultureel Planbureau, 2001.
- Sterckx L., de Feijter and Roukens 2003
Sterckx L., de Feijter H., Roukens K. *Jong Amsterdam. Amsterdamse Sociaal-culturele Verkenningen II*. Amsterdam: SISWO / AME, 2003.
- Vijgen and Van Engelsdorp Gastelaars 1992
Vijgen J., Van Engelsdorp Gastelaars R. *Centrum, stadsrand, groeikern*. Amsterdam: Centrum voor Grootstedelijk Onderzoek, 1992.
- Volker and Verhoeff 1999
Buren en buurten / ed. by B. Volker, R. Verhoeff. Amsterdam: SISWO, 1999.
- VROM 2003
VROM. *Woningbehoefte Onderzoek 2002 / Kernpublicatie*. Den Haag: Ministerie van VROM, 2003.
- Wijs-Mulkens 1999
Wijs-Mulkens de E. *Wonen op stand. Lifestyles en landschappen van de culturele en economische elite*. Amsterdam: Nethur, 1999.
- Willmott 1986
Willmott P. *Social Networks, Informal Care and Public Policy*. London: Policy Studies Institute, 1986.
- Young and Willmott 1962
Young M., Willmott P. *Family and Kinship in East London*. Harmondsworth: Penguin Books, 1962.

Серж Салат — директор лаборатории морфологии городской среды, Научно-технический центр строительства (CSTB), Париж (Франция)

Каролин Новацки — исследователь, лаборатория морфологии городской среды, Научно-технический центр строительства (CSTB), Париж (Франция)

переосмыс- ление города: соединение формы и потоков

Неудержимый рост экологических ограничений требует принципиально пересмотреть городской образ жизни и потребление природных ресурсов, особенно потребление энергии. Современные технические решения позволяют повысить энергоэффективность зданий и предотвратить или уменьшить их отрицательное воздействие на окружающую среду. Однако эти решения должны быть частью более глобального процесса планирования, который направлял бы городскую структуру и поведение жителей в сторону более эффективных моделей.

Устойчивое развитие учитывает средовые, социальные и экологические аспекты нашего мира. Чаще всего рассматривается экологическое измерение, поскольку к нему применимы простые и универсальные решения по ограничению размеров «углеродного следа», выбросов парниковых газов и потребления ресурсов. Мы можем продолжать расти и развиваться, частично оптимизируя потребление ресурсов: производить и приумножать блага, потребляя при этом минимальное количество природных запасов. Множество системных и технологических исследований сейчас нацелены на этот результат. Однако эта конструктивная работа теряет смысл, если вести ее изолированно.

В условиях продолжающейся урбанизации, когда более 50% населения уже живет в городах, невозможно уповать на технологию как на панацею от всех проблем: крайне важно пересмотреть наш образ жизни с точки зрения организации городской среды. Сегодня города растут и развиваются в соответствии с моделью двадцатого века, которая преобладает в промышленно развитых странах и ориентирована на автомобили и ограниченный прирост населения. Эта модель не подходит для экспоненциально растущих городов в развивающихся странах и странах с переходной экономикой; более того, она будет неприменима даже к городам в более развитых странах. Переосмысливая формы городской среды и образ жизни, используя новые технологии, а также связывая вместе структуру города и потоки — перемещение людей, товаров, воды, электричества, отходов и так далее, — мы можем построить устойчивую городскую среду и значительно увеличить экономию за счет единой согласованной

системы. Анализ в масштабе города означает отказ от разделения на социальные, средовые и экологические компоненты — объединение этих измерений позволяет умножить их положительный эффект и устраняет опасность конфликтов между ними.

СТРОИТЕЛЬСТВО ГОРОДОВ, ПРИГОДНЫХ ДЛЯ ЖИЗНИ

Лаборатория морфологии городской среды CSTB¹ проводит исследования, в рамках которых измеряет параметры города — длину улиц, высоту зданий, зеленые зоны и так далее — и использует геометрические данные для описания его морфологии и пространственной организации. Эти данные используются для определения параметров городского пространства, которые влияют на энергопотребление и экологические показатели. Мы можем сравнивать города по всему миру, вводя их морфологические параметры в уравнения по оценке энергопотребления и экологического воздействия. Это поможет людям, принимающим решения, проектировать и развивать город таким образом, чтобы он потреблял минимально возможный объем ресурсов, оставаясь привлекательным местом для проживания.

Одновременное воздействие на структуру города, на строительные технологии и системы, а также на поведение людей поможет последовательно сократить выброс парниковых газов, постепенно накапливая положительный эффект. Само продуманное биоклиматическое планирование городских пространств позволит наполовину сократить выброс парниковых газов. Усовершенствование строительных технологий снизит выбросы еще в 2,5 раза, а оптимизация систем — еще вдвое. И наконец, если горожане примут «трезвый» стиль жизни с низким потреблением углеродоемкой продукции, это позволит дополнительно уменьшить энергопотребление в 2,5 раза. В конечном итоге сочетание всех этих факторов будет иметь мультипликативный эффект, позволяющий сократить потребление энергии на 90–95%.

Исследователи рассчитали новые показатели для уже построенных и планируемых к строительству городов в различном приближении — на уровне агломерации, города, района, квартала, отдельного здания — с целью изучения плотности, компактности, фрактальной формы², доступности, проектных характеристик, структуры и размера улиц, неоднородности, доступности солнечного света и так далее. Полезность данного метода основана на его математическом инструментарии, позволяющем представить физические реалии в виде цифр, которые проще поддаются измерению, сравнению

¹ Centre scientifique et technique du bâtiment (Научно-технический центр строительства).

² В настоящей работе фрактальная форма относится к форме пространственных границ города, которые характеризуются нерегулярными и упорядоченными линиями, повторяющими одинаковый паттерн в различных масштабах.

и оптимизации. Каждый параметр нуждается в тщательной обработке: интерпретация результатов крайне важна. Наша лаборатория приступила к пробному использованию этих параметров для сравнения городской ткани в разных регионах. Полученные результаты показывают, как формы городской среды можно перевести на язык цифр и как формат застройки влияет на поведение жителей.

КОМПАКТНОСТЬ, ПЛОТНОСТЬ И МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ

КОМПАКТНОСТЬ

Компактность городского района контрастирует с фрактальной формой разрастания городов, в которой пустые пространства становятся видимыми, очертания имеют сложный и неупорядоченный характер, а городская застройка становится все менее плотной. Разрастающиеся города поглощают всё большие территории и создают протяженные дороги, в то время как определенные участки оказываются в изоляции из-за удаленности от инфраструктуры и магазинов. Такой тип застройки возникает в пригородах западных городов и все чаще встречается в городах по всему миру. Эта застройка может представлять собой пригороды с отдельно стоящими домами или многоэтажными комплексами. Такие районы либо плохо обеспечены транспортом и небольшими магазинами, либо совсем их не имеют, что делает личный автомобиль незаменимым и размывает понятие городского пространства. Социальные структуры или взаимоотношения между жителями носят особый характер — ни городской, ни сельский — и не включают преимущества ни одной из этих моделей, такие как доступность, знакомство с жителями или узнаваемость в своем районе.

ПЛОТНОСТЬ

Под плотностью городской застройки мы понимаем общую площадь зданий в границах наружных стен в определенном городском районе. Мы учитываем инфраструктуру — дороги и транспортные системы, — за счет которых площадь застройки, а следовательно, и ее плотность, уменьшается.

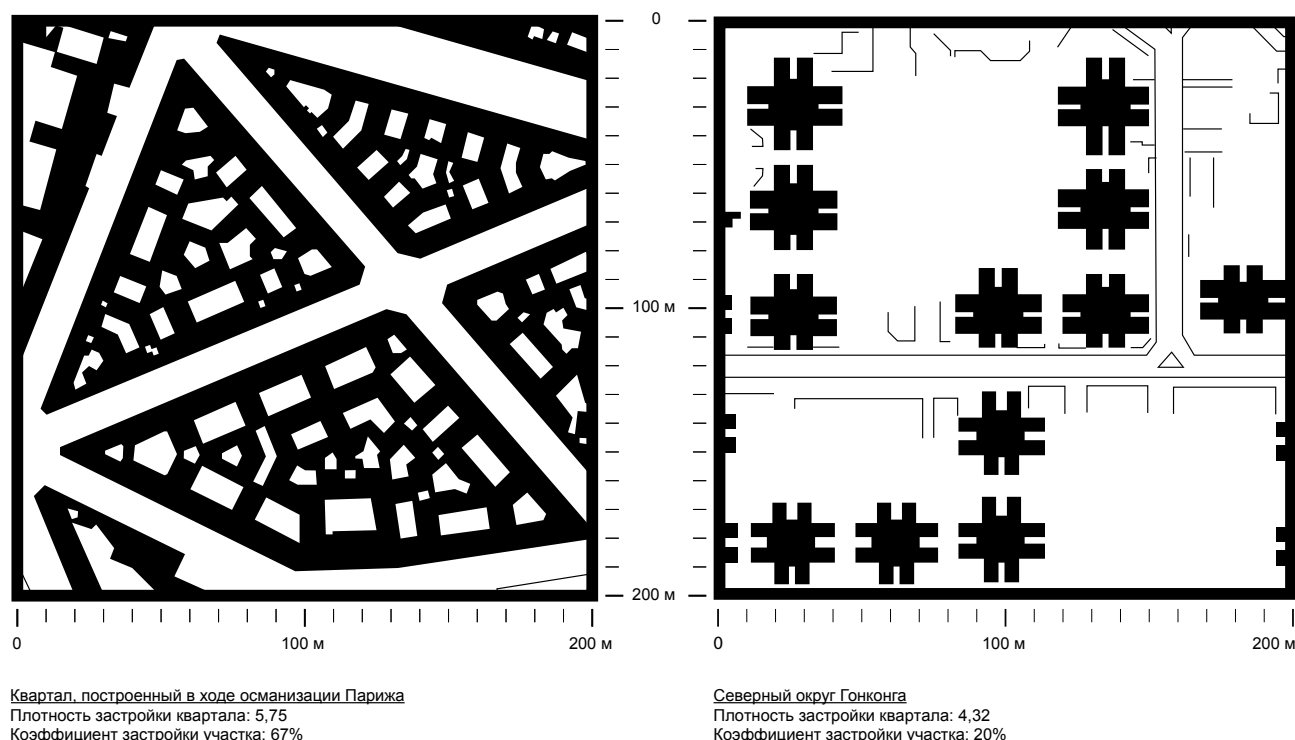
Это показывает, что максимальная плотность достигается не за счет гигантских зданий, а посредством непрерывности городской застройки средней высоты, от трех до пяти этажей. В действитель-

ности многоэтажные здания, в которых множество людей размещается по вертикали, имеют мало точек доступа — обычно лишь одну дорогу, которая должна быть очень широкой. Следовательно, дороги занимают значительное пространство, разделяя город на части: они не способствуют «мягким» видам перемещения — на велосипеде или пешком. Более того, многоэтажные здания должны получать достаточно солнечного света, а потому не могут располагаться на небольшом удалении друг от друга, что ведет к дополнительному увеличению расстояния между ними в черте города.

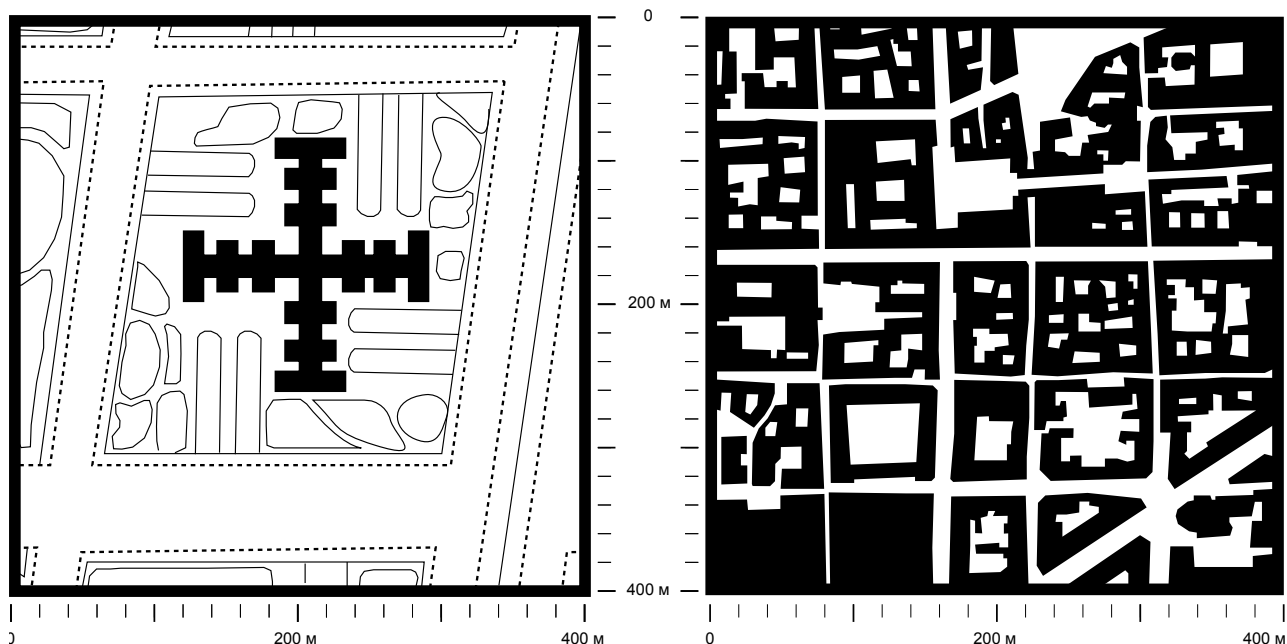
Исследования, проведенные нами на материале различных городов, показывают, что парижские кварталы, реконструированные Османом, в которых высота зданий составляет в среднем шесть-семь этажей, имеют более высокую плотность застройки, чем квартал с двадцати- или тридцатизэтажными башнями в Гонконге (см. рис. 1 и 2).

Преимущество высокой плотности состоит в том, что она ограничивает площадь земель, занимаемых городом. Это сохраняет близлежащие сельскохозяйственные угодья и сокращает расстояние, которое жителям необходимо преодолеть, чтобы получить товары, добраться до работы и заняться другими делами. Ограничение разрастания городов в некоторых странах стало критически важной задачей. Например, в Китае производство сельскохозяйственной продукции уже отстает от темпов роста населения: задача обеспечения города продуктами становится приоритетной, а вместе с ней выходит на первый план сохранение сельскохозяйственных территорий, окружающих города. Аналогичное явление, хотя и в меньшей степени, наблюдается и в случае Парижа и его сельскохозяйственной базы.

Рис. 1. Выше не значит плотнее. Сравнение плотности городской застройки в Париже (Франция) и Гонконге (Китай)

Источник: Лаборатория морфологии городской среды, CSTB

Cruciform Tower архитектора Ле Корбюзье

Плотность застройки участка — 3,6. Плотность башни не превышает плотности зданий в традиционной застройке Турина. Рассматривая оба примера в одинаковом масштабе, можно заметить лишь четыре перекрестка — это ограничивает количество маршрутов и увеличивает расстояния между двумя точками. Мест социального взаимодействия здесь меньше.

Источник: Лаборатория морфологии городской среды, CSTB

Центр Турина

Плотность застройки участка — 5. Форма традиционной городской застройки предполагает наличие множества перекрестков и различных маршрутов между двумя точками. На изображенном выше участке есть улицы, образованные фасадами зданий на протяжении 7,5 км, часть которой занимают галереи и аркады, и 3 км замкнутых дворов — все это в большой степени способствует социальному взаимодействию.

Рис. 2. Вертикальные города, экономящие пространство. Cruciform Tower архитектора Ле Корбюзье в сравнении с центром Турина (Италия)

многофункциональность

Многофункциональность³ в масштабе города может устранить необходимость в маятниковых миграциях, связанных с поездками на работу из пригородов — сейчас именно они генерируют значительную часть парниковых выбросов и становятся причиной пробок в черте города. В свою очередь пробки снижают свободу передвижений и делают города менее привлекательными и эффективными.

Многофункциональность также способствует повышению безопасности в районе. Она обеспечивает круглосуточное присутствие людей — разные виды деятельности осуществляются в разное время, — а также позволяет избежать появления таких неприятных явлений, как пустой и бездушный деловой центр или спальный район, которые непривлекательны для жителей. Многофункциональность важна не только с точки зрения охраны окружающей среды — она важна прежде всего с социальной точки зрения, поскольку помогает впустить жизнь в городское пространство и обеспечить благополучие жителей.

³ Многофункциональными (Mixed usage) называются районы, где имеется возможность проживания, посещения магазинов, работы в офисе и / или на производстве, досуга, социального взаимодействия в пределах небольшой территории.

ГОРОД, УДОБНЫЙ ДЛЯ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Передвижение в пределах города крайне важно не только из-за значительной доли прямого и косвенного загрязнения, которое оно создает, но и ввиду его жизненной необходимости для экономического и социального развития города. Чтобы город был эффективным и привлекательным, он должен соединяться с региональными, национальными и международными транспортными магистралями. Также, что более важно, городские районы должны сообщаться друг с другом, чтобы максимально упростить перемещение в пределах города. Связность города измеряется средним временем, которое его жители тратят на поездки до мест разной активности. Эффективность транспортных систем рассчитывается путем деления преодолеваемого расстояния на среднее время. К другим важным показателям транспортной доступности относится наличие общественного транспорта, число остановок и расстояние между ними, а также обслуживаемые транспортом районы. При исследовании городского транспорта необходимо учитывать разнообразие транспортных средств, их пространственное распределение и скорость, а также их влияние на глобальное потепление.

Цикломатические числа⁴, которые используются для подсчета количества пересечений в системе, оказались очень полезны для определения степени транспортной доступности города исключительно на основе данных о планировке его кварталов. Цикломатическое число дает нам представление о количестве возможных маршрутов из одной точки в другую: чем оно выше, тем больше выбор маршрутов и тем меньше перегружены районы города. Кроме того, разнообразие маршрутов позволяет выбирать различные виды передвижения — пешком, на велосипеде, на автобусе или на трамвае — в зависимости от вида деятельности. Цикломатическое число в сочетании со средним расстоянием между двумя перекрестками позволило изучить несколько городов в различных регионах мира, а также сравнить планировку их кварталов.

Исследование показало, что традиционная городская структура, свойственная, например, историческим центрам Киото или Парижа, имеет больше возможных маршрутов и меньшие расстояния между перекрестками по сравнению с современными городами, застроенными высотками, — например, Гуанчжоу. Планировки двух первых городов сразу позволяли передвигаться пешком или на велосипеде, а затем были адаптированы и для трамваев (рис. 3). Оба города были построены до появления моторных транспортных средств, тогда как современные города развиваются исключительно в соответствии с нуждами автомобилей. Здесь явно кроются проблемы: автомобили обычно исключают присутствие других людей, занимают много места и создают высокий уровень загрязнения. Устойчиво развива-

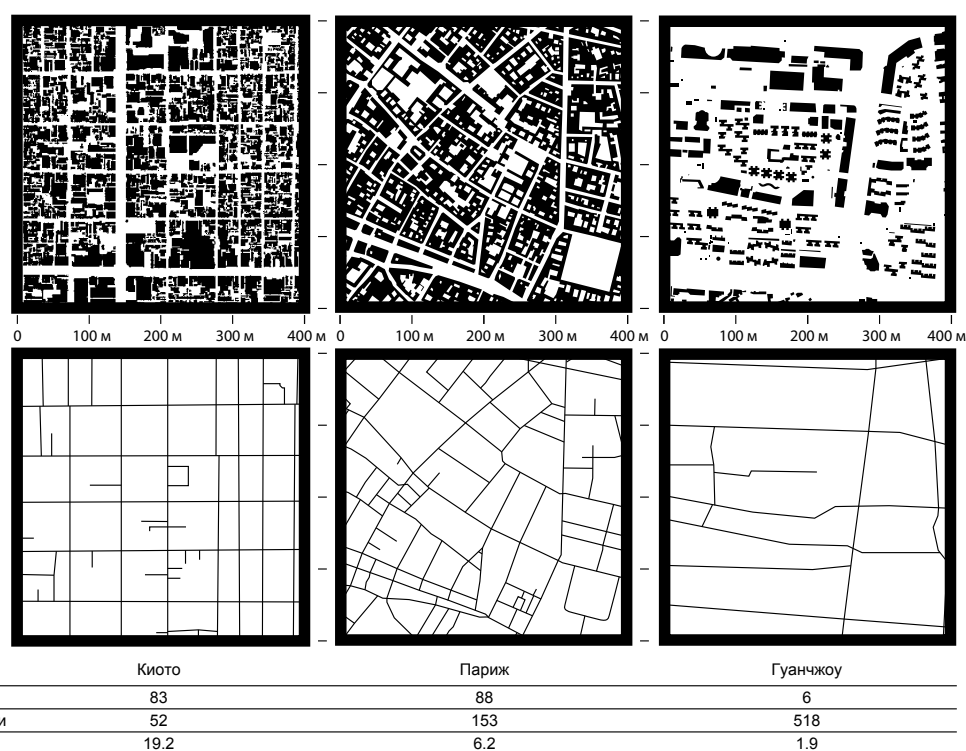
⁴ Транспортные сети традиционно описываются в виде математической матрицы с опорой на теорию графов. При этом под цикломатическим числом понимается показатель, обозначающий разницу между количеством ребер и вершин, то есть между транспортными артериями и их пересечениями. Цикломатическое число по существу является числом замкнутых контуров в транспортной системе. — Примеч. ред.

ющийся город должен позволять людям выбирать способ передвижения и адаптировать его под свои нужды, отдавая предпочтение экологичным видам транспорта, которые более полезны для здоровья и общедоступны. К тому же экологичный транспорт не зависит от неподтвержденных и затратных технологических разработок, предназначенных для автомобилей с пониженным уровнем загрязняющих выбросов.

УСТОЙЧИВОЕ ГОРОДСКОЕ РАЗВИТИЕ НА УРОВНЕ РАЙОНОВ И ЗДАНИЙ

Исследование форм городской застройки ведет к необходимости иначе взглянуть на районы. Критерии многофункциональности применяются и здесь: в соответствии с ними магазины размещаются на первом этаже, офисы — в специальных зданиях либо на втором и третьем этажах, а жилые помещения — на верхних этажах. Сюда также необходимо добавить и другие объекты, в частности школы и больницы. Многофункциональность городских районов должна обеспечить жителей всем необходимым для удовлетворения повседневных потребностей, гарантируя им шаговую доступность. При этом важно избежать социальной сегрегации, загрязнения и транс-

Рис. 3. Киото и Париж: города без границ. Плотность застройки кварталов и уличная сеть в Киото (Япония), Париже (Франция) и Гуанчжоу (Китай)

Источник: Лаборатория морфологии городской среды, CSTB

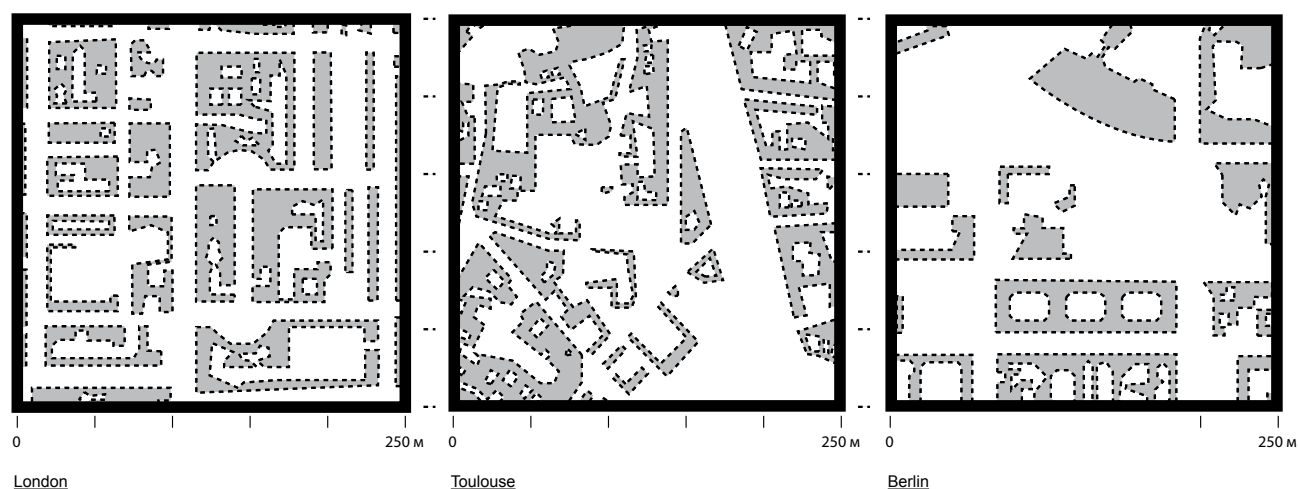
портных заторов, а также сэкономить время и создать рабочие места на территории района. Структура транспортной системы должна реагировать на масштаб района, который необходимо учитывать при размещении автобусных и трамвайных остановок, а также парковочных мест для велосипедов и автомобилей. Плотность районной застройки обеспечивает клиентскую базу для местных коммерсантов и позволяет сократить расстояния между магазинами. Жители не воспринимают такую застройку как слишком плотную: исследования показали, что неприятное чувство перенаселенности ассоциируется с высотными зданиями, а как мы убедились, шести этажей достаточно, чтобы обеспечить высокую плотность городской застройки.

Важные параметры городской застройки в масштабе районов — фрактальная форма, доступность солнечного света и достаточная освещенность. Хотя у фрактального масштабирования множество недостатков в масштабе городской агломерации, оно полезно при анализе районов. Фрактальное масштабирование приносит элемент сложности в форму зданий и улиц, давая возможность включить зеленые пространства в периметр города.

Упрощенные прямые улицы и здания без внутренних дворов лишают город привлекательности, делая его однообразным. И наоборот, засаженные деревьями дворы и аллеи выполняют роль систем кондиционирования, дают тень, аккумулируют воду, сохраняют почву и поглощают часть выбросов углекислого газа. Различие форм городской застройки — источник разнообразия маршрутов, благодаря которому перемещение по городу становится увлекательным.

Другая важная переменная — естественная освещенность, связанная с открытостью небосвода в определенном здании. Естественная освещенность позволяет помещениям получать солнечное тепло и свет. Адаптировать здания, улицы и зеленые зоны к защите города от летней жары и, наоборот, обеспечить поступление света и тепла зимой — непростая задача (рис. 4).

Рис. 4. Лондон: чемпион по естественному освещению. Пассивные зоны в Лондоне (Великобритания), Тулузе (Франция) и Берлине (Германия)

Пассивные зоны (на расстоянии 6 м от фасада) обозначены пунктиром. В среднем эти зоны потребляют половину энергии неактивных зон.

Источник: C. Ratti, N. Baker, K. Streemers, Energy Consumption and Urban Texture. Energy and Buildings (2005).

Одно из решений — посадить лиственные деревья вдоль улиц: их листья создадут тень летом и обеспечат доступ тепла и солнечного света, опав осенью.

Коэффициент энергопотребления зданий — 2,5. В зависимости от формы и местоположения здания потребляют больше или меньше энергии на отопление и освещение помещений. Например, отдельно стоящие дома имеют большую поверхность, теряющую тепло, что заставляет их потреблять больше энергии для отопления. С другой стороны, граничащие друг с другом здания имеют меньшую площадь, рассеивающую тепло, и лучше сохраняют его. И наоборот, очень высокие, большие здания могут быть компактными и нуждаться в незначительном отоплении, однако при этом испытывать трудности с вентиляцией и иметь небольшой пассивный объем, т.е. небольшой участок на расстоянии шести метров от окна, которому доступны естественные освещение и вентиляция. Во Франции отопление является одной из главных статей энергопотребления в секторе жилых зданий, тогда как в секторе розничной торговли и услуг это место занимают вентиляция и освещение. В связи с этим в масштабе здания необходимо найти компромисс между экономией пространства и пассивным объемом. Внедрение мер энергоэффективности показывает, что во Франции данный компромисс чаще реализуется в зданиях среднего размера, примыкающих к другим постройкам, нежели в отдельно стоящих домах или многоквартирных башнях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Учитывая острую необходимость сократить потребление ресурсов и разместить растущее число людей в городах по всему миру, реализация стратегий городского развития и планирования приобретает особую важность. Эти стратегии должны учитывать недостатки частных автомобилей: они доступны не всем, занимают значительную долю городского пространства, являются источником прямого и косвенного загрязнения и обычно исключают использование других видов транспорта. Ключевыми параметрами остаются плотность застройки, многофункциональность и сознательный подход к энергопотреблению с использованием пассивного устройства зданий. Мы продемонстрировали имеющиеся инструменты для сравнения и измерения этих параметров в городах. Сейчас развитие города внутри города или расширение городской ткани становятся жизненно важными — эти шаги позволяют организовать пространства для всех видов деятельности и всех жителей, с самого начала формируя пространственные связи. Всех участников и все аспекты городской жизни следует рассматривать как единое целое еще до начала строительства, чтобы объединить формы и потоки, обеспечив гармоничное и устойчивое развитие города.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Adolphe L. A simplified model of urban morphology: Application to an analysis of the environmental performance of cities // *Environment and Planning B: Planning and Design*. 2001. № 28. Vol. 2. P. 183–200.
- Ali-Toudert F., Mayer H. Numerical study on the effects of aspect ratio and orientation of an urban street canyon on outdoor thermal comfort in hot and dry climate // *Building and Environment*. 2006. № 41. Vol. 2.
- Arnfield A.J. Street design and urban canyon solar access // *Energy and Buildings*. 1990. № 14. Vol. 2. P. 117–131.
- Brown G.Z., Dekay M.W. *Sun, Wind and Light: Architectural Design Strategies*. N. Y.: John Wiley and Sons, 2001.
- Cheng V., Steemers K., Montavon M., Compagnon R. Urban Form, Density and Solar Potential. 2006. 1–6 September. Retrieved from: www.unige.ch/cuepe/html/plea2006/Vol1/PLEA2006_PAPER904.pdf.
- Compagnon R. Solar and daylight availability in the urban fabric // *Energy and Buildings*. 2004. № 36. Vol. 4. P. 321–328.
- Densité et formes urbaines dans la métropole marseillaise / ed. by C. Brunner, F. Roustan. Marseille: Imbernon, 2005.
- Givoni B. Urban design in different climates // *World Meteorological Organisation*. 1989. WMO / TD346. Geneva: WMO.
- Golany G.S. Urban design morphology and thermal performance // *Atmospheric Environment*. 1996. № 30. Vol. 3. P. 455–465.
- Groleau D., Marenne C. Environmental specificities of the urban built forms // *Rebuild Network Conference. Rebuild-Rebuilding in the European City: Integration of Renewable Energies in Established Urban Structures*. Corfu, Greece. 1995. June-July.
- Mills G. Urban climatology and urban design // *Proceedings of the 15th International Congress of Biometeorology and the International Conference on Urban Climatology*. Heidelberg: Springer, 1999.
- Oke T.R. Street design and urban canopy layer climate. *Energy and Buildings*. 1988. № 11. Vol. 1–3. P. 103–113.
- Okeil A. In search for energy efficient urban forms: The residential solar block // *Proceedings of The 5th International Conference on Indoor Air Quality, Ventilation and Energy Conservation in Buildings*. Toronto, Canada. 2004. May.
- Olgyay V. *Design With Climate: Bioclimatic Approach to Architectural Regionalism*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1963.
- Ratti C., Richens P. Raster Analysis of urban form // *Environment and Planning B: Planning and Design*. 2004. № 31. Vol. 2. P. 297–309.
- Ratti C., Baker N., Steemers K. Energy consumption and urban texture // *Energy and Buildings*. 2005. № 37. Vol. 7. P. 762–776.
- Ratti C., Raydan D., Steemers K. Building form and environmental performance: Archetypes, analysis and an arid climate // *Energy and Buildings*. 2003. № 35. Vol. 1. P. 49–59.
- Salat S. Energy loads, CO₂ emissions and building stocks: Morphologies, typologies, energy systems and behaviour // *Building Research and Information*. 2009. № 37. Vol. 5–6. P. 598–609.
- Salat S. *The Sustainable Design Handbook China. High Environmental Quality Cities and Buildings*. Paris: CSTB-Hermann, 2006.
- Santamouris M. *Energy and Climate in the Urban Built Environment*. London: James and James, 2001.
- Suzuki H., Dastur A., Moffatt S., Yabuki N. *Eco2 Cities, Ecological Cities as Economic Cities*. Washington, DC: World Bank, 2009.
- Traisnel J.-P. Habitat et développement durable, bilan rétrospectif et prospectif // *Les Cahiers du CLIP*. 2001. № 13. Vol. 4. P. 7–72.

социотопиче- ская карта

АННОТАЦИЯ

Цель данной статьи — описать теоретическую основу нового инструмента планирования городской среды, названного «социотопическая карта» (шв. sociotopkarta) и разработанного в рамках практического планирования города управлением городского проектирования Стокгольма. С тех пор, как города стали активно застраиваться и разрастаться и произошли изменения в городском и ландшафтном планировании, появилась потребность в более эффективной связи между системным миром планировщиков и жизненным миром горожан, которая бы отталкивалась от видения и пространства пользователей, а не планировщиков. В терминах Лефевра, социотопическая карта — это репрезентация восприятия пространства пользователями. Ключевое марксистское понятие здесь — потребительная стоимость, или более точный экономический термин — прямая потребительская ценность. Соответственно, стокгольмская социотопическая карта обычно воспринимается как карта мест с прямой потребительской ценностью определенного общественного пространства, пространства горожан Стокгольма. В карте подчеркивается, что люди сами распределяют потребительские ценности пространств, но каждое общественное пространство имеет свой уникальный набор ценностей. Карта, как инструмент, настолько верно отображает разнообразие пространств (топосов), что становится полезной для горожан и в то же время информативной для планировщиков. Это подтверждает и ее недавнее признание в Стокгольме и других быстрорастущих муниципалитетах Швеции (например, в Гетеборге в 2004–2007 годах и в Уппсале, в районе Готцунда в 2006 году). Однако требуются дополнительные исследования, что-

бы полностью изучить этот инструмент. Его недавний успех связан с тем, что он стал требованием времени. Общество становится все более и более постмодернистским, глобализованным и индивидуализированным и едва ли сможет расти без понятия об общих потребительских ценностях городского общественного пространства.

ВВЕДЕНИЕ

История начинается с проблемы, возникшей при планировании пространства. В конце 1970-х годов застройка Стокгольма достигла городских границ. Управление городского планирования стало разрабатывать стратегию уплотнения, или, как это было сформулировано в городском плане 1999 года, «строить город вовнутрь». В 1996 году политики из городского совета Стокгольма решили, что из-за масштабного конфликта вокруг проектов по уплотнению им нужна карта открытых пространств, показывающая их «социальную, экологическую и культурную ценность». Проект был официально назван *Stockholms grönkarta* (шв. Зеленая карта Стокгольма), так как почти все места были и до сих пор остаются «зелеными». Предполагалось, что карта покажет не только парки и природные зоны, но и площади, игровые площадки, спортивные поля, набережные. Проект осуществлялся управлением городского планирования Стокгольма и делился на две части: биотопическая¹ карта и социотопическая карта, где первая имела отношение к экологическим вопросам, а вторая — к социальным.

В шведском градостроительстве (1930–1980-е годы) социальным проблемам всегда уделялось повышенное внимание. Но после многочисленных открытий в науках об окружающей среде в 1980–1990-х годах очевидный сдвиг произошел в сторону решения биологических проблем при планировании открытых пространств. При проектировании «зеленых» зон стали особенно важны экологические аспекты, а именно идеи биоразнообразия, находящиеся под угрозой исчезновения виды, биотопы и ландшафтная экология. Биотопическая карта, созданная в рамках совместного проекта Стокгольмского университета и управления городского планирования Стокгольма (Löfvenhaft and Ihse 1998) и по-прежнему актуальная, — это результат научной работы, где экология легко интегрируется в культуру рационального планирования. Главным образом своим успехом карта обязана тщательному исследованию, детальному картографированию, большому числу количественных данных и го-

¹ Биотоп — зона однообразных природных физических условий, обеспечивающих среду обитания для характерного набора растений и животных; фактически является синонимом понятия «экосистема». Однако некоторые экологи ограничивают этот термин как охватывающий только физические факторы окружающей среды; сущностное значение — среда обитания для сообщества организмов. Таким образом, некий вид имеет определенную среду обитания, но группа видов, которая делит экосистему с этим видом, делит биотоп. Так же как среда обитания — это пространство, где находится вид, биотоп — пространство, где находится специфическое биологическое сообщество. — Примеч. авт.

сударственным договоренностям на всех уровнях, будь то муниципальный, региональный, национальный, континентальный или интернациональный уровень, например, «декларация Рио».

Социотопическая карта, с другой стороны, может рассматриваться как часть коммуникации в современном городском планировании, сосредоточенном на диалоге с горожанами и на непосредственном их участии (Healey 1997). В этой статье я буду обращаться к коммуникации в условиях исследования потребительских стоимостей открытого пространства и тому, как их можно нанести на карту и интегрировать в планирование. В этой статье рассматриваются вопросы, заданные Лефевром в его работе «Право на город»: «Что такое социально успешные пространства и какими они будут? Как мы их распознаем? Что считать критерием успеха?» (Svensk upplaga 1982: 141, перевод А. Столе со шведского перевода). В заключение мы должны задаться вопросом: как нам создать и развить успешные пространства? И эта статья в основном о том, каким образом городские планировщики сегодня пытаются интегрировать эти «постмодернистские» вопросы в современную практику планирования, работая в условиях уплотнительной застройки существующих городских и пригородных поселений.

СОЦИОТОПИЧЕСКАЯ КАРТА

Понятие «социотоп» было изобретено во время моей рабочей практики в управлении городского планирования Стокгольма в 2000–2002 годах совместно с ландшафтным архитектором и бывшим директором городских парков Андерсом Сандбергом. В то время мы не знали о других примерах использования этого понятия, но считали его интересным дополнением к биологическому понятию «биотоп». Стремительное распространение понятия «социотоп» среди планировщиков², медиа³ и исследователей подтверждает идею Витгенштейна, что слова приобретают смысл только при их применении. Например, Исследовательский проект GREENSCOM (Communicating Urban Growth and Green), финансируемый Европейским экономическим сообществом, в своем финальном отчете указал, что социотопическая карта обладает двумя важными характеристиками.

1. Социально устойчива: так как ее главная цель — повысить значимость и улучшить общественные структуры, сервисы и их доступность и работать на расширение прав горо-

² Управление городского планирования Стокгольма за три года выпустило три отчета и справочника о модели социотопической картографии (Stadsbyggnadskontoret 2000, 2002, 2003).

³ В крупнейшей ежедневной шведской газете Dagens Nyheter (2000) социотопическая карта описывалась как эффективный инструмент для анализа потребительской стоимости открытого пространства, когда девелоперы предлагают это пространство использовать. Журналист использовал фразы вроде «огромная социотопическая ценность» или «разнообразный социотоп».

жан. Как инструмент планирования она открывает большой простор для деятельности. В первую очередь это направлено на то, чтобы создать пространство для поля действий пользователей и жизненного мира, связанного с повседневной жизнью, так как карта направлена на поиски ценностей этого мира и на то, чтобы горожане нашли ей применение в повседневной жизни. Карта также подразумевает новые институты. Во-первых, создание зеленой карты подразумевает взаимодействие между различными экспертами. Во-вторых, это дает горожанам возможность участвовать в процессе планирования, и институт пользователей призван быть постоянным, существовать не только для одной консультации. Насколько успешны эти новые институты, должно быть видно в течение короткого времени.

2. Коммуникационно устойчива: позволяет создать различные сферы деятельности и разнообразные смыслы. Также это дает время, так как карта не является решением раз и навсегда для всех пространств и экспертиз, но представляет собой непрерывный процесс. Она в первую очередь предназначена для получения всеобъемлющего понимания, что имеет значение на локальном уровне. Более того, ее цель — предотвратить провалы в коммуникации.

Следовательно, не существует абсолютного определения этого слова. Социотоп стал логической реакцией на появление системного экологического (биоцентрического) подхода к планированию, который и доминирует в дискурсе о зеленых пространствах с 1980-х годов. Карта социотопов явилась практическим ответом на вопрос о потребительской ценности общественных пространств в городе. С момента появления социотопа концепция не раз меняла свое значение. Подводя итог, я «как мыслящий практик» обобщу все попытки определения этого понятия таким образом: социотоп — прямые потребительные стоимости некоего места, широко осознаваемые определенной культурой или группой.

создание карты

Кратко опишем процесс того, как карта социотопов создавалась управлением городского планирования Стокгольма. Стоит подчеркнуть, что этот процесс — лишь один конкретный кейс, произошедший благодаря определенным практическим и административным условиям. Далее в теории мы рассмотрим, что такая карта может быть создана совершенно иным способом и совершенно иначе выглядеть в итоге. В любом случае, социотопическая карта — это ответ на растущую потребность центральных (локальных) властей понять своих горожан и их повседневную городскую среду.

Таким образом, первый шаг в составлении социотопической карты — определить «группу». То есть ответить на вопрос: кто представ-

ляет потребительские ценности общественного пространства? В нашем случае «определенной группой» были граждане Стокгольма, то есть люди, живущие именно в Стокгольме, а не проживающие в других муниципалитетах, городах или деревнях.

Социотопическая карта Стокгольма создавалась в пять шагов:

1. Описание открытых пространств. Были географически определены и названы все доступные пространства площадью более 0,5 га.
2. Экспертная оценка. Эксперты по общественным пространствам, то есть ландшафтные архитекторы, оценили пространства и составили протокол, разработанный на основе научных исследований и предыдущего опыта. Все выбранные участки Стокгольма наблюдались ими в течение как минимум 10 минут дважды в год в разные сезоны.
3. Оценка пользователей. Жители Стокгольма активно участвовали в диалоге: давали интервью, заполняли опросники и посещали фокус-группы. Отчасти эти формы диалога организовывала местная администрация округов. Основной вопрос касался любимого уличного места горожан и его потребительской ценности. Опросники рассылались в местные организации, персоналу яслей и детских садов, публиковались в местных газетах и размещались в виде веб-форм на районных сайтах города. Были проведены несколько интервью и фокус-групп с молодежью, взрослыми и пожилыми людьми. Специалист по психологии среды Мария Нордстрём из Стокгольмского университета, которая проводила несколько интервью, разработала финальные формы опросов и руководство для их проведения. С 1996 года Стокгольмский муниципалитет провел больше 25 крупных исследований по использованию зеленых и открытых пространств⁴.
4. Синтез. Результаты оценки мнения пользователей и наблюдений экспертов были собраны в 20 концепций с такими потребительскими ценностями, как например, игра, тишина, прогулка, пикник, компания, купание, глушь. Они были распределены следующим образом: от интенсивной урбанизации до нетронутой природы. Для формулирования концепций был использован намеренно простой повседневный язык, который бы работал как интерфейс (как инструмент для коммуникации) между гражданами и планировщиками.
5. Нанесение на карту. На основе анализа мнений экспертов и жителей города каждое отдельное открытое пространство с его специфическим набором потребительских ценностей было нанесено на социотопическую карту. Каждое открытое пространство могло иметь один или несколько параметров потребительских ценностей. Этот метод фундаментально отличается от способа картографии парков, разработанного исследователем от-

⁴ Все пользовательские опросы собраны в «Sociotophandboken» (Stadsbyggnadskontoret 2003, на шведском).

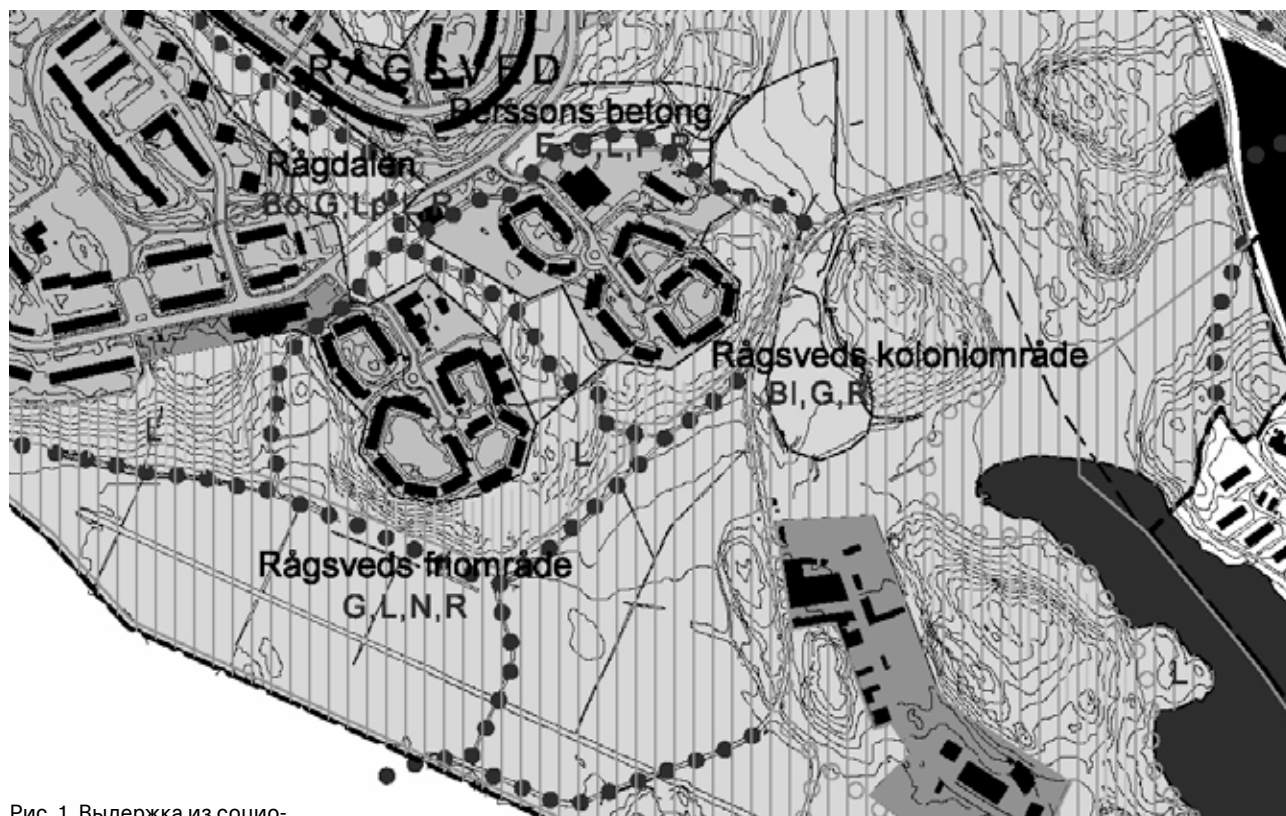

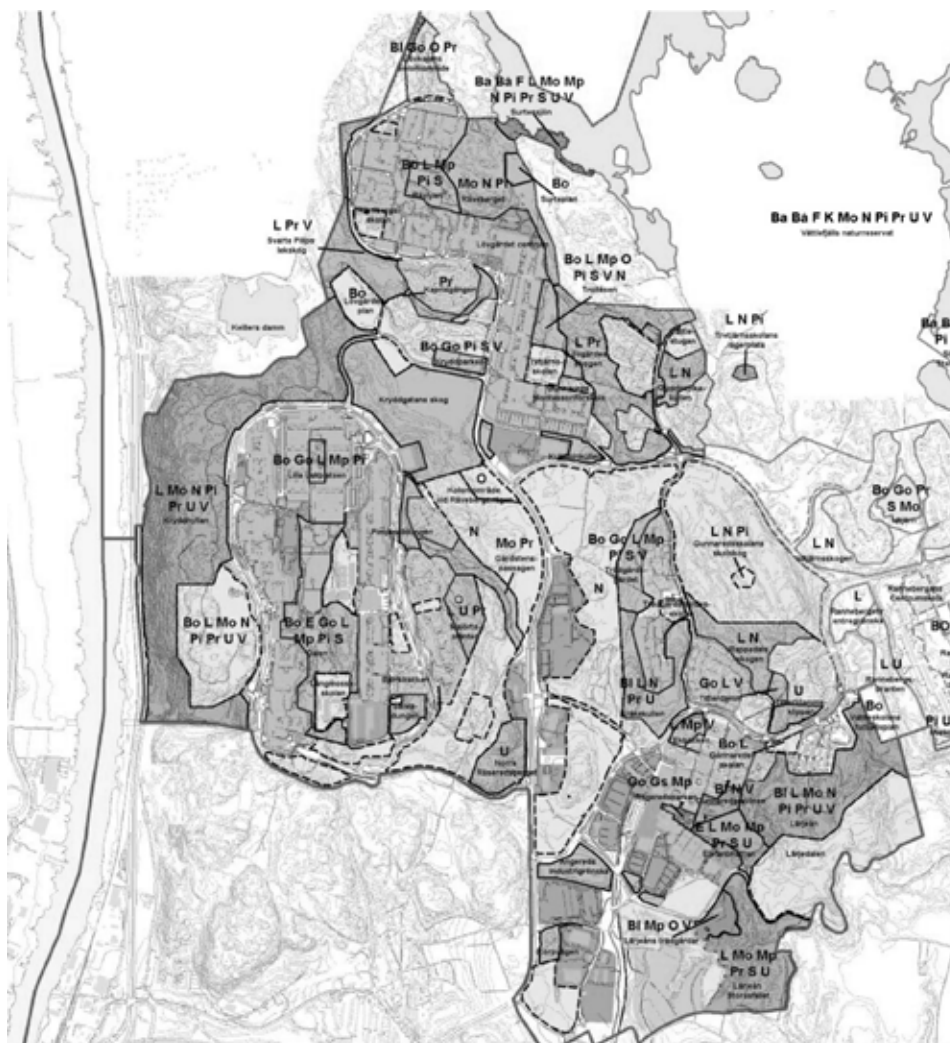
Рис. 1. Выдержка из социотопической карты Стокгольма для района Рогсвед. BI = пространства с цветущими растениями, сады, ботанические сады. G = зеленые оазисы с сезонными изменениями. R = пространства с возможностью для отдыха, уединения и тишины. L = пространства, дающие детям возможности для игры на природе, лазания по деревьям, по горам, ползания в кустах. N = пространства, приближенные к дикой природе, дающие опыт большого тихого леса.

крытых пространств Патриком Граном и широко используемого муниципалитетами по всей Скандинавии (Grahn and Sorte 1985). Так как большинство опросов были посвящены любимым местам, то данные оценки пользователей имели свою специфику для каждого места. Все данные, полученные от горожан и от экспертов, несколько раз проверялись триангуляцией и сравнительными проверками потребительских ценностей пространств. Все участки были распределены на две территориальные группы: местные и региональные. ГИС-карта была издана для печати в размере A1, а также была опубликована в интернете и интранете администрации, чтобы информация была доступна всем планировщикам и архитекторам⁵.

Не совсем очевидно, на что больше оказала влияние социотопическая карта — на практику планирования или на градостроительную теорию и урбанистику. По моему опыту очевидно, что карта и сам метод остаются актуальными с 2002 года, когда была закончена первая социотопическая карта Стокгольма. Однако кажется, что ее гораздо чаще используют планировщики в Стокгольме. Почти все сотрудники планировочных, природоохранных органов и консалтинговых фирм слышали о ней. Многие как минимум сталкивались с ней при работе над проектами, и немало людей использовали ее в практике, например для EIA (Оценка воздействия на окружающую среду) и SEA (Стратегическая экологическая оценка). Такие же карты социотопов недавно начали составлять в двух других шведских муниципалитетах: Гётеборге (второй по величине город Швеции)

⁵ Все социотопические карты Стокгольма можно скачать здесь: www.stockholm.se.

Рис. 2. Социотопическая карта района города Вест Гуннаред, Гётеборг, Швеция

и Упсале (четвертый по величине город Швеции). В моем исследовании по структуре доступности зеленых зон социотопическая карта представляет важные эмпирические данные, которые я бы не мог получить иначе (Ståhle 2005).

ТРИ КЕЙСА ИЗ ПЛАНИРОВОЧНОЙ ПРАКТИКИ

В данном разделе описываются три проекта, где социотопическая карта была использована в городской планировочной практике. Проекты включают уплотнение района в Оште, реновацию заброшенных промзон в Аннедале и проектирование открытого пространства в Готцунде (Упсала).

уплотнение района в оште

Обширный проект по уплотнению района был начат в Оште в 2003 году (Stadsbyggnadskontoret 2003b). Ошта — пригород Стокгольма 1950-х годов. В рамках этого проекта социотопическая карта использовалась как основа для более детального социотопического исследования. Два муниципальных планировщика провели ряд фокус-групп. Основной целью было понимание, как молодежь, взрослые и дети используют открытое пространство, — чтобы огрaдить наиболее популярные места от освоения и усовершенствовать эти участки. Результаты были довольно показательны. Взрослые предпочитали тихие и спокойные прогулки в самом большом парке и прилегающей лесной зоне. Молодежь искала места для встреч с друзьями. Свобода, простор и уличная жизнь — частые характеристики их любимых мест, которые включают в себя и лес, и спортивные площадки, и центр города. Воспитателей в яслях и детских садах попросили назвать места, самые посещаемые детьми. В ответах было упомянуто не менее 40 различных парков и зеленых зон в Оште. Очевидно, что эти парки и зоны — необходимое дополнение к школьным и детсадовским дворам.

Рис. 3. Излюбленные открытые пространства молодежи в Оште (Stadsbyggnadskontoret 2003b)

аннедал в стокгольме

Аннедал — обширная зона, где раньше были фабрики и заводы, а сейчас планируется строительство нового жилого района. В рамках освоения района были устроены фокус-группы с детьми, молодежью, взрослыми и пожилыми людьми из соседнего жилого района Мариехолл. В результате интервью была выстроена детальная социотопическая карта для данного места и составлено руководство по проектированию этого пространства. Важное заключение состояло в том, что недостаток некоторых фундаментальных потребительских ценностей открытых пространств (например парковые зоны для пикников и футбола), наблюдаемый в Мариехолле, было важно восполнить в Аннедале. Руководство по развитию зон включало в себя не только сущность пространства, но и его размеры и дорожную систему, чтобы жители могли легко добраться до парка (Stadsbyggnadskontoret 2006).

планировка готцунды

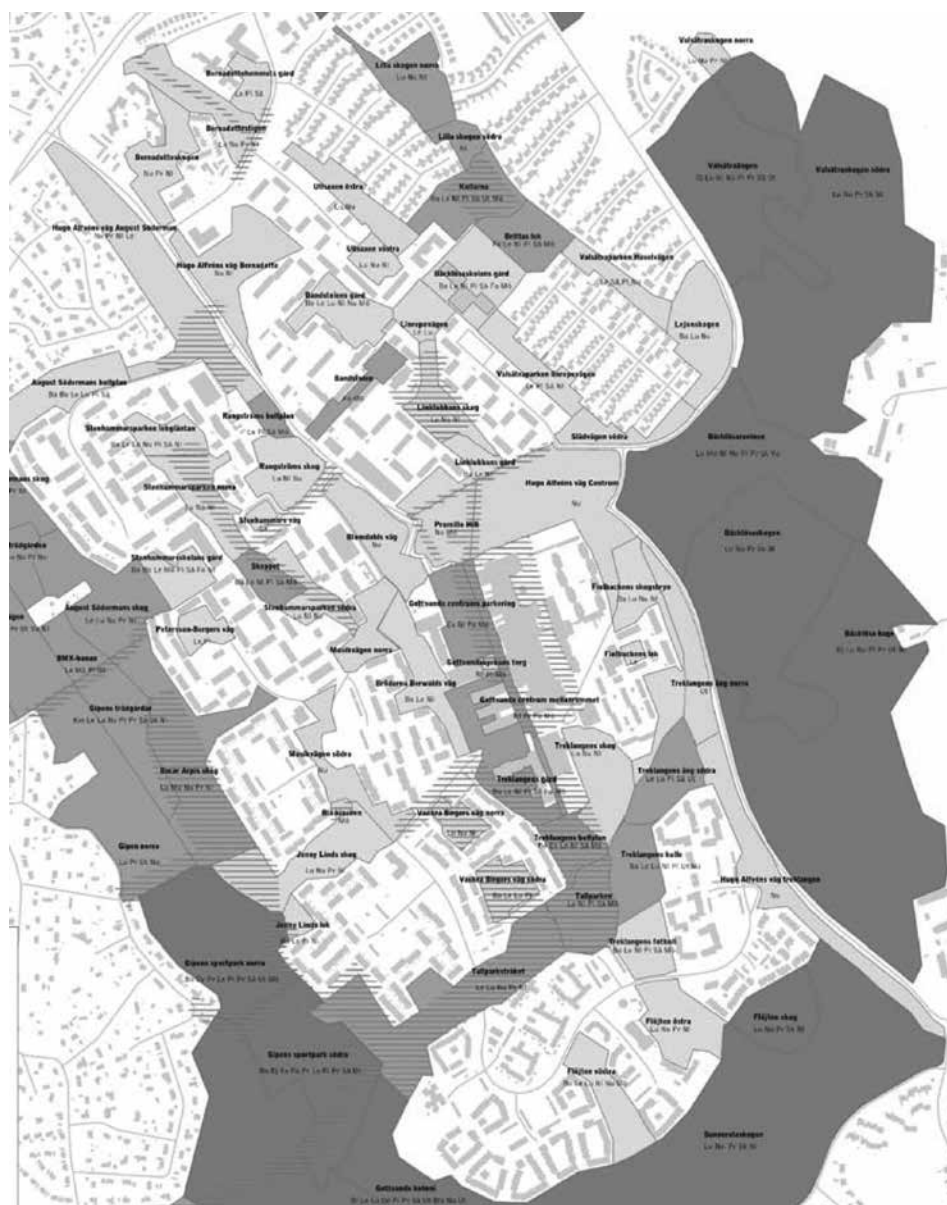
В 2006 году управление городского планирования Упсалы запустило планировочный процесс, названный Gottsundaprocessen, в рамках которого также происходил диалог с местными жителями. Сейчас Готцунда — крупнейший район позднего модерна 1960-х годов в Упсале с большим количеством социального жилья. Много иммигрантов, маленькие доходы, низкий уровень образования и высокий уровень преступности — этим район был печально известен. Одной из основных целей планирования был поиск пространств для застройки и для улучшения ландшафтного дизайна. Администрация в сфере досуга и природоохраны муниципалитета инициировала сбор данных для карты социотопов, чтобы получить данные о потребительских ценностях открытых пространств. Были проведены 22 фокус-группы, 10 интервью с персоналом дошкольных учреждений, молодежными советами в школе и молодежными организациями (La Softa, KFUM), ассоциациями взрослых горожан (Культурный

Рис. 4. Любимые открытые пространства детей 2–6 лет в Мариехолле (Stadsbyggnadskontoret 2006)

клуб Raffi, Ассоциация арендного жилья) и ассоциациями пожилых людей (Женская организация Vozorgan, Ассоциация христианской церкви). Результаты сильно разнились, но в одном все мнения совпали: Готцунде не хватает настоящего открытого общественно-го пространства в центре. Самые популярное место встречи жителей района находилось на периферии (например, в Gottsundagipen). Центр Готцунды состоит из огромной автостоянки вокруг старого торгового центра 1960-х годов. Консалтинговая фирма Spacescape, сотрудником которой я являюсь, провела социотопическое исследование и обобщила итоги в конкретное предложение по созданию новой центральной площади там, где сейчас находится парковка. Презентация сопровождалась иллюстрацией, на которой были все перечисленные пожелания жителей района: места, чтобы сидеть на солнце, общественные мероприятия, сцена, кафе, вода, цветы, игровые площадки, спортивные поля и уличные рынки. Все эти потребительские ценности могут быть учтены при проектировании нового

Рис. 5. Социотопическая карта Готцунды, показывающая перечисленные потребительские ценности открытых пространств

общественного пространства на месте парковки, так же как и ежедневные маршруты жителей Готцунды. Машины же можно припарковать неподалеку или на крыше торгового центра.

Мнения и участие жителей стали отправной точкой в процессе создания социотопической карты во всех трех проектах. Новые пространства могут появляться по принципу «снизу вверх», с позиции горожан, а не «сверху вниз», придуманные одним архитектором или принимающим решение органом. Социотопическая карта подчеркивает принципиальное различие между жизненным миром горожан и системным миром проектировщиков и архитекторов. Она предлагает способ разрешить это фундаментальное противоречие между «пользователем» и «дизайнером», которое появилось в рамках постмодернизма в градостроительстве.

КАРТА СОЦИОТОПА КАК УРБАНИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Рис. 6. Концептуальный коллаж для новой центральной площади Готцунды, основанный на социотопических опросах (Uppsala kommun and Spacescape 2006). Иллюстрация Хенрика Маркхеде

Можно рассматривать поворот к постмодернизму в градостроительстве, а также критику модернизма, технологий, рационализма и развитого капитализма как критику того, что системный мир ин-

ституций и компаний слишком далек от жизненного мира людей и культуры (Habermas 1986; Harvey 1989: 257–261). Этот поворот естественным образом привел к постструктурализму, деконструктивизму, культурализму и т.д. в научном дискурсе (Foucault, Jameson, Habermas) и, следовательно, к дискуссиям об управлении и формах диалога в планировочном дискурсе (Friedman, Healy, Mintzberg). Но вопрос все еще открыт: что же делать с описанием городского пространства? Что такое социотопическая карта — в том виде, в каком она была изобретена в Стокгольме, — для современной урбанистической теории?

Отправная точка моего исследования процесса социотопической картографии в широкой теоретической перспективе заключается в статье «метафилософа» Анри Лефевра, который также вдохновил таких важных теоретиков урбанизма, как Харви (1989), Соя (1996) и Кастельс (1996). Эта часть — во многом моя рефлексия о собственной работе практикующего ландшафтного архитектора и городского планировщика. Сейчас я исследователь городского дизайна, пытающийся понять, что же такое социотопическая карта или, скорее, чем она стала, а в более широких теоретическо-урбанистических рамках — пытающийся быть «мыслящим практиком» (Schön 1983).

Для начала: социотопическая картография кажется связанной с понятием «пространство мест» Кастельса, противопоставленным понятию «пространство потоков». Пространство мест — «это локация, чья форма, функция и значение являются автономными в границах физической смежности» (1996: 314–315). Это пространство — пространство жизненного мира, или, как Лефевр критически обозначил его среди других понятий, «истинное пространство». Тем самым «истинное пространство» подменяет собой «истину пространства», то есть практические проблемы (бюрократию, власть, ренту, выгоду и т.п.), создавая иллюзию некоторого порядка в хаосе явлений. Возникает опасность того, что социальное пространство будет определяться через пространство планировщика, политика, администратора; архитектурное (социальное, построенное) пространство — через (ментальное) пространство архитектора (Lefebvre 1991: 300)⁶.

В своем аргументе Лефевр точно подмечает разницу между системным миром планировщиков, архитекторов, администраторов и т.д. и жизненным миром людей. В своей влиятельной книге «Производство общественного пространства» (1991) он вводит список пространственных понятий, более или менее относящихся к этой дихотомии. Описанию системного мира соответствуют, например, понятия «абстрактное пространство», «геометрическое евклидово пространство», «объективное пространство». К жизненному миру в основном относятся понятия «социальное пространство», а также «жилое пространство», «воспринимаемое пространство» и «абсолютное пространство». В некоторых частях книги Лефевр абстрактен и слегка расплывчат в определениях своих понятий, но в конкретных примерах из городской планировочной практики — очень точен. Осман, Баухауз, Корбюзье, Нимейер — все они, согласно Лефевру, совершили ошибочную и опасную редукцию социального

⁶ Здесь и далее цитаты по переводу с фр. Ирины Стаф: Лефевр А. Производство пространства / пер. с фр. М.: Strelka Press, 2015.

пространства (1991: 303, 308, 312). Их системные описания, планы, зонирование и т.д. не показывают всей сложности городского устройства, а их методики сегрегируют и дробят социальное пространство города (1991: 311, 317). Тем самым Лefевр определяет ключевую проблему городского планирования — явную опасность редукции жизненного мира / пространства к системному миру / пространству. «Предельный редукционизм влечет за собой сведение времени к пространству, потребительной стоимости — к стоимости меновой, предметов — к знакам, а “реальности” — к семиосфере; это сопровождается еще одной редукцией: сведением диалектического процесса к логике, а социального пространства — к пространству ментальному, чисто формальному» (Lefebvre 1991: 296).

По сути, этот аргумент очень сложно игнорировать, если вы любым способом вовлечены в городское планирование, дизайн или управление, вне зависимости от вашего идеологического, политического или культурного подхода к городской среде самой по себе.

открытое пространство как репрезентация воспринимаемого пространства

Итак, в чем же состоит предложение Лefевра? Как урбанистическая теория и практика решают эту проблему? Лefевр предлагает различать «воспринимаемое», «задуманное» и «жилое» пространства, а также то, что он называет «пространственными практиками», «репрезентациями пространства» и «пространствами репрезентации» (1991: 38–39). Соя использует первую триаду, чтобы деконструировать распространенный дуализм «реального» материального пространства (первопространство) и «воображаемого» ментального пространства (второе пространство) и чтобы обсудить альтернативный подход, который соединяет ментальное и материальное измерения в «реальное-и-воображаемое» место — третье пространство (1996)⁷.

С другой стороны, Харви иллюстрирует вторую триаду в упрощенной таблице, основанной на трех основных городских практиках: «доступность & дистанцированность», «присвоение & использование пространства», «доминирование & контроль» над пространством (1989: 262). Ниже я привожу интерпретацию таблицы Харви (табл. 1), чтобы определить там положение социотопической карты.

Если взять конвенциональное прочтение лefеврской триады (Соя, Харви), становится понятно, что социотопическая карта — просто репрезентация. Она не может быть чем-то большим. Но что же такое на самом деле репрезентация чего-либо? Если вторая триада объясняет, как пространство репрезентируется, то первая отража-

⁷ Однако это можно трактовать как редукцию идей Лefевра. Что такое в действительности это «третье пространство» — остается под вопросом. Если оно все охватывает и соединяет, то, как отмечает Barnett (1997), также является ничем.

ет то, что репрезентируется. Позвольте мне взять наиболее обсуждаемый вопрос «городской безопасности» в качестве примера, так как вопросы безопасности часто возникают как негативные потребительские стоимости в процессе социотопической картографии, в частности, в фокус-группах. Например, это было большой проблемой в Готцунде.

Я бы сказал, что насилие в городском пространстве касается жилого пространства, которое «действительно происходит». Следовательно, пространство насилия является небезопасным для людей: они могут там пострадать, хотя они этого или нет. Другое дело, как люди переживают это пространство, как они его воспринимают. Кто-то чувствует себя в безопасности, кто-то нет, вне зависимости от криминальной статистики и вероятности насилия в конкретном пространстве. Это показано, например, в гендерных исследованиях, где женщины часто чувствуют себя небезопасно в публичных местах ночью, хотя больше всего случаев насилия над женщинами происходит дома. Это хорошо описывает разницу между жилым и воспринимаемым пространством. Задуманное пространство в этом контексте лучше всего описать как «безопасное пространство», то есть пространство, которое должно быть или считается безопасным. Это часто касается полиции, которая определяет цели своей деятельности в городском пространстве, где право и имущество пересекаются. Задуманное безопасное пространство также может быть видением «безопасного города» планировщика или политика.

	Доступность и дистанцированность	Присвоение и использование пространства	Доминирование и контроль над пространством
Материальные пространственные практики	Потоки людей	Променады	Ограждения
Репрезентации пространства	Анализ трафика, синтаксис пространства	Типологии зданий, социотопическая карта	Карта собственности, городской план
Пространства репрезентации	Интернет	Городская площадь	Религиозная площадь

Таблица 1. «Решетка пространственных практик» на основе интерпретации Харви (1989: 262)

Связь проблемы безопасности в городском пространстве и природы социотопической карты вскроется еще глубже, если посмотреть на пересечение двух лефеврских триад, представленное в таблице 2. Социотопическая карта вновь приходится на середину таблицы, отражая повседневный опыт людей, например то, как они относятся к разным пространствам. Это определенно не репрезентация воспринимаемого открытого пространства. Однако можно заявить, что социотопическая карта также пытается отразить характеристики жилого пространства, невзирая на то, что именно воспринимаемое пространство подчеркивается в муниципальных отчетах (Stähle 2000, 2002, 2003). Это несоответствие следует обсудить чуть дальше.

	Пространственные практики	Репрезентация пространства	Пространство репрезентации
Жилое пространство	Насилие в пространстве	Криминальная статистика на карте	Беспорядки в пространстве
Воспринимаемое пространство	Опасное / безопасное пространство	Социотопическая карта	Безопасность в торговом центре
Задуманное пространство	Жилье, спроектированное по системе CPTED*	План зон безопасности	Знаки безопасности в пространстве

Таблица 2. Решетка безопасности в городском пространстве, основанная на двух триадах Лефевра

* CPTED (Crime Prevention Through Environmental Design) — предупреждение преступности с помощью пространственного проектирования — это развивающаяся область политики, организации и научно-исследовательской программы (см: <http://www.cpted.net>). Шведский справочник Botryggt 05 относится к той же категории (<http://www.botryggt.se>).

Открытое пространство как пространство пользователя

Репрезентации жилого и воспринимаемого пространства могут быть поняты как методологическая разница между (антропологическим) наблюдением и (социологическим) интервью, разница между тем, что люди действительно делают, и тем, что они говорят, что они делают (чувствуют). Так как социотопическая карта создается на основе одновременно наблюдений за жилым пространством и интервью о воспринимаемом пространстве, ее можно считать своего рода сочетанием. Я все еще утверждаю, что конечная цель социотопической карты — быть репрезентацией скорее коллективного (общего) восприятия общественного пространства, его потребительской стоимости, нежели его реального использования. Отражение стоимостей в разных формах, как утверждается, является также основной целью муниципальной комиссии по «зеленой карте». Социотопическая карта Стокгольма в первую очередь направлена на репрезентацию коллективных ценностей использования общественного пространства, которые имеют важное значение для повседневной жизни людей, то есть потребительских стоимостей открытого пространства.

Теперь мы вернулись к основному пространственному понятию Лефевра — социальное пространство. В самой широкой трактовке это понятие в целом означает «пространство потребительской стоимости» (1991: 347–352). Это «пространство пользователя» существует как жилое и одновременно субъективно воспринимаемое его пользователями. Следовательно, «пространство пользователя переживается, а не репрезентируется (осмысляется). По отношению к абстрактному пространству компетенций (архитекторов, урбанистов, планировщиков) пространство перформаций, совершаемых пользователями в повседневности, является пространством конкретным» (1991: 362). В этой цитате Лефевр очень ясен и на этом основании крайне скептичен в отношении любой репрезентации социального пространства. Так как каждый городской планировщик вынужден ра-

ботать с репрезентациями и концепциями пространства, стоит быть априори настроенным критично к любой попытке свести социальное пространство к карте, иллюстрации и геометрии. Это не значит, что это невозможно. С другой стороны, это очень важная и ответственная (демократическая) проблема городского пространственного планирования. Планировщикам нужны наглядные изображения потребительских стоимостей открытых пространств. Шведская исследовательница общественных пространств Улла Берглунд подчеркивает в своей диссертации «Perspectives on urban nature» (1996), что есть фундаментальная разница в том, «как горожане и планировщики воспринимают открытые пространства в городе». По моему мнению, именно поэтому социотопическая карта в последнее время получила такое внимание среди планировщиков — ведь она делает упор на пользователе, использовании пространства и его потребительской стоимости.

открытое пространство как прямая потребительская стоимость

Таким образом, центральным понятием для социотопической карты является потребительская стоимость⁸, так как оно отражает полезность открытого пространства. Разумеется, это понятие центральное и для философии пространства Лефевра, и для других (нео)марксистских городских теоретиков. Теории потребительской стоимости, разработанные в рамках политической экономики и экономики окружающей среды (Brännlund and Kriström 1998: 74–78; Turner et al. 1994: 112), будут весьма полезны в моем анализе практик, связанных с городскими открытыми пространствами, и исследовании социотопической карты. Если мы обратимся к шведской планировочной практике 1990-х годов, то обнаружим стандартный способ картирования, то есть отображающий открытые пространства (и зеленые зоны). Традиционная модель делит карты на три группы: социальные, исторические, экологические (Bucht and Persson 1994; Stockholms stad 2004). На мой взгляд, экономика окружающей среды — удобный инструмент, чтобы понять эти три категории ценностей и прочесть социотопическую карту согласно этой планировочной традиции.

Основные понятия, разработанные экономикой окружающей среды, — это потребительская стоимость и непотребительская стоимость; последнее означает ценность простого существования чего-либо. Потребительская стоимость делится на прямую и косвенную.

⁸ Понятие потребительской стоимости чаще всего отсылает к Адаму Смиту, но также и к теории Карла Маркса.

прямая потребительская стоимость

Прямая потребительская стоимость относится к прямой полезности окружающей среды, как, например, игровая площадка. Эта стоимость в традиционной практике планирования открытых пространств часто называется «социальной стоимостью» или «рекреационной стоимостью». Понятие «социальная стоимость» может сбивать с толку, так как во многих планировочных контекстах оно употребляется только в отношении взаимодействия или соприсутствия. Однако в лефеврском использовании понятия «социальная стоимость» его смысл расширяется и приближается к тому, что обсуждалось как потребительская стоимость открытого пространства. При этом сведение прямой потребительской стоимости к «рекреации» может пониматься как сужение представлений об уличной жизни, связанной и с такими вещами, как социальные взаимодействия, игра или соревнование (Boverket 1994). В силу того, что понятие «рекреация» как единственное описание прямой потребительской стоимости преобладает, значение этих пространств часто недооценивается. Городские площади чаще всего были символами социальных контактов и демократии, даже при том, что городские парки в современных городах играли большую политическую роль. Есть несколько примеров из политической истории Стокгольма, когда парки были более подходящими для революции пространствами, чем площади⁹. Тем не менее социотопическая карта в основном касается сфер прямой потребительской стоимости, определенной пользователями.

непрямая потребительская стоимость

Непрямая потребительская стоимость означает использование пространства дистанционно: например, открытое пространство как часть городского пейзажа, достойный вид (из вашего окна). Для планировки и дизайна открытого пространства разница между прямой и непрямой потребительской стоимостью является значительной. Наглядный пример — зеленые пространства послевоенных пригородов (1950–1970-х годов), откровенно прозванных «башни-в-парке», городской планировочный принцип, изобретенный среди прочих Ле Корбюзье, Гропиусом и Нимейером. Большинство зеленых пространств здесь имеют только непрямую потребительскую стоимость, как вид из вашей машины или окон квартиры. Зеленые полосы вдоль шоссе пешеходы не могут посещать напрямую и использовать из-за их небезопасности и шума. Это также относится к большому числу зеле-

⁹ Например, рабочая забастовка в Гардете в 1890-м, Эльмский конфликт в Кунгстрэдгордене в 1971-м, уличные демонстрации в Бьонстрэдгорде в 2003-м.

ных пространств, окружающих жилые дома, которые часто страдают из-за неопределенной территориальности, то есть двусмысленности: что является приватным, а что публичным, — а это также препятствует их использованию. Если мы посмотрим на парки в традиционных западноевропейских внутригородских сетях, зеленые пространства обычно вкраплены в рамки уличной системы, они создают непрерывную пространственную систему для пешеходов. Эти городские парки почти без исключений имеют и прямую, и непрямую потребительскую стоимость, используются одновременно и для уличной жизни, и как зрелище из соседних окон.

непотребительская стоимость

Теперь давайте обратимся к непотребительской стоимости — понятию, активно обсуждаемому в рамках политической экономики и экономики окружающей среды (Brännlund and Kriström 1998: 77). Обычно говорят о двух видах непотребительской стоимости: альтернативная стоимость и стоимость существования, где первое понятие чуть ближе к собственно потребительской стоимости. Альтернативная стоимость отражает возможности использования в будущем — например, возможность в будущем поехать в Амазонию, хотя я там никогда не был (прямая потребительская стоимость) и не видел ее по телевизору (непрямая потребительская стоимость). Но также альтернативная стоимость относится к чему-то большему — возможностям использования этого пространства будущими поколениями¹⁰. Это относится и к стоимости существования, которая означает ценность простого существования чего-то. Оно имеет ценность, просто потому что существует, безотносительно актуальной или будущей полезности. Так как при экологическом повороте в постмодернистском планировочном дискурсе на первый план вышли «зеленые» вопросы и вопросы об окружающей среде, по крайней мере в Швеции, стоимость существования, которую не охватывает социотопическая карта, в последние двадцать лет стала преобладающей моделью.

ГОСПОДСТВО СТОИМОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Чтобы понять, почему социотопическая карта в некотором смысле радикальна в современном шведском планировочном контексте, надо

¹⁰ См., например, «Наше общее будущее» (World Commission on Environment and Development 1987).

разъяснить господство стоимости существования. Двумя главными группами ценностей существования в современном проектировании зеленых зон в течение последних двадцати лет были экологическая (биоразнообразие) и историческая ценность (культурное наследие). Их обычно определяют эксперты — экологи и археологи. Ценностью существования будут, например, следы древних животных под землей или находящиеся под угрозой виды — вещи, которые редко встречаются обычным жителям в повседневной жизни. Поэтому эта ценность часто называется «научной» (Stockholms läns landsting 1992).

В планировочной практике границы между понятиями в проектировании зеленых зон и этими понятиями о стоимости из экономики окружающей среды не окончательно ясны. Исследования прямой потребительской стоимости зеленых зон показывают, что историческое и экологическое измерения участвуют в создании прямой потребительской стоимости (Grahn and Sörte 1995: 84–160; Ståhle 2000; Stockholms läns landsting 2001). Например, старый биологически разнообразный луг часто очень популярен среди горожан, устраивающих пикник. Интересно также развитие новых форм пользовательской оценки культурного наследия (Olsson 2003). Этот тренд привел к появлению понятия «ценность опыта» (шв. upplevelsevärde)¹¹. Интересный факт: «ценность опыта» обычно относится к пользовательскому опыту, а не экспертному, следовательно, соотносится с прямой потребительской стоимостью, то есть чем-то, что должно быть отражено на социотопической карте.

Так как под открытым пространством в городском планировании чаще подразумевают зеленое пространство, вопрос экологической стоимости и биоразнообразия имеет особенное значение. И, так как экология и биология являются естественными науками, по моему опыту, очень часто стоимости (прямая и косвенная) ошибочно смешиваются с «фактами» биологической системы вообще¹². Было отмечено, что понятие биологического факта незнакомо и антропоцентричным, и биоцентричным философам (Ariansen 1993). Хотя антропоцентрики будут подходить к экологии зеленых зон как к средствам достижения человеческих целей, а биоцентрическая идеология будет доказывать, что экология одновременно и средство, и цель. Понятие стоимости существования или экологической стоимости, когда экология является целью сама по себе, в целом определяет биоцентризм. Соответственно, социотопическая карта больше склоняется к антропоцентричной парадигме.

Стоимость существования была очень важна в шведском планировании, особенно для сохранения зеленых пространств, так как экологическое движение всегда поддерживало их уникальность и незаменимость. Современные идеологии, основанные на понятии стоимости существования, можно связать с постмодернистской феноменологией и ее понятием места, другими словами, *genius loci* (Norberg-Schultz 1980). Так как каждое место уникально, оно не может, по крайней мере теоретически, быть заменено другим местом (Bygghälsöföretaget 1994). В неомарксистской мысли, у Кастельса и Харви, существует тонкая тенденция подчеркивать жизнь места как такового — как ценность

¹¹ Ståhle 2000; Stockholms läns landsting 2001; исследовательский проект «Landskapets upplevelsevärden» (<http://www.lpal.slu.se/projekt/p157.htm>).

¹² Например, структуру биотопа могут также называть «экологической инфраструктурой» (Löfvenhaft and Ihse 1998).

существования. Нежелание меняться может быть понято как нежелание иметь способность к обмену, то есть переводу потребительской стоимости в меновую (в денежном выражении). Но нужно ли бояться этого детерминизма? Общество тоже может вносить изменения в среду в соответствии со своим представлением о более удобном и подходящем городском ландшафте. Уменьшение площади зеленых пространств из-за уплотнения фактически означает увеличение потребительской стоимости, поскольку вырастет число людей, имеющих огромные возможности для социальных взаимодействий, мероприятий и инвестиций (государственными или частными средствами).

В процессе городского уплотнения общественные открытые пространства уменьшаются в размере, но чаще увеличивают свою потребительскую стоимость. Видимо, это самая очевидная разгадка того, зачем социотопическая карта была создана и почему привлекла столько внимания. Если убрать определенное число открытых пространств на участке, то как могут быть усовершенствованы оставшиеся, как наложатся друг на друга новые потребительские стоимости? Какие комбинации потребительских стоимостей возможны и уместны на конкретной территории? Это практические вопросы, с которыми сталкиваются сегодня планировщики и ландшафтные архитекторы, работающие с городским уплотнением.

ПЛАНИРОВАНИЕ КОМПАКТНОСТИ И РАЗНООБРАЗИЯ

По многим параметрам открытые публичные пространства, особенно парки, в уплотненных городах близки к понятию Фуко «гетеротопия», то есть реализованная утопия. Философ (1967) описывает сад (garden) как один из старейших примеров гетеротопии — отдельного реального места, состоящего из нескольких пространств или участков, которые сами по себе несовместимы. Это именно то, что происходит, например, в городских парках. В них намешано много различных жилых и воспринимаемых пространств городского населения. Другими словами, эти пространства — пласты потребительских ценностей, пласты совместных интересов и выгод. Так что в некотором смысле они являются реализованной утопией, где дети играют вместе со взрослыми, где встречаются разные идеологии и гендеры, где природа встречается с культурой и так далее. Несложно согласиться с Фуко, когда он отмечает, что цивилизация без гетеротопий — это общество, где «иссякли мечты, шпионаж заменило развлечение, а пиратов — полиция».

Очевидно, что общественные пространства могут нести функцию гетеротопий: мы не говорим, что они свободны от конфликтов и парадоксов, но при этом нам стоит понимать, почему они постоянно производятся и воспроизводятся городскими сообществами. Таким об-

разом, я считаю, что гетерогенный характер этих пространств прежде всего может быть трактован как множество потребительских ценностей, и социотопическая карта — во многом попытка отразить и представить эту пространственную множественность. Конечно, не стоит утверждать, что карта может полностью охватить это разнообразие. Карта, как заявляет, например, Лефевр, является радикальной редукцией реальности. Тем не менее социотопическая карта пытается отобразить это разнообразие, перечисляя разные потребительские ценности каждого публичного пространства. Кроме того, карта старается донести локальное знание о «пространстве места», которое в обычном планировочном процессе может быть иначе не принято во внимание вообще. Установленный шведским законодательством планировочный процесс связан с общественным советом, который должен участвовать на всех стадиях, но опыт подсказывает, что, когда доходит дело до совета, самые важные решения уже приняты архитекторами, девелоперами и политиками, и редко у совета есть возможность изменить предложенный проект. В результате часто возникает конфликт, который заканчивается либо запуском первоначального проекта, либо его приостановлением. То есть дебаты чаще крутятся вокруг вопроса «строить или не строить», нежели вопроса «как строить».

Поскольку имело место множество масштабных конфликтов, касающихся уплотнения общественных пространств, в шведский планировочный дискурс были включены новые модели, такие как «теории компенсации» и «принципы баланса» (Rundcrantz and Skärbäck 2003). Эти модели имеют приблизительно два основных допущения: первое — что изменение качества окружающей среды, такое как утрата зеленых пространств, в целом негативно, и второе — что эту «утрату» нужно возместить где-то еще. Основная проблема теории компенсации для планировки зеленых зон состоит в том, что она бездейственная и нечестная, так как используется в основном в полузаброшенных районах. «Компенсация» и «баланс» по определению никогда не повышают стоимость, так как их цель — сохранить статус-кво. Причина того, что компенсационная теория была столь успешна в последнее время, вероятнее всего, в том, что она следует одновременно экологической этике и либеральной логике и сводится к идее «Кто берет, должен вернуть обратно», будь то индивиды или «природа». Но, как уже обсуждалось, городские открытые пространства гораздо сложнее в социальном отношении, чем это показывает анализ затрат и выгод. Сведение открытого пространства к простому случаю количественной взаимозаменяемости упускает главную цель городского планирования, отвечающую, пользуясь основополагающим исследованием Лефевра, на вопрос «Что такое социально успешные пространства и какими они будут?». Именно поэтому социотопическая карта изначально была создана, чтобы справляться с девелопментом и оптимизацией сложных городских пространств, а не сохранять существующие условия.

Однако у нас пока остаются время, опыт и исследования, чтобы понять, какое влияние и значение имеет социотопическая карта. Недавний успех можно объяснить лишь необходимостью. Общество, которое становится все более постмодернистским, глобализованным и индивидуализированным, едва ли может планировать, развиваться и расти без знания об общих потребительских стоимостях пространства места.

проектирова- ние для разно- образия

ИССЛЕДОВАНИЕ СООБЩЕСТВ С РАЗНОРОДНЫМ
СОЦИАЛЬНЫМ СОСТАВОМ

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ

По пути из Чикаго на юг по историческому шоссе Линкольна можно встретить странное сочетание богатых и бедных районов. На одном из участков шоссе расположен Форд-Хайтс, который соседствует с самым бедным пригородом Чикаго, если не всех США. В 2000 году средний доход местного населения составлял 17 500 долларов. Через несколько минут можно попасть в Парк-Форест, где живет сообщество среднего класса со средним семейным доходом в три раза выше. Неравенство невозможно скрыть: вот вы проезжаете мимо зданий с заколоченными окнами и винных магазинов, а всего десять минут спустя — мимо кофейни Starbucks, магазина товаров для дома Home Depot и забитых парковок перед торговыми центрами.

Можно пересечь Чикаго практически по любой другой дороге и увидеть много других, таких же резких переходов между богатыми и бедными районами. Поразительно, насколько заметны эти различия и насколько однородны сами районы: вот здесь живут бедные, а здесь — богатые; белый район соседствует с черным, а тот — латиноамериканский. Таков обычный, само собой разумеющийся, повсеместный вернакулярный ландшафт Америки. Разделение на районы для белых и черных жителей получило название «американский апартеид» (Massey and Denton 1993).

история социального разделения

Как и когда произошло это пространственное распределение? В какой момент стало приемлемым, что жители районов на одном и том же участке трассы обладают столь разными социальными и экономическими перспективами? Так было не всегда. Историки утверждают, что до XIX века нормой были разнородные по социальному составу поселения. Объяснялось это экономическими причинами: в средневековом городе дворянам приходилось жить рядом со своими вассалами, а в раннем промышленном городе рабочие и владельцы предприятий были вынуждены жить рядом с фабриками. Люди жили там, где работали, а не в географическом ареале своего социального класса. Во многих европейских городах богатые и бедные были разделены только вертикальным зонированием внутри многоэтажных домов (прислуга — на первых этажах, господа — на верхних), но общественное пространство улиц было общим. В Чикаго до 1850 года «деньги покупали голую землю, а не сегрегацию по доходам» (Massey and Denton 1993; Bowden and Kreinberg 1981: 116).

Однако по мере развития индустриализации в XIX веке классовое расслоение становилось более выраженным. В американском городе, где сформировались этнически однородные, но экономически смешанные районы, классовая принадлежность стала преобладать над этнической, превратившись в основную движущую силу социальной географии. Исследование, проведенное Оливье Зунцем в Детройте (Olivier Zunz 1982), показало, как «тихая социальная революция» в первые десятилетия XX века создала городские миры, все больше и больше определявшиеся классовой принадлежностью, а также промышленным производством и потреблением, а не этническими связями или близостью к рабочему месту. Новые транспортные технологии существенно упростили пространственное распределение населения. Этническое разделение по-прежнему существовало, но районы XIX века и пригороды вблизи железной дороги, населенные ранее представителями разных классов, сменились районами, однородными по классу и расовой принадлежности жителей.

Таким образом, история городской Америки XX века — это история проявленного социального разделения. Индустриализация принесла повышение благосостояния, рост среднего класса, дешевые автомобили, дешевую нефть, дороги и правительственные субсидии, которые в сочетании с расовой и классовой нетерпимостью создали токсичную смесь, спровоцировавшую беспрецедентное в истории расползание и пространственное социальное зонирование городов. Разделение территорий по типу использования отражало классовое разделение, и уже к 1900 году города США демонстрировали сегрегированную модель землепользования, в рамках которой коммерческие и офисные помещения занимали центр, а жилые помещения были вытеснены на периферию (Jackson 1985). К 1920-м годам социальная сегрегация в городах установилась окончательно. Харви Уоррен Зорбо в своем программном исследовании 1929 года «Золотой берег и трущобы» писал: «Нет явления, более характерного для городской жизни, чем сегрегация, в отличие от жизни сельской общины или деревни» (Zorbaugh 1929: 232). Луис Вирт

пришел к аналогичному выводу в своей работе «Урбанизм как образ жизни», отметив, что городское население отличается высокой [классовой. — Ред.] дифференциацией и в то же время все больше подчиняется массовой культуре (Wirth 1938).

Мы разработали целые системы, максимизировавшие прибыль ценой однородности. Глобальная система дистрибуции, финансовые рынки и кредитные учреждения создавались вокруг гомогенного распределения по классам и централизованной власти в культуре. Кластерные социальные пространства начали диктовать бизнес-решения (Metzger 2000; Weiss 1988, 2000). И там, где социальные институты добились прогресса в интеграции однородности, соответствующая планировка городов препятствовала распространению этого процесса. Например, после 1970 года школьная дегрегация несколько продвинулась вперед, однако положительные изменения оказались недолговечными, поскольку общество в целом оставалось сегрегированным за пределами школ (Wells et al. 2004), что лишь подкреплялось политикой финансирования школ, которая привела к пространственной сегрегации семей по их уровню дохода (Nechyba 2004).

Дело не в том, что мы стали хуже. Скорее, до XX века социальная дистанция поддерживалась другими, зачастую более извращенными способами. Законы Джима Кроу¹ — печально известный тому пример. Но, к сожалению — и, возможно, неминуемо, — по мере того как один социальный барьер разрушался, на его месте возникал другой. На этот раз разделение стало физическим и въелось в застроенный ландшафт, как никогда прежде. Как выразился Доналд Олсен, «именно потому, что современный средний класс обладает возможностью эксплуатировать рабочий класс менее интенсивно, наши города стали более сегрегированными, чем раньше» (Olsen 1986: 133). Поскольку социальное движение стало свободнее, инструменты сегрегации развивались вместе с технологическим прогрессом, особенно с появлением автомобилей. Пространственная и социальная мобильность стали синонимами.

архитектура разделения

Там, где городская застройка до XX века способствовала социальному смешению, после 1920-х годов она же препятствовала способности классов перемешиваться, даже если бы они этого хотели. Расовые предрассудки осложняли и обостряли ситуацию. У чернокожих жителей среднего класса почти не было возможности выбрать жилье за пределами черных районов, поскольку жители белых районов этого же класса выступали против чернокожих, даже равных им по уровню доходов. В Америке после Второй мировой войны многие белые считали, что запустение городов было напрямую связано с чернокожими жителями. Мало кто задумывался, что ухудшение условий

¹ Неофициальное название законов о расовой сегрегации в некоторых штатах США в период 1890–1964 гг. — Примеч. ред.

зачастую являлось результатом перенаселенности из-за отсутствия альтернативных вариантов жилья (см. Kefalas 2003; Pattillo-McCoy 1999). Поскольку городская среда не могла комфортно разместить растущее население, жители районов частных домов с тревогой относились к разделению соседних зданий на квартиры для бедных семей.

Последствия неспособности создать городскую структуру, благоприятствующую социальному разнообразию, стали колоссальными. Наибольший ущерб структуре причиняет концентрация бедных людей в центральных районах города. Теперь мы можем лишь гадать, что могло бы произойти, если бы мы не отказались от разнообразной городской среды с широким социальным диапазоном. Сложно себе представить, что стремление к разнообразию могло бы значить для тех, кто бежит от высоких цен на недвижимость в центре города, а потом — от «федерального бульдозера»².

Пригороды стали более социально разнообразными, но это произошло не благодаря их планировке, а вопреки ей. Появились «коллективно гетерогенные, но индивидуально гомогенные» пригороды, где жители перераспределяются в «анклавы по образу жизни» (Putnam 2000). Большинство пригородных районов по-прежнему строятся для определенного социального класса, в результате чего сегментация рынка строго делит районы на группы с различными уровнями дохода. Были бы эти сегрегированные социальные структуры иными, если бы структура американских поселений способствовала проживанию людей с разными социальными и экономическими возможностями?

планирование городского разнообразия

В разных областях науки и бизнеса по-разному решают проблему социального зонирования, пространственной структуры занятости. Меня интересует — и является темой настоящей книги — городское планирование и воздействие плана города на его жителей. Я сосредоточусь на том, что я называю разнообразием мест, — феномене социально-экономического разнообразия одного района, где разнообразие определяется разными уровнями доходов, разной расовой и этнической принадлежностью, разным размером и составом домохозяйств. Я утверждаю, что хорошая городская структура может способствовать сохранению разнообразия. Этот текст призван найти ответ на вопрос, что означает «идеальная городская структура» в контексте разнообразия и как можно аргументировать подобные утверждения.

Я использую термины «планирование и проектирование» для обозначения стратегий, связанных с вмешательством в форму и тип

² Отсылка к работе Мартина Андерсона «The Federal Bulldozer: A Critical Analysis of Urban Renewal, 1942–1962». — Примеч. ред.

городской среды. Эти стратегии касаются исключительно физической среды и ее изменения. Часто такие стратегии направлены на выявление конкретных мест для интервенции. Это не «градостроительное проектирование» в традиционном понимании архитектора, который концентрируется исключительно на эстетике небольшой группы пространств или зданий. Мое понимание градостроительного проектирования шире. Близкий термин «урбанизм» относится к изучению, планированию и проектированию улиц, пространств и районов с акцентом на морфологии городов, структуре кварталов, городских пространствах и их географическом контексте.

Разнообразие мест — это разнообразие, существующее в сфере «повседневной жизни» и связанное, например, с посещением школ и покупкой продуктов. Это касается районов, чья структура, план и уровень ресурсов включают в себя «то, что действительно имеет значение»: школы, безопасность, рабочие места, стоимость недвижимости, инфраструктуру для жизни (Pattillo-McCoy 1999: 30). Хотя я не использую точные пространственные определения для терминов «район» и «сообщество», идея разнообразия мест, вероятно, наиболее значима в масштабе, который находится где-то между «защищенным районом» (небольшая территория, обладающая проявленной идентичностью) и «сообществом с ограниченной ответственностью» (более крупный, часто определяемый правительством район) в терминах Саттлса (Suttles 1972). Районы следует отличать от многолюдных городских пространств в деловом центре города и торговых центров — таких как Millenium Park или Galleria в Чикаго, — которые обладают социальной сложностью, но где почти нет чувства коллективной собственности или не принято совместно использовать пространства для повседневных потребностей.

Этот текст исследует, как планирование и проектирование могут использоваться для поддержки социально разнообразных пространств. Чтобы понять возможности проектирования, я изучаю места, которые уже социально разнообразны, и предлагаю способы использования городской среды для поддержки их разнообразного социального состава. Каков физический контекст социально разнообразных районов и что это означает для жителей, которые там живут? Выглядят ли все разнообразные места как Гринвич-Виллидж в описании Джейн Джейкобс или они принимают различные формы? Отвечают ли эти пространства потребностям разнообразного района с точки зрения пространственного устройства? Что может быть основой общей эстетики разнообразных пространств? Учитывая, что самоопределение в зависимости от места и симпатия по отношению к нему так легко ассоциируются с «ландшафтами привилегий»³ и отчуждением, как у социально разнообразных мест может быть определение места, которое разделяет каждый житель (Duncan and Duncan 2004)?

³ Отсылка к книге Джеймса и Нэнси Дуган «Landscapes of Privilege». — Примеч. ред.

социальное разнообразие района

Социальное разнообразие района — это коллективная жизнь и совместное использование пространства для повседневных нужд, в отличие от случайных встреч с незнакомцами.

Некоторые градостроители могут скептически относиться к использованию проектирования для поддержки социального разнообразия. Отчасти это связано с разрывом между социальными целями и градостроительным проектированием, возникшим после заката модернистского урбанизма семидесятых-восемидесятых годов. Возможно, прав Александр Катберт: «Основные теоретики этой дисциплины представляют нам не связанные между собой концепции городской структуры, в значительной степени лишенные какого-либо социального содержания и отчужденные от какой-либо серьезной социально-экономической и политической базы» (Cuthbert 2006: 21). Джон Лэнг в своей недавней книге «Градостроительное проектирование: типология процедур и продуктов» (Urban Design: A Typology of Procedures and Products) утверждает, что именно рынок должен предоставлять людям возможность выбора и что если рынок не может ее предоставить, то «отсутствие выбора не имеет отношения к градостроительному проектированию». Он выступает за проектирование районов «для одного типа населения», чтобы «избежать конфликтов», делегируя интеграцию более крупным районам (Lang 2005: 369). Помимо антипрогрессивности, проблема позиции Лэнга заключается в том, что она не подразумевает разнообразия мест, лишая их градостроительной поддержки: он считает, что разнообразные места не могут претендовать на подход, адаптированный к их уникальному социальному составу.

Мой основной тезис заключается в том, что существуют принципы проектирования, которые могут поддержать социальное разнообразие районов. Модернистский урбанизм, с его акцентом на функциональность, приоритетом автомобильного движения и разделением видов землепользования, сформулировал ключевые требования к проектированию разнообразных пространств: функциональное разнообразие, связность и безопасность. По мере того как города расширялись и росли в XX веке, идеология проектирования и технологический «прогресс» — наряду с другими социальными и экономическими факторами — формировали городскую среду, способствующую социальному разделению. В результате мы унаследовали пространственные характеристики, которые скорее враждебны социальному разнообразию, чем поддерживают его.

К счастью, некоторым пространствам удалось привлечь и сохранить такое разнообразие. Сосредоточившись на этих местах, я надеюсь пролить свет на то, как планирование и проектирование территорий жилой и многофункциональной застройки может помочь достичь стабильности. Можем ли мы использовать городскую среду для стимулирования социального разнообразия? Можем ли мы сделать социальные и экономические ресурсы общедоступными путем создания городской структуры, более благоприятной для интегрированного населения?

ЦЕННОСТЬ РАЗНООБРАЗИЯ

Ценности американского общества напрямую вызывают к социальному разнообразию. Социальное неравенство рассматривается как серьезная угроза демократическому обществу (Krugman 2006; Putnam 2000). Более того, однозначно отвергается мысль о том, что можно быть «разделенными, но равными». Сегрегация и разделение, ставшие характерными для американской модели города, противоречат базовому американскому этосу, корни которого — в плюралистическом обществе, основанном на равенстве всех людей. Разделение не только бросает вызов основам демократического общества, но и порождает глубокие различия в уровне доступа: к финансовым ресурсам, общественным услугам, общественной инфраструктуре, социальным сетям и политической власти. Кроме того, разделение ограничивает нашу способность поощрять толерантность и использовать творческие аспекты человеческого разнообразия.

Существует определенное принятие неизбежности дифференциации и сегрегации того рода, который Парк, Берджесс и Маккензи определили более восьмидесяти лет назад, провозгласив, что «конкуренция заставляет людей объединяться в группы» (Burgess 1925: 79). Они ясно дали понять, что результатом «непрерывных процессов вторжения и закрепления» стала модель разделения жилых зон различных классов с сопутствующими ей земельными ценностями, нравами и степенями «гражданского интереса». Если один район — «консервативный, законопослушный, с развитым чувством гражданского долга», другой будет «изменчивым и радикальным» (Burgess 1925: 78–79). Такая дифференциация и сегрегация развивались по расовому, языковому, возрастному, половому и доходному признакам, образуя единицы общинной жизни, которые называли «естественными районами». Исследование Зорбо (Zorbaugh 1929), посвященное северным районам Чикаго, продемонстрировало резкий контраст между «золотым берегом и трущобами».

баланс в градостроительстве

Градостроители пытаются найти баланс между гомогенностью и сегрегацией. Они апеллируют к американским клише о равенстве и плюрализме, но ограничены предположением, что в американском обществе «естественно» связывать социальную мобильность с пространственной. Человек движется вверх по социальной лестнице, перемещаясь в «лучший» район в совершенно другом месте, проходя процесс ассимиляции с отчетливыми пространственными последствиями (Peach 2001).

Даже социальные критики, которых больше всего беспокоят пагубные последствия социальной сегрегации и концентрированной нищеты, считают, что необходимо улучшить пространственную мобильность, а не планирование и проектирование, учитывая разнообразия. Мэсси и Дентон в своей известной книге «Американский

апартеид» (1993) справедливо сетуют на сохранение сегрегации чернокожих по месту жительства, но видят несправедливость лишь в том, что чернокожие не могут участвовать в «процессе нормальной пространственной мобильности». Статус района осмысливается как движение от «упадка» к «модернизации» (Taub et al. 1984), и это узаконивает идею о том, что районы по праву могут принадлежать к тому или иному однородному социально-экономическому типу.

Градостроители оказываются в плачевном положении из-за того, что изначально они же поощряли социальное и экономическое «геттирование». Полвека назад Мамфорд утверждал, что системы, созданные в основном планировщиками — например, зонирование и автомобильные дороги, — снизили способность города развивать свою основную функцию взаимобмена — «максимального взаимодействия возможностей и функций» (Mumford 1949: 38).

Современное градостроительное проектирование посвящено созданию «брони» для «предотвращения конфликтов» (Sorkin 1999: 2). Благодаря транспорту, землепользованию, зонированию, жилищному строительству, ипотечному кредитованию, энергетике, финансированию школ и многим другим видам политики градостроители, как известно, стали соучастниками разделения социальных групп и экономических функций. Все системы взаимосвязаны, они питают и поддерживают друг друга.

Однако, хотя считается, что планирование и проектирование территорий жилой и многофункциональной застройки сыграло важную роль в поощрении моделей сегрегации, характерных для американских городов, никто не задумывается о реформе градостроительного проектирования. При обсуждении борьбы с антиподом разнообразия мест — сегрегацией — практически не учитывается американское градостроительное проектирование. Питер Холл (2002) отметил, что отсутствие инвестиций в центральные районы города, бегство белого населения и сегрегация (наиболее мощные проявления не-разнообразия) — это проблемы, к решению которых не применялось градостроительное проектирование, хотя «в это трудно поверить». В отличие от других стран, «Америка способна отделить проблемы социальной патологии от любого обсуждения проектных решений», сосредоточившись вместо этого на «горсти политических мер» (с. 461), зачастую лишь слабо связанных с градостроительством. В то время как понятия «место», «структура района» и «пространственная структура» зазвучали в дебатах о том, что делать с жилищной сегрегацией и отсутствием социального разнообразия, градостроители практически не участвуют в этих обсуждениях. Существует огромное количество работ о важности городского пространства, написанных социологами-теоретиками, но, как ни странно, их выводы больше связаны с политикой и различными социальными процессами, чем с планированием и проектированием.

место и разнообразие

Джейн Джейкобс внесла наибольший вклад в описание фундаментальной связи между местом и разнообразием. Она заявила, что разнообразие соответствует физическим формам и паттернам, которые поддерживают человеческие взаимодействия — отношения и паттерны отношений. Ее определение разнообразия включало в себя сочетание разных видов использования, включая разнообразие «культурных возможностей», работу с «разнообразием сцен» и «высоким разнообразием населения и других пользователей» (Jacobs 1961: 143–151). Она недвусмысленно писала о влиянии материальной среды на разнообразие общества: существуют физические показатели, которые способствуют разнообразию в типах использования и пользователях, и это основа хорошо функционирующего, деятельного и здорового города. Ее предложения — смешанное первичное использование, разный возраст зданий, короткие кварталы, концентрация населения — стали принципами работы для проектировщиков, которые достигли совершеннолетия после того, как модернистский урбанизм и реконструкция городов нанесли свой ущерб.

Но с точки зрения реализации такие утверждения оказались противоречивыми. Как могут использоваться принципы Джейкобс в огромном числе районов, где нет необходимой концентрации населения? В США Манхэттен — уникальное явление. Учитывая это, как мы примирим ее взгляды, связывающие разнообразие района и интенсивность его жизни, с наблюдением Льюиса Мамфорда (1930) о том, что «ограничения по размеру, плотности и площади абсолютно необходимы для эффективного социального общения»? Как мы можем объяснить тот факт, что социальное разнообразие в США чаще всего находится в местах, которые не соответствуют условиям разнообразия Джейкобс? Как мы можем использовать условия Джейкобс для создания разнообразия в местах, которые никогда не смогут удовлетворить ее критериям, особенно в том, что касается концентрации населения? Очевидно, мы должны смириться с тем фактом, что разнообразие не может опираться только на центры больших городов и что оно будет включать в себя взаимодействие с «полупригородами», как презрительно назвала их Джейкобс. На самом деле именно в населенных пунктах за пределами крупных, плотных мегаполисов социальное разнообразие мест встречается чаще всего.

Существуют и другие сложности на стыке задачи обеспечения социального разнообразия и проектирования. Некоторые исследователи считают, что вероятность возникновения разнообразия не зависит от среды (Bruegeman 2005). Другие рассматривают попытку связать физическую структуру с социальными целями, такими как применение чрезмерного контроля (Talen 1999). И не все согласны с тем, что разнообразие жилых пространств должно быть ключевой целью проектирования. Ситуации с высоким уровнем разнообразия могут считаться слишком хаотичными, в то время как отсутствие разнообразия или монокультурные условия — напротив, спокойными. Кроме того, существует мнение, что, если вы действительно хотите улучшить жизнь людей, ваша стратегия должна заключаться в изме-

нении политических и экономических структур, а не типа городской среды. Разнообразие должно «вырастать» в пространстве, а не зависеть от той или иной формы внутригородской социальной миграции, приводящей к джентрификации и перемещению населения.

Городское планирование уже давно учитывает необходимость поддержки социального смешения через механизмы проектирования. Двадцатый век начался с требований, чтобы градостроители сделали что-то с «однообразием» трущоб, и самые ранние предложения — например Эбенизера Говарда — призывали к самозамкнутым поселениям, полностью обеспечивающим разнообразные и важные потребности жителей. Льюис Мамфорд, Джейн Джейкобс, Кевин Линч, Уильям Уайт и Элиэль Сааринен — лишь немногие из урбанистов, кто глубоко задумывался о физическом контексте социального разнообразия.

Эта традиция продолжается и сегодня. Градостроители повсеместно выступают против социальной и экономической сегрегации. Они настоятельно призывают к более глубокому пониманию несправедливости, вызванной их политикой и практиками (см., например, Thomas and Ritzdorf 1997; Bollens 1999; Kraus 2000; Keating 2001). Критики советуют градостроителям быть чуткими к различиям (Spain 1993; Sandercock 1998; Harwood 2005), развивать понимание влияния мультикультурализма на планирование (Burayidi 2000; Qadeer 1997) и лучше распознавать разные социальные ожидания и обычаи, которые возникают, когда новые жители переезжают в существующие районы и преобразуют их (Freeman 2005; Meyers 2007). Сторонники нового урбанизма, транзитно-ориентированного проектирования, города, удобного для жизни, и других концепций отстаивают подходы, явно ориентированные на поддержание разнообразия.

МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ

Этот текст посвящен физическим требованиям к социально разнообразным районам. Основной вопрос исследования: насколько мы разделены и насколько распространены районы с высоким уровнем социального разнообразия? Что еще важнее: почему важно разнообразие в пределах одного района и какое отношение к нему имеет проектирование? Используя Чикаго и его пригороды в качестве примера, я изучаю связь социального смешения с определенными паттернами и структурами, обнаруженными в городской среде. Я резюмирую результаты 85 интервью, проведенных среди жителей, которые живут или работают в шести самых социально разнообразных районах Чикаго. В итоге у нас есть конкретные стратегии и проектные предложения. При составлении стратегий я опираюсь в том числе на почти столетние исследования влияния застроенной среды на социальные/психологические явления (например поведение, формирование сообщества, социальное взаимодействие и чувство места). С точки зрения градостроителя, связь между проектированием

и социальным разнообразием заключается не в том, создает городская среда такое разнообразие или нет, а в том, насколько активно она может развиваться и как долго поддерживаться при определенных условиях, которые находятся под контролем градостроителей. Мы немало знаем о том, как планирование и проектирование прямо или косвенно препятствуют разнообразию — например, из-за монофункциональности пространства, минимальных размеров участков, требований к парковкам, запланированных (и закрытых) сообществ, приватизированной инфраструктуры, избыточной ширины улиц. Так что есть основания предположить, что планировочные и проектные решения могут не только ограничивать разнообразие, но и способствовать ему.

Речь идет не о детерминизме, а об ответной реакции: может ли городская среда быть сконструирована таким образом, чтобы поддерживать социальное разнообразие, а не препятствовать ему? Существуют ли определенные контексты, в которых разнообразие процветает — в сравнении с другими? Если Ричард Сеннетт прав в том, что мы утратили способность к разнообразной общественной жизни и социальным беспорядкам, которые это разнообразие может повлечь за собой, как городская среда поможет вернуть эту способность? Если устойчивое социально-экономическое разнообразие представляет собой вершину развития города, то нам следует заботиться о социально разнообразных районах, а не позволять им медленно разрушаться и терять уровень разнообразия.

ПОЛИТИКА И ПРОЦЕССЫ

аргументы против разнообразия

Недавно два самых известных американских социолога высказали негативное отношение к разнообразию. Роберт Патнэм, автор книги «Боулинг в одиночку. Крах и возрождение американского сообщества» (2000), обнаружил удивительный уровень мультикультурной нетерпимости в многолетнем исследовании 26 000 человек из 40 сообществ. Он пришел к выводу, что, хотя разнообразие имеет важное значение для производительности и социального благополучия, люди в местах с высоким уровнем разнообразия — даже неэтнические белые — часто становятся более социально изолированными. Консервативные критики взяли на вооружение этот факт как еще одно доказательство того, что мультикультурализм мертв (Sailer 2007). В то же время гарвардский социолог Уильям Джулиус Уилсон опубликовал результаты этнографического исследования «Так развивается район: расовая, этническая и классовая напряженность в четырех районах Чикаго и значение этих явлений для Америки» (Wilson and Taub 2006). В нем были выявлены самые дремучие расовые предрассудки.

Эти тревожные исследования показывают, что разнообразие на уровне района, а также терпимость и инклюзивность, которых оно требует, никогда не давались легко. Вне зависимости от того, насколько сильна всеобщая американская мечта, насколько убедительно наше историческое чувство моральной правоты американского плюрализма, нам всегда придется прикладывать усилия для поддержания разнообразия в локальном контексте. Оно не возникнет само собой.

Я попыталась подойти к этой проблеме, анализируя роль городской среды. Меня мотивировала точка зрения, что в какой-то степени стремление к разнообразной и толерантной Америке потерпело неудачу из-за пространственного контекста, который не смог это разнообразие вместить. Как я отметила, существуют весьма реальные пути создания более благоприятных условий через проектирование. Внимание к проектированию, по-видимому, особенно актуально для территорий, которые пытаются сохранить свое разнообразие. Как показали недавние этнографические исследования, в ухудшении условий жизни района, скорее всего, будут винить приезжих из соседних районов, особенно если они представители меньшинств (Wilson and Taub 2006). Это делает еще более актуальным проектирование не как стратегию сохранения однородности мест, а как стратегию сохранения разнообразия.

стратегии сохранения баланса

Мной не рассмотрены политические, программные и процессуальные требования к поддержанию разнообразия. Не нужно питать иллюзий: невозможно сохранить разнообразие только с помощью проектирования, не уделяя должного внимания этим вопросам. Простая истина о районах, которые сохраняют разнообразие благодаря проектированию, заключается в том, что такие районы престижны, жизнеспособны и удачно расположены. В них есть хорошая транспортная и пешеходная связанность, многофункциональная застройка с применением множества типологий зданий, разнообразие видов разрешенного использования земельных участков, благоустроенные общественные пространства — словом, все то, что Фишман (2005: 363) описывает как «драгоценное наследие давно утраченных гражданских идеалов».

Переход от разнообразия к однородности не всегда ведет к процветанию. Некоторые разнообразные места страдают от джентрификации и вытеснения местного населения, другие страдают от сокращения инвестиций и общего упадка. В любом случае, необходимы политические и программные стратегии для поиска правильного пути. Нужно инвестировать в разнообразные сообщества: стратегические государственные инвестиции, государственно-частное партнерство, стимулирование частных инвестиций, — но в то же время необходимо поддерживать доступность недвижимости для жителей и бизнеса. При введении ограничений на зонирование и землепользование необходимо учитывать их воздействие

на разнообразие, поскольку такие изменения часто приводят к росту арендной платы и вытеснению бедных жителей (Quigley and Raphael 2003).

Существует много возможных стратегий и программ, направленных на стабилизацию и поддержку разнообразия. Несколько примеров:

- стратегии сохранения доступного жилья (общинные земельные трасты, инклюзивные жилищные требования);
- стратегии стимулирования развития доступного жилья (налоговые кредиты, разрешение на повышение плотности застройки);
- стратегии сохранения активов жителей (передача прав на застройку, повторное использование незанятой недвижимости и недвижимости, выставленной на торги из-за неспособности собственника заплатить за нее налоги);
- стратегии сохранения арендного жилья (постановления о преобразовании кондоминиумов);
- стратегии поддержания заселенности зданий (ограничения на использование ограничительных условий договора);
- стратегии ревитализации общественных пространств (возвратное налоговое финансирование, кредиты, гранты, облигационное финансирование, снижение налогов);
- стратегии распределения налоговых средств в наиболее нуждающиеся районы (совместное использование налоговой базы);
- программы поддержки интеграции, которые поощряют домовладельцев покупать недвижимость в местах, где необходимо расовое/этническое разнообразие.

Организации, например Национальный исследовательский институт PolicyLink и Институт экономики сообществ, отслеживают такие действия и пытаются контролировать их последствия. Они составили перечни действенных инструментов, направленных на содействие социальному равенству в стратегиях ревитализации городов (см., в частности, Harmon 2003, 2004; Karlinsky 2000).

Разнообразные районы, которые я проанализировала, часто нуждаются в государственных инвестициях — для создания парковочных мест, модернизации школ и парков, для развития новых предприятий или размещения многофункциональной застройки. Очевидно, что государственные инвестиции и стимулируемые ими частные предприятия могут привести к джентрификации и вытеснению населения. Риск такого исхода выше всего в разнообразных районах, которые расположены недалеко от центра города, обладают историческим жилищным фондом, высоким качеством пешеходной инфраструктуры и большим потенциалом для ревитализации. Хотя эти инвестиции имеют множество преимуществ, они не должны стимулировать слишком большой рост. Высокая динамика роста приводит к вытеснению местных жителей, а не ревитализации (Kennedy and Leonard 2001). Необходимо создать политику, направленную на сохранение арендного жилья и коммерческих площадей для малого бизнеса, придерживаясь медленных и устойчивых темпов изменений.

СОХРАНЕНИЕ РАЗНООБРАЗИЯ ПОСРЕДСТВОМ ПРОЦЕССА ПЛАНИРОВАНИЯ

Существует много предложений по политике и программам, которые способствуют сохранению разнообразия, — но как насчет самого процесса планирования? Процесса, который, по-видимому, предшествует осуществлению этой самой политики? Как может выглядеть процесс планирования района, направленный на поддержание социального разнообразия? Было проведено много прекрасных исследований факторов, способствующих ревитализации (например, Bright 2003; Zielenbach 2000; Keating et al. 1996), но разнообразные районы порождают другой набор вопросов, требующих другого набора стратегий. Ниже я предлагаю процесс планирования, ориентированный на формирование разнообразных районов.

масштаб района

Прежде всего, поддержание разнообразия на уровне района потребует планирования на уровне района. Планирование в масштабах района всегда было особенностью городского планирования, интерес к нему растет или падает в зависимости от наличия муниципальных средств. Некоторые подходы к планированию районов довольно хорошо известны. Программа ревитализации районов Миннеаполиса изучается как уникальная модель расширения возможностей районов, где каждый из них (а всего их 66) готовит план действий и запрашивает средства на жилье, парки, школы, безопасность и пр. (Martin and Pentel 2002; Fainstein and Hirst 1996). Некоммерческие организации в Чикаго недавно создали программу планирования районов под названием «Программа новых сообществ», финансируемую Фондом Макартуров и LISC (Корпорацией поддержки местных инициатив), в рамках которой районам предлагается разрабатывать мероприятия макро- (например создание рабочих мест) и микромасштаба (например реновация кварталов) (McCarron 2004). Как и в случае с планированием районов Миннеаполиса, цель состоит в том, чтобы объединить жителей, их силами сформировать потенциал района и дать им возможность принимать решения о будущем развитии территории.

Эти меры по планированию района — образцовые, но планирование разных территорий может потребовать дополнительных решений. Планирование районов в самой распространенной типовой форме на самом деле не предусматривает социального смешения. Планирование в основном рассматривается как нейтральное по отношению к неоднородности или однородности населения. Существуют стратегии привлечения непредставленных групп населения для планирования объектов (Lanfer and Taylor 2006), и эти попытки небесполезны, но планирование разнообразного района требует специального подхода. Опыт планирования разнообразных райо-

нов показал, что привлечь разные группы населения может быть не просто. Вот как эта проблема выглядела в Чикаго: «На заседаниях по планированию джентрификации районов, таких как Уэст-Хейвен в Нир-Вест-Сайде, слово “кондоминиум” выплевывается как грязная ругань, а яппи, хотя и являются основой для будущего района, заметны прежде всего своим отсутствием» (McCarron 2004: 12).

Удивителен факт отсутствия конкретных методов планирования районов, учитывающих разнообразие, хотя обеспечение разнородности социального состава жителей является как одной из важных задач градостроителей, так и вызовом с точки зрения жизнестойкости района.

Планирование мест, которые уже сегодня разнородны по своему социальному составу, требует чего-то большего, чем фокусирование на расширении возможностей групп населения, представленных недостаточно по сравнению с остальными. Поскольку участие в процессе планирования всегда подразумевает риск оказаться мотивированным целями группового самосохранения — например, защиты одной группы от другой взаимоисключающими методами, — требуется более стратегический подход. Те, кто выступает за формирование консенсуса, признают, что для решения проблемы социального разнообразия, вероятно, потребуется нечто большее, чем просто демократизация и открытое участие общественности или более широкий взгляд на законность альтернативных форм культурного самовыражения (Innes and Booher 1999). Необходимо выработать такой подход, при котором идеи о достижении консенсуса и совместном планировании будут воплощаться в конкретные формы поддержки социально разнообразных районов.

Разработка проектов городского планирования, поддерживающих разнообразие, требует централизованного («сверху вниз») и локализованного («снизу вверх») подходов. Планирование районов иногда разделяют на две категории: централизованное планирование, проходящее децентрализацию в масштабе района, и соучаствующее планирование района, предназначенное для жителей района и ведомое ими.

Первый метод часто отбрасывается как излишне регулятивный, тогда как второй рассматривается как расширение прав и возможностей населения (Cheskoway 1984; Peterman 1999). Однако в социально разнообразных районах может потребоваться и то, и другое. Начнем с того, что проектировщики, назначенные местными органами власти, необходимы для того, чтобы ускорить процесс и объединить различные группы, поскольку разнообразные районы склонны к апатии и низкому уровню коллективной эффективности. В своем недавнем исследовании разнообразных районов Чикаго Уилсон и Тауб писали об изменениях, которые произошли в районе, где наблюдался высокий уровень этнической миграции: «Жители не прилагали особых усилий к социальной организации района... коллективный надзор за деятельностью сообщества осуществлялся слабо, а участие в добровольных организациях, таких как сообщество жителей квартала, гражданские и деловые клубы, организации родителей и учителей и политические группы, было незначительным» (Wilson and Taub 2006: 173). При этом наиболее успешно проблемы решаются в районах со сплоченными сообществами и сильным контролем со стороны жителей (Bright 2003).

Планирование социально разнообразных районов должно учитывать различия и работать над их сохранением. Для этого не нужно сосредотачивать внимание на расширении прав и возможностей какой-либо конкретной группы — нужно информировать жителей о существующем разнообразии и о его значении для будущего роста района. Возникающие напряженность и конфликты не следует нейтрализовывать или отрицать — нужно работать с ними напрямую. Насколько это возможно, конфликты, которые влияют на социальный состав и благополучие района, должны быть контекстуализированы и не должны разрушать разнообразие района.

планирование разнообразных районов

Планирование разнообразных районов может состоять из пяти основных шагов.

1. ВЫЯВИТЬ РАЗНООБРАЗНЫЕ РАЙОНЫ

Первым шагом должно стать выявление районов, в которых необходимо поддерживать разнообразие через планирование. Это не обычная процедура. Чаще всего районы для планирования отбираются на основе уровня разрушений или возможностей для стимулирования частных инвестиций (см., например, Richmond and LISC 2005 и McCarron 2004). Используя несколько иной подход, проектировщики могли бы выявить районы с высоким уровнем социального разнообразия, определяемого уровнем дохода, расовой или этнической принадлежностью, другими критериями разнообразия. Специалисты могут также рассмотреть угрозы существующему разнообразию и потенциальную нестабильность (джентрификация, вытеснение жителей с низким доходом, потеря инвестиций), а также вероятность успеха (интересы граждан, активное и заинтересованное местное руководство). В зависимости от имеющихся ресурсов особое внимание и планировочные усилия можно направить на группу разнообразных районов.

2. СОБРАТЬ ГРУППЫ ПО ПЛАНИРОВАНИЮ СРЕДИ МЕСТНЫХ ЖИТЕЛЕЙ

Второй шаг — сформировать гражданскую группу планирования, состоящую из местных лидеров, которые представляют различные социальные группы района. Эта группа набирается официально, что, как показали исследования, имеет решающее значение для обеспечения участия граждан на уровне района (Marshall 2004b). Группа будет привлечена для оказания поддержки предлагаемому процессу сохранения разнообразия. Это важно, учитывая, что эффективная социальная

организация и социальное разнообразие районов часто не обязательно связаны друг с другом. Как выразились Уилсон и Тауб, «сильные кварталы... противостоят представлениям о межгрупповой гармонии и интеграции» (Wilson and Taub 2006: 181). Один из способов противодействия этой тенденции — разработка комплекса общих целей, вокруг которых объединятся разные жители. Группа по гражданскому планированию станет катализатором формулирования общих целей.

Проектировщики могли бы помочь группе оценить, что именно разнообразие приносит в жизнь района. Разнообразие не будет считаться проблемой, а станет активом и неотъемлемой частью решения проблем сообществ. Разнообразие не должно выглядеть навязанным условием, при котором доходы и расовая интеграция контролируются правительством, — его нужно представить позитивным и уникальным явлением. Необходимо создать взаимозависимость, чтобы группы могли легко распознавать общие проблемы и действовать в соответствии с ними. Группа могла бы помочь сформулировать взаимосвязи между целями достижения разнообразия: район, открытый для широкого круга социальных групп, означает улучшение качества услуг для всего его населения. Смешанное использование, которое помогает экономической жизнеспособности района, создает возможности для каждого жителя. Разные люди, скорее всего, работают по разным графикам — это обеспечивает присутствие пользователей на улице в течение суток и тем самым повышает уровень социального контроля открытых общественных пространств. Разнообразие помогает расширять местные сообщества, что многие жители могут воспринять положительно. Сообщество, которое хочет сохранить доступность района для своих детей, рабочего класса и пожилых людей, должно признать ценность разнообразия.

3. ПОВЫСИТЬ ОСВЕДОМЛЕННОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Одна из первых задач группы планирования — повышение осведомленности общественности о социальном разнообразии районов. Исследователи, изучающие разнообразные районы, утверждают, что поддержание разнообразия требует «публично обнародованного стремления» к инклюзии и что «создание имиджа и маркетинг» являются важными стратегиями (Maly and Leachman 1998: 154).

Необходимо приложить усилия для более широкого признания и понимания существующих видов разнообразия, о которых жители могут иметь лишь смутное представление. Идеи для коммуникации должны быть простыми, прямыми и интересно оформленными визуально, в манере, которую легко понять и которая подходит для распространения по всему району. Следует выделить расовое, этническое, финансовое, возрастное и семейное разнообразие, а также объяснить, как уровень разнообразия менялся с течением времени. Визуализация может быть представлена как в хорошо посещаемых общественных местах офлайн, так и на веб-сайтах.

Группа по планированию могла бы использовать усилия местных школ и библиотек. Эти учреждения, как правило, охотно участвуют в проектах, посвященных разнообразию. Дети занимаются искусством, пишут стихи и находят различные способы выражения культурной самобытности. Их призывают воспринимать то, как они отли-

чаются от других, позитивно. Градостроители должны помочь группе планирования обратить внимание на эти усилия и интегрировать их в процесс планирования района.

Проектировщики могут также помочь группе по планированию создать веб-сайт, посвященный разнообразию, где можно публиковать истории из жизни широкого круга жителей, создавая возможность для знакомства людей, которые в противном случае не узнали бы друг о друге. Общеизвестно, что успешное градостроительное проектирование подразумевает множество пространств для социальных и культурных взаимодействий. Проектировщики могут превратить само использование технологий в жизнеспособное «пространство» для социокультурного обмена.

4. СОСТАВИТЬ ПЛАН РАЙОНА

Следующий шаг после создания гражданской группы и проведения мероприятий по разработке предварительного дизайн-проекта территории — разработка мастер-плана района. План будет направлять индивидуальные идеи к осязаемому результату: коллективно осуществленному позитивному разнообразию района. Совместные усилия по планированию такого типа, часто в формате интенсивных сессий и публичных воркшопов (так называемых шаретт-процессов), в настоящее время признаны незаменимыми (Lennertz and Lutzenhiser 2006). Сложность в том, чтобы направить эти усилия на конкретные потребности, проблемы и ограничения разнообразного района.

Этот пункт будет особенно важен в социально разнообразном районе, где менее ценные здания и предприятия рассматриваются как угроза более ценным. В исследовании Дитрик и Эллиса план района имеет решающее значение для получения поддержки строительства доступного жилья для заполнения пустот на территориях сложившейся застройки, поскольку новое здание сразу встраивается в широкий контекст развития (Deitrick and Ellis 2004). План позволяет «представить каждое здание, каждый проект в соотношении с идеалом» (Brain 2005: 32). Отказ от возможных негативных оценок субсидируемого жилья, малого семейного бизнеса или учреждений социального обслуживания в пользу положительного восприятия разнообразия потребует сильной концептуализации района, и план — важное средство для достижения этого.

При создании плана в социально разнообразном районе может быть особенно важно использовать методы соучаствующего проектирования, в которых удалось преодолеть «тиранию бесструктурности»⁴ (Sirianni and Friedland 2001: 24). Возможны различные методы: от недельного интенсивного шаретт-процесса до многомесячного процесса разработки видения. Независимо от того, какой процесс используется, главное — держать группу в курсе компромиссов, связанных с тем, что предлагается, как отстаиваемые предложения влияют на других людей в районе, а также на жителей окружающих

⁴ Этап, когда группа объединенных вокруг какой-то цели граждан преодолевает «ложный консенсус» и вырабатывает внутри себя некоторую формальную структуру демократического самоуправления. — Примеч. ред.

районов. Если некоторые жители предлагают, например, снизить значения параметров плотности застройки (с тем, например, чтобы снизить в ней количество многоквартирных домов) или ограничить возможности для размещения вспомогательных строений на земельном участке, им необходимо объяснить, что это может привести к снижению визуального и функционального разнообразия территории, в том числе к исчезновению некоторых важных объектов торговли и услуг, нарушению пешеходных связей, трассировке крупных транспортных артерий района, а также к увеличению стоимости жилья для их детей, рабочего класса и пожилых людей.

Конечно, градостроители должны хорошо знать различные стратегии проектирования, которые могут использоваться для стабилизации и поощрения разнообразия. Они должны объяснить важность развития территорий многофункциональной застройки и преимущества отказа, например, от спальных районов. Градостроители могут предложить конкретные локации для формирования многофункциональной застройки, выбранные стратегически в зависимости от разнообразия прилегающей жилой застройки. Они покажут, как стратегически размещенные государственные инвестиции могут поддерживать разнообразие.

5. ПРИМЕНИТЬ ПЛАН

Применение плана развития района может решать три основные задачи:

- организовать процесс совместного управления городской средой для стабилизации района;
- реформировать нормативную базу, вплоть до разработки новых типов кодексов, которые могли бы стать согласованными и вместе с тем гибкими руководствами по формированию городской среды;
- сформулировать рекомендации по использованию государственных инвестиций, которые стимулировали бы позитивные изменения, помогая реализовать необходимые району улучшения, но при этом не подрывать его разнообразие.

Многие исследования доказали, что реализация самых лучших планов не работает, если жители не вовлечены в процесс непосредственно (Halpern 1995). Более того, план развития района, поддерживающий разнообразие, должен обеспечивать процесс сотрудничества, в котором разнообразный характер района учитывается в ходе представления и обсуждения предложений. Возникающий при этом «коллективный разум» не должен переходить под контроль той или иной группы. Чтобы исключить эту ситуацию, нужно создать гражданский наблюдательный комитет для обеспечения некоторого надзора за физическими изменениями в районе. Можно привлекать местные учреждения — школы, религиозные организации и пр. Жители разнообразных районов должны быть вовлечены в совместное управление повседневными проблемами.

На самом деле существуют творческие стратегии, которые могут использовать объединение жителей района для коллективной работы и реализации плана развития района. Иногда эти усилия вращаются вокруг «проектирования общественных пространств» или плейсмейкинга. Книга проектировщика общественных пространств под названием «Великая книга микрорайона: сделай сам — руководство по placemaking» (Walljasper 2007) полна интересных идей: как создать место, где все знают твое имя, как стать патриотом своего района, как привлечь внимание к уникальности места, в котором живешь, и пр.

Подобные идеи, направленные на объединение жителей для совместной работы по укреплению районов, вероятно, сыграют важную роль в стабилизации и развитии разнообразных районов, даже если потребуются дополнительные усилия для вовлечения населения разнородного социального состава.

НОВАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ

Еще одно целесообразное направление планирования — предложения по внесению уточнений и изменений в существующие нормативные акты, а также по разработке новых типов документов. Разнообразные районы должны поддерживать развитие рынка жилой и коммерческой недвижимости в связке с применяемыми типологиями зданий, плотностью застройки, уровнем доступности жилья. Одновременно они способствуют расширению разрешенных видов использования земельных участков и размещению разнообразных объектов общественно-деловой инфраструктуры на территории. Часть усилий проектировщиков должна быть направлена на избавление от чрезмерной зарегулированности строительства — например, на борьбу с так называемым исключительным зонированием⁵. Также можно менять требования, которые могли стать причинами социальной сегрегации: например, разрешать многоквартирные дома там, где они были запрещены; отменить применение таких параметров, как минимальная площадь земельного участка, максимальная плотность застройки и улично-дорожной сети, минимальный отступ фронта застройки от красных линий улиц. Словом, нужно отказаться от этих и других ограничений, которые могут снизить уровень разнообразия применяемых типов жилья.

⁵ Исключительное зонирование запрещает строительство определенных объектов на конкретной территории, поскольку оно часто направлено попросту на исключение людей, которые не достигли определенного уровня доходов. — Примеч. ред.

стратегии инвестиций

План района в итоге будет реализован преимущественно за счет целевых государственных инвестиций. Разнообразные районы нуждаются в инфраструктуре, поддерживающей позитивные социальные связи, а это означает перенос основного внимания на общественные пространства. Парки, площади, улицы и другие открытые городские пространства поддерживают как социальное, так и функциональное разнообразие просто потому, что представляют собой территории общего пользования, в отличие, например, от внутриквартальных пространств или территорий образовательных учреждений, что стимулирует развитие чувства общей ответственности и повышает уровень социального контроля. Разнообразие предполагает сокращение расстояний между различными элементами территорий жилой и многофункциональной застройки, а также элементами благоустройства. Поскольку их совместимость может быть поставлена под сомнение, инвестиции в публичную сферу могут иметь решающее значение для совмещения разрозненных элементов. Если жители района не слишком высоко ценят внешний контекст, в котором разнообразие сокращает дистанции между элементами инфраструктуры, и отдают предпочтение приватности индивидуального жилья, меры по повышению социального разнообразия могут не получить поддержки.

Сохранение смешанного типа жилой застройки в различных районах также зависит от стратегических инвестиций, поскольку разнообразные районы склонны к джентрификации и вытеснению менее обеспеченного населения. Необходимо использовать целевые государственные инвестиции, чтобы разнообразные районы не могли неконтролируемо дорожать и некоторая часть жилья в них оставалась доступной для людей со средним и низким доходом. Чтобы разнообразные районы были хорошо спланированы и хорошо обслуживались, необходимо обязательно проявить политическую приверженность сохранению их социального разнообразия. Это легче реализовать, если такая политика встроена в план района.

План развития района с целью поддержания разнообразия может включать в себя стратегии повышения жизнеспособности проектов развития территорий многофункциональной застройки, рассчитанных на людей с разным уровнем дохода. Градостроители могут помогать жителям в разработке стратегий развития: от технической помощи до помощи в получении налоговых льгот и субсидий, — чтобы застройщикам и частным лицам в разнообразных районах было легче эффективно распределять финансирование. Такой план мог бы помочь обеспечить баланс между поддержкой крупномасштабного развития и финансированием малых независимых предприятий.

Прежде всего, планирование социально разнообразных районов требует изменения в подходе. Необходимо сосредоточить внимание на стабильности: как сохранить разнообразие городских пространств и не допустить их захвата одной конкретной социальной группой или одной функцией. В таких случаях цель планирования состоит в том, чтобы поощрять изменения, которые поддерживают стабильную неоднородность, и в то же время препятствовать изменениям, которые ее разрушают. Это потребует постоянного контроля

и стратегического мышления. Поддержка разнообразных районов всегда сопряжена с риском того, что целенаправленные усилия по планированию в конечном итоге подорвет то самое разнообразие, которое планировщики и жители надеялись защитить.

ВЫВОДЫ

Проектирование для разнообразия требует невозможного: чтобы городские жители использовали пространство в качестве прочной связи между людьми, а не набора границ. Жителей разнообразных районов просят отказаться от привычной ассоциации между местом и различиями, когда, сосредоточившись на одном, ограничиваешь другое. Им предлагают развивать чувство места и в то же время спокойнее относиться к различиям.

Примеры того, как рабочие районы дистанцируются от гетто по соседству, иллюстрируют этот парадокс. Кефалас исследовала рабочий район Белтуэй в Чикаго и показала, что его жители обладают сильным чувством места и четко отделяют себя от жителей более бедных районов поблизости. Их стратегия поддержания здоровья района «основана на создании социальной и символической дистанции между ними и обездоленными» в попытке отрицать собственную маргинальность за счет дистанцирования от других маргиналов. (Kefalas 2003: 155). Учитывая, что самые разнообразные районы в округе Кук часто примыкали к более бедным, этот вывод имеет особое значение.

Всегда существует опасность того, что разработка концепции социального разнообразия повлечет за собой неприемлемый уровень контроля. Многие удивляются: как разнообразие может быть «аутентично спроектировано»? Разве оно не является результатом минимального вмешательства (Hough 1994)? И все же поддержка разнообразия расплывчатыми заявлениями о том, что «различия и несоответствия» являются «жизнеутверждающими возможностями» (Durack 2002: 67), не очень похожа на удачную стратегию. Как пишет Келбо, такие стратегии мифологизируют заурядность и уродство (2002: 287), подобно утверждению о том, что формат стрип-молла — это просто новый, пока недооцененный эстетический идеал (Kolb 2000).

Проектирование для разнообразия может быть проблематичным для тех, кого беспокоит понятие «порядок». Порядок приравнивается к попытке отрицать социальный конфликт и контролировать неожиданное, в результате чего люди оказываются организованными, но отчужденными (Boyer 1983). Градостроители и планировщики воспринимались как жертвы неизвестных и неконтролируемых факторов. Эта критика обоснованно опирается на тот факт, что многие представления о пространственном планировании городов были связаны с той или иной формой социального манипулирования (Kostof 1991).

Тем не менее порядок — не враг разнообразия, что убедительно доказала Джейн Джейкобс, и я надеюсь, что эта работа предлагает дальнейшее развитие этой важной темы. Чтобы определить «коллективистские» аспекты урбанизма, необходимо некоторое привычное чувство порядка — порядка в его общественном значении. Это позволит нам понять общую структуру района, коллективное выражение, которое уравнивает индивидуализм разнообразия. Порядок — это то, что позволяет различным городским элементам каким-то образом соотноситься друг с другом. Это подразумевает необходимость некоторого контроля, что признала даже Джейн Джейкобс. Неспланированное, ориентированное только на извлечение прибыли использование земли может взять верх. Если жилье одного типа будет доминировать, может произойти зонирование с выбором одного первичного типа пользования, масштабы строительства могут разрушить успешную улицу. Ведь разнообразие вполне способно к самоуничтожению.

В районах с высоким уровнем разнообразия существуют особые проблемы с формированием единого видения того, каким должен быть район и как он должен расти. Это делает участие общественности еще более важным, поскольку контролирование изменения в районе может стать наилучшей стратегией для поддержания разнообразия. Разнообразные районы работают благодаря социальному смешению на ежедневной основе. Как представляется, планировщики могли бы как минимум обеспечить процесс урегулирования конфликтов по вопросам, касающимся проектирования и использования пространства.

Имеются свидетельства того, что предрассудки ослабевают и что терпимость к разнообразию возросла (Farley et al. 1997). И все же для того, чтобы принять разнообразие мест, требуется не просто терпимость к разнообразию, а терпимость к конфликтам. Может также потребоваться новое понимание сообщества. Если основа общности не связана с расой, этнической принадлежностью, социальным классом, занятием или биологическим возрастом, может ли она основываться на общем пространстве? Белла и др. (1996) утверждают, что сообщество свидетельствует о попытке сбежать от социальной сложности и, по общему признанию, понятие сообщества сложно очистить от ностальгии, конформизма и контроля. Но что, если сообщество может быть основано на общем пространстве, которое занимают различные группы? И что, если планировщики могут способствовать этому, содействуя как пространственному проектированию, необходимому для разнообразия, так и процессу, необходимому для совместного управления?

В последнее время разнообразие начали идеализировать, что отразилось на всей науке планирования, хотя и с разных сторон. Доуэл Майерс (2007), например, пишет о необходимости признания взаимозависимости и взаимной заинтересованности среди растущих «иммигрантов и бэби-бумеров», которые будут играть определяющую роль в жизни больших городов в ближайшие десятилетия. Фишман (2005) надеется на «реурбанизацию» наших городов с переходом к разнообразным районам с разным по уровню дохода населением благодаря сочетанию того, что Джейкобс назвала «упадком трущоб» (unslumming), и более мягкой формы джентрификации при необходимости. Нан Эллин (2006) определяет «интегральный урба-

низм» через сети, отношения, связи и взаимозависимости, которые противодействуют разделению и отступлению. Но это уже часть более сложного дискурса о разнообразии, который выходит за рамки того, что обсуждалось ранее.

И все же мы можем утешаться тем, что стремление к разнообразию всегда было частью профессии градостроительного проектирования: от городов-садов, британских новых городов до нового урбанизма. Значительные проблемы, которые разнообразие влечет за собой, никогда не замалчивались. Всегда было трудно перевести идеалы в реальную пространственную форму, перейдя от риторики «сообществ, терпимых к различиям» к созданию реального контекста для их роста и процветания.

Харви Уоррен Зорбо писал в начале XX века, что «наступление города» стирает «видимые и постоянные символы», которые обеспечивают физическую основу для объединенных сообществ. Расширение привело к утрате общих мест приложения труда и мест отдыха, которые ранее обеспечивали место для «стихийной общественной деятельности». Больше не существует «физической основы местного культурного единства», чтобы обеспечить «объединяющие и контролируемые традиции» (Zorbaugh 1929). Наша задача сейчас — понять, можно ли восстановить эту структуру или какую-то ее часть. Нас ждет другой поворот, который социологи Чикагской школы не считали возможным: сплочение разнообразного сообщества.

ВОССТАНОВ- ЛЕНИЕ обще- ственного пространства

АННОТАЦИЯ

Общественное пространство — необходимый элемент города; в этом качестве оно занимает центральное место в урбанистике и во многих других науках: от социологии, географии, политологии, антропологии до городского планирования, архитектуры, дизайна и философии. Одно из главных мультидисциплинарных изданий в своей области, журнал *Urban Studies* на протяжении 50 лет существования активно участвовал в выявлении противоречивых моментов общественного пространства. Тщательное изучение архивов журнала, впрочем, показывает, что интерес к этой теме был довольно неравномерным. До начала 1990-х годов аспекты общественного пространства рассматривались лишь в шести статьях, но затем произошел значительный рост активности, в результате чего появилось порядка 300 статей на эту тему. Парадоксальным образом, повсеместно провозглашенная в начале 1990-х годов смерть общественного пространства положила начало широкому обсуждению значения этого элемента города. Специальный онлайн-выпуск журнала *Urban Studies* предлагает возобновить дискуссию, обобщив важные тезисы, которые задавали рамки обсуждения и до сих пор имеют значение в урбанистике, в надежде стимулировать развитие новых направлений, затрагивающих различные науки. Используя смерть общественного пространства как оспариваемый тезис, во вводной статье Джудит Боднер обсуждает его «жизнь», циклы, формы и локации. Она прослеживает интеллектуальную историю основных противоречивых моментов общественного пространства, которые до сих пор остаются актуальными, и утверждает, что, внимательно изучив конфликты, изменения и различия, можно не только переформули-

ровать фундаментальные вопросы дискуссии, но и предложить исследовательскую повестку на будущее.

«СМЕРТЬ» ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА

В начале 1990-х годов критические городские аналитики вновь были настроены пессимистично, и было авторитетно объявлено о конце общественного пространства. Майк Дэвис вынес предупреждение, что Лос-Анджелес «неумолимо движется к уничтожению последних общественных пространств — а вместе с ними и демократической отравы, рисков и неизбывных запахов» (Davis 1992: 180). Находясь в Нью-Йорке, Майкл Соркин (1992) сделал вывод, что город превращается в тематический парк. В сборнике статей с недвусмысленным названием «Вариации на тему тематического парка: новый американский город и конец общественного пространства» Соркин описывал, как параллельно с хаотичным ростом городов новый урбанизм в программном отношении осознанно сохранял и воссоздавал минимальные городские формы без смешения формального и общественного. Некогда такой подход оживлял город и обеспечивал его политику — по знаменитому выражению Соркина, «в Диснейленде нет демонстраций» (1992: xv). Традиционное общественное пространство постепенно исчезало в процессе повсеместной урбанизации.

Хотя Соркин призывал «вернуть городу былую аутентичность» (1992: xv), этого не произошло, зато сама аутентичность подверглась анализу. Но общественное пространство не исчезло совсем: объявление о его конце положило начало широкому обсуждению темы. Точно так же объявление о конце эпохи модернизма (или о наступлении эпохи постмодернизма) спровоцировало серьезное исследование прошедшей эпохи и все еще актуальных категорий. По сути, сборник статей Соркина и запустил процесс обсуждения, предсказав смерть общественного пространства, но также и показав приведшие к этому изменения. Последовали широкие дискуссии о том, чем конкретно является общественное пространство, как его восприятие зависит от культуры и географического положения, почему нам следует сожалеть о его якобы исчезновении и какие формы принимает новая городская среда, воплощенная в тематических парках. Изначальный акцент на разрушении, конце и новом начале привел к исследованию природы общественного пространства и его истории. Институт общественного пространства возник в определенный момент истории и если не исчез, то мог радикально измениться. Сложилось общее мнение, что общественное пространство не является данностью. Оно меняется, и его принципы, доступность для всех, а потому и глубокая демократичность не освобождают его от политического анализа. Это мнение дало новый толчок исследованиям политики общественного пространства.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО И ГОРОДСКИЕ УСЛОВИЯ

Общественное пространство характерно для городов: это наиболее ясное отражение тягот городской жизни, конфликта между физической близостью и ментальной отдаленностью горожан друг от друга. Истинная природа этих условий жизни и их последствий является основной темой дискуссий, которые ведутся по сей день в русле классической урбанистики. Множество людей, живущих вместе, нужды и возможности, которые возникают в этой связи, — все это увлекало теоретиков урбанизма.

БЛАЗИРОВАННОСТЬ И НЕВНИМАТЕЛЬНОСТЬ

Размер, плотность и гетерогенность задавали условия урбанизма как образа жизни у Луиса Вирта (1938) — в «релятивистской перспективе» при «толерантности к различиям». Георг Зиммель (1971) считал, что эти факторы, в свою очередь, формируют черту ментальности горожанина, а именно фундаментальное безразличие к особенностям, обесценивание незнакомого или отличного. Зиммель называет это блазированностью¹. Ирвин Гофман (1963) выделял более добродетельный аспект той же черты ментальности — невнимательность граждан: в пассивной, поверхностной социальной жизни горожанина соприсутствие преобладает над смешением. Основываясь на работах Зиммеля и Гофмана, Лин Лофленд (1973) оптимистично утверждала, что специфика городской жизни определяется социально-психологической ситуацией: существование в окружении незнакомцев является основой общественного пространства, где правит цивилизованное отношение к разнообразию и различиям.

Как отмечает Ричард Бойд, «политкорректность, цивилизованность и урбанизм — слова, этимологически связанные с греческим „politeia“, „город-государство“, или латинским „civitas“ и „urbanus“, — стали фактически синонимами для шотландских моральных философов» (Boyd, Urban Studies VSI: 868). Впрочем, только в современных городских условиях жизни, при «постоянном и активном соседстве различий», «цивилизованность становится насущной моральной и социологической проблемой» (Boyd, Urban Studies VSI: 871). Часто остается недосказанным, что современный город — территория зрелой рыночной экономики для Зиммеля и капиталистической экономики для Маркса. Блазированность и безразличие к особенностям, таким образом, подобны безразличию рынка к индивидуальности (как общему знаменателю всех ценностей у Зиммеля) и абстракции (в форме товара и идеи стоимости у Маркса). В результате мы можем увидеть более конструктивную сторону городской ментальности: «То, что кажется здесь отмежеванием, в действительности лишь

¹ В оригинале у Зиммеля — *blase attitude*, дословно — «пресыщенное отношение». — Примеч. ред.

одна из элементарных форм социализации» (Simmel 1971: 332, цит. по: Boyd, Urban Studies VSI), которая отвечает формальному равенству и тонкой рыночной коммуникации.

ЦИВИЛИЗОВАННОСТЬ И ПОРЯДОК

Обсуждение цивилизованности продолжается по сей день. Бойд утверждает, что цивилизованность — это не только соблюдение формального этикета со всеми согражданами: она «предполагает активную и положительную моральную связь между людьми» (Boyd, Urban Studies VSI: 875). Моральное равенство, которое она обеспечивает, играет определяющую роль в развитии демократической общественной сферы. Обсуждение цивилизованного поведения возобновилось в связи с распространением стратегического дискурса о нецивилизованности — в Англии и других странах (см.: Fyfe et al. 2006). Во-первых, представители среднего класса были озабочены распространением «нецивилизованности», то есть поведения сограждан, которое нарушало их повседневную жизнь и вызывало неодобрение. Тезис о разбитом окне занимал их мысли и усиливал беспокойство²; он гласил, что даже разбитое окно, которое осталось без починки, может стать сигналом об отсутствии порядка в сообществе, который повлечет за собой другие, более серьезные преступления и постепенно приведет несколько кварталов к упадку (Wilson and Kelling 1982). Выйдя на уровень исполнительной власти, такая трактовка отсутствия порядка привела к лобовой атаке любой нецивилизованности: различные проявления беспорядка связывали между собой, но акцент часто делался на самые незначительные из них.

Упрощенное понимание нецивилизованности лишено чуткости, необходимой для проведения различий или рассмотрения проявлений нецивилизованности на фоне ужесточения общественных норм. Такой подход спровоцировал дискуссию о пользе цивилизованности в целом — не только в качестве защиты от нецивилизованности, но и в целях обеспечения жизни, в которой сохраняются разнообразие и различия. Рамки дискуссии значительно сместились с криминологического взгляда к действительному значению цивилизованности и толерантности (Bannister and Kearns, Urban Studies VSI). Специальный выпуск Urban Studies (2006) дал трибуну этой дискуссии.

Теоретическое и методологическое (Phillips and Smith 2006) рассмотрение нецивилизованности определяет начало явного недовольства американцев и британцев среднего класса упадком общественного пространства в период после 1968 года³, когда стало допустимо поведение, ранее считавшееся неуместным, раздражающим. Людям нужно было вновь напомнить о том, что общественное пространство выносливо, как за много лет до того утверждал Ричард Сеннет (1974). Встреча с незнакомым человеком — что и происходит в общественном пространстве — может быть неприятной и даже пу-

² Популярный пример из статьи политолога Джеймса Уилсона и криминолога Джорджа Келлинга «Разбитые окна» (Atlantic Monthly 1982), посвященной полицейской деятельности и связи между поддержанием порядка и предупреждением преступности. — Примеч. ред.

³ Очевидно, имеются в виду культурные и социальные последствия, связанные с прошедшими в Америке и Европе протестами 1968 года против участия США в войне во Вьетнаме. — Примеч. ред.

гающей. Выход на публику всегда вызывает определенную тревогу, наподобие страха сцены. Непонятные и непривычные отличия могут вызывать когнитивный и эмоциональный шок, что часто приводит к избеганию общественности (агорафобии), нетолерантному поведению в общественном пространстве (Bannister and Kearns, Urban Studies VSI) или проявлению нецивилизованности (Boyd, Urban Studies VSI).

НЕОБХОДИМОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА

Почему кто-то должен сознательно дать согласие на тревогу и страх? Во-первых, потому что у горожан нет выбора: повседневная жизнь большинства из них включает в себя «выход в люди» и смешение с людьми, не похожими на них. Действительно, всегда активно существовали противоположные тенденции. Дорожное движение уменьшает смешение людей в толпе при движении пешеходов, и снижение количества улиц производит тот же эффект. Социальная сегрегация работает против смешения, часто посредством городского дизайна, сознательных стратегий по уменьшению столкновений с различиями (см. Ellin 2001; Smithsimon 2010). Эти попытки наиболее четко проявились в идее города-сада, где проектировщики стремились разделить городские функции и ограничить столкновения разных классов, этносов и рас. Но ограничение постоянного доступа к общественному пространству стало практиковаться совсем недавно, с появлением индивидуального транспорта, разрастанием городов и распространением виртуальной общественности. Можно сказать, что больше у нас нет необходимости находиться в общественном пространстве — у нас есть право выбора (Bodnar 2001). Выход в общественное пространство буквально означает, что человек ищет социализации и забав, имеющих последствия для общества, которого он ищет и которое находит.

Во-вторых, некоторые столкновения могут вести к личному развитию. Современный город может раскрывать человеческую личность, «в присутствии различий у людей появляется как минимум возможность выйти за свои границы» (Sennett 1990: 123) — проверить границы личности, навыков и творческих сил.

В-третьих, эмпирическое познание социального многообразия — часть демократической практики и основа демократической политики, ведь номинальное равенство незнакомых людей — это ключевой принцип демократии. Масштабы и количество параметров различий, с которыми можно или нужно сталкиваться, колоссальны и обсуждались во многих трудах по урбанистике. Очевидно, что глобализация, неолиберализация и дальнейшее расслоение и диверсификация общества, особенно в мегаполисах, только подстегивают дискуссии на тему различий (Bannister and Kearns, данный выпуск). Трудности урбанистики сегодня те же, что и в эпоху работы Зиммеля, но размеры современного метрополиса⁴ изменились. Интенсивность глобальной взаимосвязи вынуждает постоянно адаптироваться и изменяться (Amin, Urban Studies VSI), и это имеет разные

⁴ Отсылка к очерку Георга Зиммеля «The Metropolis and Mental Life» (1993), в русском переводе «Большие города и духовная жизнь». — Примеч. ред.

последствия. Пока одни живут и взаимодействуют с разнообразием вокруг себя, других эта интенсивность приводит к сегрегации и избеганию общественного пространства. Параллельно с выходом из общественного пространства социальных групп, которые могут себе это позволить, оно становится крайне политизированным и конфликтным. Средний класс по мере возможностей уклонялся от нахождения в обществе; когда это было неосуществимо, люди пытались заново овладеть общественным пространством, которое у них «украли» и которое необходимо было вернуть в реваншистском городе (Smith 1996; Uitermark and Duyvendak 2008). Дизайн городской среды, который способствовал появлению закрытых сообществ или надежной, защищенной архитектуры, шел рука об руку с городскими директивами по очистке и уходу за общественным пространством, чтобы оно могло подойти для избранной клиентуры.

В-четвертых, мы хотим оказаться в общественном пространстве, невзирая на страх и тревогу, не только благодаря демократии, но и благодаря положительному восприятию (Amin, Urban Studies VSI). Городская привычка жить в многообразии обуславливает традицию солидарности с другими, которая может принести пользу обществу: «Хороший город можно помыслить как вызов для формирования прогрессивной политики благосостояния и эмансипации от многообразия и различия и от конкретики городского опыта» (Amin, Urban Studies VSI: 1012).

ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО И ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА

Общественное пространство подходит для политиков, ведь общественное пространство и публичная сфера⁵ взаимосвязаны. По сути, оба понятия часто употребляются как тождественные, несмотря на то что теоретические и исторические аргументы говорят об ином. Недолгое существование в общественном пространстве агоры⁶, созданной для коммуникации граждан и политического общества, привело к большему разнообразию городского общественного пространства и публичной сферы, у которой больше нет ни состава, ни места (Benhabib 1996).

Общественная жизнь становится виртуальным и притом основным времяпрепровождением в городе, а фланерство переходит в виртуальное пространство (Featherstone, данный выпуск). Исто-

⁵ Публичная сфера — площадка осмысленной дискуссии, конституированная на принципах доступности и равенства субъектов, происходящая в рамках правил, установленных и принятых в процессе взаимодействия. Термин определен Юргеном Хабермасом в работе «Структурная трансформация публичной сферы» (1989). — Примеч. ред.

⁶ Рыночная площадь в древнегреческих полисах, являвшаяся местом общегражданских собраний. — Примеч. ред.

рические реалии подчеркивают эту тенденцию и вновь объединяют городское общественное пространство с общественной сферой. Данная дискуссия возобновилась после объединения городских площадок и политической деятельности, а также общественных перемен (Allegra et al., Urban Studies VSI). Впрочем, нужно говорить об этом осторожно: политика, проводимая в городских общественных пространствах, не обязательно совпадает с городской политикой или городскими движениями, то есть «движениями, которые организуются в городах и стратегически нацелены на изменение города» (Nicholls and Beaumont, цит. по: Allegra et al., данный выпуск: 1680).

ПРОСТРАНСТВО ПРОТЕСТА

Места городских мятежей (такие как площади Тахрир, Таксим, Майдан или Зукотти-парк/Уолл-стрит) могут дать нам информацию о том, в каких границах происходит смещение физической публичной сферы к виртуальной. «То, что показала всему миру площадь Тахрир⁷, очевидная истина: люди на улицах и площадях, а не сентиментальный лепет в Твиттере или Фейсбуке, — вот что действительно имеет значение», — заключает Дэвид Харви в книге «Мятежные города» (Harvey 2012: 162). Тогда является ли общественное пространство в городе удачным местом для политических действий? Очевидно, структура современного города предполагает такую возможность. Плотность увеличивает действенность, а количество имеет социологическое значение, как сказал бы Зиммель. Зиммель и сторонники городской цивилизованности считают, что большое количество и высокая плотность населения внушают необходимость приспосабливаться или, более оптимистично, заботиться о других (Amin). Ханна Арендт, напротив, обнаруживает в них «потенциал согласованного действия», который она называет властью (Arendt 1970). Этот потенциал позволяет выйти за пределы возможностей одного горожанина, так же как власть создается в тот момент, когда образуются группы (Arendt 1970). Вот что произошло на площади Тахрир, Таксим, на Майдане или на Уолл-стрит: большинство перешло к согласованным действиям и применило свою власть в общественном пространстве. Уолл-стрит ранее балансировала между абстрактной идеей финансов, которую она стала обозначать, и конкретным физическим пространством — сейчас равновесие нарушено. «Именно „стрит“ на Уолл-стрит оккупируют — о, ужасный ужас, — чужаки» (Harvey 2012: 162). Уолл-стрит стала улицей веселых пиршеств, с меньшим трафиком пешеходов и отсутствием общей цели.

Яркий пример связи общественного пространства и публичной сферы — движение в Венгрии, известное как «цифровой раскол». Движение возникло в конце 2014 года в ответ на планы правительства по экономическому регулированию интернета — в частности, на введение налога на перемещение данных. Была создана группа поддержки в Фейсбуке в защиту экономической свободы (доступности) интернета, она набрала неслыханное число подписчиков — 200 000, но все увенчалось, по традиции, демонстрацией — пример-

⁷ Площадь в центре Каира, на которой развернулось основное действие революции в Египте в 2011–2013 гг. — Примеч. ред.

но на 10 000 участников — с оккупацией главного общественного пространства. Сама группа в Фейсбуке выглядит впечатляюще, но выход на улицы — это «серьезная вещь» даже для поколения Фейсбука. Кажется, им известно политическое значение общественного пространства в сравнении с виртуальной публичной сферой, которая тем не менее сыграла ключевую роль в организации движения — хотя действительно пришли менее десятой части из тех, кто обещал прийти на демонстрацию. Режим не был свергнут, но множество огней мобильных телефонов в ночи — это захватывающее и запоминающееся зрелище, которое стало свидетельством того, что может множество, и в конечном итоге привело к отмене предложенного законопроекта.

Общественное пространство невозможно без тонкого искусства общаться, умения «ладить» (Watson, Urban Studies VSI), что в большинстве случаев даже не приводит к совместным действиям, не говоря о социальных революциях. По сути, можно утверждать, что его нормальное функционирование помогает избежать более серьезных конфликтов. Но то же условие соседства и разнообразия, которое ставит цивилизованность, может спровоцировать действия, которые превращают общественное пространство города в место для публичной сферы. Общественное пространство — это условное (временное) политическое сообщество; его изменчивый и спонтанный характер таит в себе возможность трансгрессии. Общественное пространство по природе политично и имеет подрывной потенциал; оно рассматривается как проявление правящей политической партии и в то же время более инклюзивной власти, которая может временно провозглашаться через политическую оккупацию. Общественное пространство не только играет ключевую роль в социальном обучении граждан (разнообразию); потенциально это — место политического выражения. Регулярные воскресные собрания рабочих-филиппинцев на площади Гонконга превратили ее в значимое место для политического действия — и в выдающийся пример публичной сферы диаспоры (Law 2002). Общественное пространство подчиняется общему городскому порядку, но его собственная логика ведет к неуверенности. Эту неуверенность можно рассматривать как угрозу или потерю ориентации (Bannister and Kearns, данный выпуск), а также как возможность перейти границу тонкой коммуникации в общественном пространстве, взаимодействовать с другими, заботиться о них и стать частью согласованного политического действия (Allegra et al., Urban Studies VSI).

Баланс между многообразием и его удачным использованием отыскать непросто. Близкое соседство столь различных людей не всегда безупречно. В исторической перспективе можно увидеть, что тревожность по поводу общественности растет и утихает волнами; эскалация неравенства и демократизация осложняют поиск общего знаменателя во всеохватном общественном пространстве и могут привести к волнениям, для управления которыми пока не установлены процедуры. Современная тревога о состоянии общественного пространства и общественном поведении связана не с либеральным отношением к различиям, как утверждают консерваторы, а скорее с диктатом экономической и городской реорганизации и расслоением населения, которому должно было способствовать общественное пространство, а также с уменьшением ресурсов для обеспече-

ния общественных пространств. «Сокращение местных расходов привело к тому, что место оставалось поврежденным или заброшенным, и это только укрепляло мнение, что это опасные пространства, если не сказать, что было так и в реальности» (Atkinson, данный выпуск: 1830); вкуче со все более разнообразными запросами людей это чрезвычайно затруднило реализацию идеи всеохватного пространства. Яппи и как никогда сильная буржуазия высказывались об общественном пространстве в другом ключе, нежели отбросы реорганизации — бездомные, безработные и мигранты низкого происхождения, — и было сложно привести стороны к согласию.

КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ И ПРИВАТИЗАЦИЯ

Коммерциализация и приватизация определялись как две основные тенденции в трансформации общественного пространства, которые привели его к упадку. Культура потребления не существовала до 1950-х годов и все более усложнялась с приходом постфордизма и гибких специализаций. Несмотря на это, коммерция и потребление сыграли ключевую роль в становлении современного города и в этом качестве упоминались классиками урбанистики (Miles and Paddison 1998), что говорит о том, что влияние коммерциализации на упадок общественного пространства следует переосмыслить.

ИННОВАЦИИ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ

Можно легко забыть, что общественное пространство нуждается в разнообразии и его отсутствие может его убить. Лайза Драммонд (Urban Studies VSI) и Мэнди Томас (2002) показывают, как отсутствие разнообразия торговли на улицах Ханоя в 1980-е годы уничтожило общественную жизнь и как она возродилась только с приходом малого бизнеса. В условиях длительного сосуществования людей связь между городом и потреблением действительно изменилась. «Значение “городского образа жизни” изменилось от стабильной привилегии социального статуса... до агрессивной погони за культурным капиталом» (Zukin, данный выпуск: 825). Это было обусловлено новыми стратегиями городской реновации местных властей. Сдвиг в значении городского образа жизни происходил параллельно с застройкой и различными формами коммуникабельности. Пассажи и торговые ряды в центре города в эпоху модерна (1880–1945) уступили место торговым центрам на периферии — архетипическим пространствам потребления в эпоху позднего модерна (1945–

1975). Торговые центры были более гетерогенными и начали включать в себя места для развлечения. Затем их вытеснили городские многофункциональные комплексы, которые стали основной инфраструктурой городской символической экономики (Zukin, данный выпуск), включая все более регулярные временные смены функции городского общественного пространства в городских праздниках (Smith 2014; Weller 2013).

«К концу 1990-х годов потребление понималось как средство и стимул для социальных перемен в городах» (Zukin, Urban Studies VSI). Все больше корпоративных инвестиций поступает в культурное потребление и городские инновации, и ставки высоки. Общественное пространство требует защиты для оборота инвестиций. Городские инновации становятся бизнес-стратегией, где население стратегически рассматривается как потенциальная клиентура. Потребители хотят безопасности и комфорта, а не принудительного столкновения с мрачной действительностью расслоенного города. Безопасность, которая включает в себя больше, нежели чувство защищенности от криминала, переходит на уровень исполнительной власти как секуляризация общественных пространств и становится центральным элементом в реорганизации города (Raco, данный выпуск; Samara 2010). Безопасность может достигаться за счет исключения групп, определяемых как опасные или неплатежеспособные. Значит, доступность и безопасность могут находиться в конфликте, что мешает сохранять миф об общественном (Atkinson, Urban Studies VSI). Технология и дизайн позволяют все больше контролировать общественное пространство: то, чего нельзя достичь через ландшафт, архитектуру и организацию пространства, можно обеспечить через прямое управление и законодательство. Исключение бездомных с помощью дизайна «ударопрочных» скамеек — печально известный тому пример в Лос-Анджелесе (Davis 1992). Стратегическое изменение высоты кустарников и крон деревьев (не ниже 2,5 метров) или принудительное устранение труб, по которым можно вскарабкаться, ненужных лестниц, ведущих на крышу, или слуховых окон, — все это показывает масштабы смены приоритетов в дискурсе и практиках по городской реорганизации (Raco, данный выпуск).

Приватизация частного пространства

Реорганизация готовит почву для бизнеса, что увеличивает частное влияние. Коммерциализация общественного пространства идет рука об руку с его приватизацией. Однако приватизация не предполагает, что контроль исключительно частный. Быстро стало понятно, что частное общественное пространство — не совсем оксюморон. Партнерство частных и общественных секторов считается единственным эффективным методом не только секуляризации (Raco, Urban Studies VSI), но и реорганизации города, и различные частно-общественные группировки проверяют значение и границы

общественного и частного. Триединство частного менеджмента, общественной собственности и общественного доступа стало новой формулой и нормой для обновления общественного пространства, которая породила модель общественного пространства, принадлежащего частным лицам (Nermeth 2009; Staeheli and Mitchell, данный выпуск; Zukin 2010). Такие объединения частной собственности и общественного пользования или функционирования не лишены волнений, как показывает контроль безопасности в общественном пространстве. Это противоречие явно проявлено в типе торгового центра, известном как новая городская площадь, в американских и, в меньшей степени, европейских городах (Lowe 2000; Staeheli and Mitchell, данный выпуск).

Хотя во многих городах США торговые центры могут хорошо функционировать *de facto* как культурные центры, они не исполняют функцию городской площади. Дело не только в том, что их основная функция — коммерческая, а клиентуру фильтрует частная охрана; их политический потенциал отличается от политического потенциала общественных пространств (Staeheli and Mitchell, данный выпуск). Это только подтвердилось в 1972 году, когда Верховный суд постановил, что право свободы голоса распространяется только на действия в общественном пространстве, под определение которого не подпадают торговые центры. Осознавая многообразие значений этого термина, в 1980 году Верховный суд, впрочем, заключил, что торговые центры отличаются от других частных пространств, поскольку являются общественно доступными пространствами, принадлежащими частным лицам, и передал политические полномочия законодательству штатов (Kohn 2004). Штэйли и Митчелл (Urban Studies VSI) рассматривают торговые центры и другие общественные пространства, принадлежащие частным лицам, как заинтересованные в создании «сообщества», а не «общества» (во всем многообразии и сложности, которые влечет за собой понятие «общество»). Диалектика построения сообщества такова, что принятие одних участников происходит за счет исключения других. Можно ли в таком случае рассматривать общественное пространство как расширение общественных клубов, где мы ищем расслабленного общения с себе подобными?

Общественное пространство имеет также социальную и политическую функцию. Как и социальное пространство, оно основано на тонкой коммуникации в мимолетных столкновениях разных классов, но таит в себе возможность превращения этих столкновений в более плотную коммуникацию на уровне сообщества.

Политическое функционирование общественного пространства, которое собирает людей из разных областей жизни, — демократическая практика, практика свободы и равенства. Следующая из этого неоднородность не благоприятствует коммуникабельности или братскому чувству, и между политической и социальной функцией существует противоречие. Это переходит в конфликт неоднородности и попытки достичь гомогенности, которые происходят на протяжении всей истории общественного пространства. С появлением и распространением торговых центров общественное пространство уступило более радикальному общественному месту — улице. Улицы и тротуары — это единственные места для общественного выражения и «незапланированной политической активности», и их главная миссия — сделать видимыми нищету и неравенство (Kohn

2004: 3). Многие, однако, не хотели бы наблюдать полную картину общественной жизни и испытывать на себе ее последствия — например, бездомных и попрошайек, которые пытаются добыть себе пропитание, — и, получив такую возможность, они избегают посещения таких мест. Альтернатива такова: комплексные торгово-развлекательные центры и тематические парки, которые, как пишет Соркин, счищают с «неблагополучной городской среды ее болезнь, присутствие нищеты, преступности, грязи, работы» (1992: xv).

Попытки «очищения» городской среды, таким образом, не являются чем-то новым. Они велись на протяжении всей истории современного города; разница в иллюзии, что этого можно достичь, что «болезнь» можно убрать из зоны видимости. В условиях все большего неравенства, все меньших расходов на техническое обслуживание и полного отсутствия политической воли общественное пространство стало менее значимым проектом. Новые возможности привели к переходу от существующего открытого общественного пространства к выборочным общественным клубам, где социальная функция стала преобладать над политической. Улицы были оставлены и потеряли свою жизненно важную роль как места движения пешеходов, торговые точки, места важных сделок. Они перестали быть нужными. Конечно, люди все еще хотели произвести фурор на публике, посмотреть на других и столкнуться с подконтрольным многообразием, и это обеспечивали торгово-развлекательные центры.

Однако их приятность не так проста: они симулируют то, чего их клиенты желали бы избежать — улицу, — распаковывая ее и утилизировав только некоторые элементы, оставляя позади беспорядки, грязь, суровые погодные условия и видимую нищету.

Общественное пространство превращается в тематический парк в торговых центрах, в Диснейленде и в других локациях, куда стремятся представители среднего класса. Беспорядки, грязь, нищета и опасность остаются в городе. Город — это не тематический парк; часть его выглядит так в связи с дистанцией от всего остального, отсюда происходит его восприятие как чего-то нереального.

ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Объявление о конце общественного пространства вызвало дебаты о его значении и форме: его трансформации в ходе истории, а также вариациям в зависимости от локации и культуры. Разговор о смерти общественного пространства шел под влиянием английского перевода оригинальной работы Хабермаса «Структурная трансформация общественной сферы», вышедшего в 1989 году. Влияние Хабермаса распространялось параллельно с его критикой: исследование населения с гендерной, классовой и расовой стороны сталкивалось с идеей унитарной общественности (Calhoun 1992).

Подход Уолтера Липпмана из его книги «Фантомное общество» (1925) — разделение прогрессивного понятия общества на многовалентные элементы — был взят на вооружение и радикализован. Чуткость во времени и пространстве к вариациям общественного пространства просочилась в урбанистику. Пока подход Хабермаса делал акцент на исследованиях публичной сферы и общественного пространства, общая критика западной идеи разделения общественного и частного (общественного и частного) стала проявляться ярче, как и критика более конкретного тезиса о смерти общественного пространства. Различия в опыте северных и южных городов требовали все более и более безотлагательных наблюдений.

Лайза Драммонд делает акцент на общих характеристиках уличной жизни южных городов — выплеске частной жизни в общественном пространстве. К примеру, граждане Ханоя начали вновь использовать общественное пространство в 1990-х годах как «расширение дома, аннексированное коммерческое пространство и место для самовыражения» (Urban Studies VSI). Во Вьетнаме, по сравнению с другими точками, можно наблюдать как западную тенденцию к полупубличным пространствам, так и активизацию уличной жизни. Некоторые серьезные отличия могут помочь при анализе западных мегаполисов: проблема бездомных, которая считается главной проблемой городов, может рассматриваться как побочный результат частной жизни в общественном пространстве. Такой подход внезапно делает опыт южных городов полезным для западной урбанистики.

Исследования городских беспорядков обнаруживают другую интересную деталь: жалобы на упадок западного общественного пространства и городские условия жизни в южных городах взаимосвязаны. Городские власти в Европе и Северной Америке пытаются контролировать уличную торговлю, но «уличная торговля сегодня — одна из самых заметных и популярных профессий в южных городах» (Donovan, Urban Studies VSI 29). При текучке трудоустройства это всеобщий способ бегства для тех, на кого повлияли эти изменения (Donovan, Fernandes, Urban Studies VSI). Ожесточенные споры об уличных торговцах и их распространении в южных городах показывают суровую реальность политической экономии общественного пространства. Наше понимание общественного пространства сильно опирается на мнение среднего класса. Мы не учитываем мнение бездомных, торговцев и попрошайек, которые хотят жить за счет общественного пространства — оно помогает им встретиться с людьми, которые могли бы воспользоваться их услугами (см., например: Ranasinghe 2011 о непрошеном мытье окон машин на светофорах). Эти примеры напоминают нам о том, что городская реорганизация — это не просто коммерциализация, предполагающая выбор порядка коммерциализации корпоративного типа, это попытка уничтожить или жестко ограничить малый бизнес уличных торговцев. Важнейшие черты трансформации общественного пространства — это коммерциализация и приватизация; лишь особая форма коммерциализации имеет более комплексный, сложный, корпоративный тип, который часто напрямую связан или косвенно обусловлен местной властью. Впрочем, даже в рамках такой модели существуют вариации. Как показывают Реган Коч и Алан Лэтем (Urban Studies VSI), задачи по реорганизации городской среды различны на развязке Принца Уэльского в Западном Лондоне и в Брайант-парке

Центрального Манхэттена. В случае с первым возможно совмещение агрессивных бизнес-планов с досугом, что в результате выразится в более локальной и менее престижной коммерциализации квартала.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА

Общественное пространство не следует рассматривать как недифференцированное, тем более что одна из исторических тенденций заключается как раз в его дифференциации по функционалу и аудитории. Пройден долгий путь от «второй полезного пространства» Мамфорда, его любимой мультифункциональной пятачки (Mumford 1961: лист 26). Мультифункциональный торгово-развлекательный центр является новой формой в этой исторической перспективе, которая по иронии основывалась на выборочной комплексности пятачки, и это отчасти причина, по которой вокруг этой новой формы разгорелись такие страсти. Но торговый центр — не единственно возможная форма, и их многообразие иначе разворачивает дискуссию о смерти общественного пространства, привлекая внимание к их разнообразию и непрерывности, а не к разделению частного и общественного.

Приватизация общественного пространства — более продуктивная концепция по сравнению с закрытым статусом домашней среды и общественным статусом городской территории (Bodnar and Molnar 2010). Возьмем типичный дизайн частного дома. Частное пространство начинается с ближнего круга пространств, в которых даже нет окон (ванная комната); за ними следуют комнаты, которые не полагаются видеть гостям, и гостиная с большими окнами на улицу, откуда через парадную дверь можно выйти на крыльцо, в сад, а потом на улицу. Улица, самое общественное пространство, приводит нас в открытый или огороженный парк, на ежедневный рынок или рынок выходного дня, в круглосуточный или дневной магазин. Мы можем провести время в кафе с широко распахнутыми дверями и стульчиками, выставленными на тротуар, или в барах, где нужно позвонить в колокольчик, прежде чем войти. Мы можем побывать в музеях, которые открыты в определенные дни, но в ином случае требуют платы за вход, в общественных бассейнах, частных спортивных клубах, на железнодорожных станциях, в аэропортах, в «недетерминированных пространствах» перед реорганизацией (Groth and Corijn 2005). Наконец, мы можем попасть в эксклюзивный торговый центр на вершине холма и еще один, для пешеходов, в городе, — и общественность везде определяется как комплексная система дизайна, управления и ежедневного функционирования.

Реальная градуированная общественность сталкивается с идеалом общественного пространства, где свободный и равный доступ

для всех является минимальным проявлением демократии. Именно этот принцип демократии подогревает дискуссию об общественном пространстве, постоянно проверяя всеохватность общественного. Подталкивать городское пространство к еще большей общественности всегда было первой задачей социальных революций, самого явного признака демократизации.

Променады, парки и другие общественные пространства, первоначально ограниченные элитой, быстро стали доступными массам после успешных революций. Лувр, к примеру, был трансформирован в общественный музей в ходе Французской революции, хотя и до революции люди имели ограниченный, но регулярный доступ к некоторым его отделам. Остров Маргариты в Будапеште — окончательно объявленный общественным садом в 1908 году — можно было посетить только за плату до 1919 года, когда недолгое время существовавшая Венгерская республика рабочих советов самым известным указом провозгласила его общедоступным. Обратные механизмы ограничения доступа через законодательство сегодня политически невозможны, но практики исключения нежелательных людей и активности, а также управления ими (ASBO) посредством дизайна как никогда распространены.

Мы прошли долгий путь от дизайна привлекательного уличного убранства, когда бесконечно повторяемые модули типа «деревоскамейка-киоск» появлялись на бульварах (как у Хауссмана в ходе реконструкции Парижа XIX века, ставшей образцом украшения города и организации городского порядка в эпоху модерна), до непривлекательных «ударопрочных» скамеек Дэвиса с их последствиями для уличной жизни. В любом случае было бы неверно утверждать, что в Лос-Анджелесе уличное убранство лишено привлекательности. Скамейки и деревья находятся там, где городская экономика и политика хочет «удержать» горожан. Сегодня — скорее в огороженных парках и на детских площадках, на приватизированных и подконтрольных участках улиц, на террасах кафе и в интерьере торговых центров, подражающих улице, чем на самой улице.

НАРУШЕНИЯ МОДЕЛИ

Предустановленный неолиберальный городской ландшафт может содержать локации «мятежной гражданственности» (Holston 1999), где альтернативные дискурсы городского пространства и власти над ним подвергаются эксперименту и артикулируются гражданами. Партизанское озеленение — высадка растений на неиспользуемой земле, в основном неприватизированной, — жилищное строительство, культурное и коммерческое, гостеприимные скваты (Lugosi et al. 2010) и тому подобный «хакинг» городского порядка возвращает общественное пространство к использованию, выходящему за рамки доминирующей логики современной реорганизации, и указывает на противоположные ей тенденции.

Деревья и скамейки, таким образом, могут оказаться там, где их наличие не планировалось. Конечно, засаживание оставленных тротуаров сегодня менее радикально, чем партизанское озеленение в начале 1970-х, когда люди перерезали колючую проволоку, чтобы высадить «семенные гранаты» на земле, предназначенной для реконструкции в Нижнем Ист-Сайде на Манхэттене (Adams and Hardman 2014). Тем не менее это говорит о том, что существует необходимость и даже возможность (хоть и временного) использования во благо альтернативных стихийных движений, которые иначе определяют общественное пространство.

Становится очевидно, что неолиберальный урбанизм предполагает определенный набор установок, институций и практик, где некоторые самые основные дискуссии проводятся на тему идеи общества на фоне экономической либерализации и всеобъемлющей рыночной логики. По сути, урбанистика играла большую роль в выявлении политической природы неолиберальных перемен. Оказалось, что экономический порядок неолиберализма и аполитическая риторика маркетизации зиждутся на явной классовой политике городских застройщиков и политиков и новом переплетении государства и частного капитала в крупномасштабных городских проектах (PPP), размывая границу между общественным и приватным. Неолиберализм в глобальном отношении становится своего рода условным обозначением городских изменений. Одновременно мы получаем знания о его неоднородности и вариациях в исторической перспективе. Не только различия северных и южных городов, которые все чаще отмечаются в урбанистике и в дискуссиях о разделении приватного и общественного, но и практическое и теоретическое значение различий в рамках северных городов вносят лепту в общий диалог о моделях города. Американские дискуссии о трансформации общественного пространства находятся под влиянием и даже в зависимости от аналогичных дискуссий в Европе. Как пишет Аткинсон, «не вполне ясно, в какой степени общественное пространство в Великобритании подверглось той эрозии, которую представляют себе критики из североамериканской метрополии» (Atkinson, данный выпуск: 1830). В то же время «сдвиг в сторону частных пространств в реорганизованных областях куда менее ощутим, чем в США» (Raco, данный выпуск: 1871). Также следует отметить, что трудно определить общие установки как «национальную повестку и директивы, они далеко не последовательны и не одномерны» (Raco, данный выпуск: 1884) и что способы городского управления также не вполне последовательны (Belina and Helms 2003).

В то время как реваншистский урбанизм — это общий феномен, существуют явные различия между городами Европы и США. Прежде всего — в задачах и интенсивности реваншистской политики, но различий между реформистской и реваншистской стратегией правительства куда меньше, чем можно ожидать. Обе стратегии в конечном итоге сконцентрированы на управлении городскими маргинальными группами (Uitermark and Duyvendak 2008).

Американские версии общественных пространств действительно настолько разнообразны, что могут даже бросить вызов господствующему дискурсу о предмете. Джон Аллен утверждает, что уклон в сторону Северной Америки в литературе по урбанистике заставляет нас сделать поспешный вывод, что общественное пространство

умирает (Allen 2006). Это должно восприниматься с облегчением исследователями общественного пространства, но что это значит для урбанистики? Может быть, рамки дискуссии были неверно поставлены с самого начала?

Значительные перемены, которые мы наблюдали, не гарантируют смертного приговора. Но это не должно останавливать нас от мыслей о том, какое отношение имеют изменения городской среды к изменяющейся идее общественного в долгосрочной перспективе. Почему мы отстаиваем определенные модели больше других и почему мы все еще подгоняем нашу идею общественного пространства под улицу и агору?

ВОПРОСЫ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ

выводы об общей трансформации

Вопрос о том, могут ли изменения условий общественного пространства позволить нам сделать выводы об общей трансформации общественного пространства и городской среды, — это один из сильнейших вызовов, перед которыми стоит сегодня урбанистика. Распространение мест, откуда собирается городская отчетность и где делаются первые шаги в урбанистике, может выйти за пределы поиска вариаций доминирующей темы, переоформить производство урбанистической теории, места и значения ее ключевых концепций и перенаправить исследовательские вопросы. Что происходит с дискуссией об общественном пространстве и общественной сфере, если аналитика все больше вдохновляется контекстами, в которых разделение общественного и частного отличается от доминирующей западной концепции — и в целом менее существенно? К примеру, куда попадает религия при такой классификации и все ли религии занимают одну позицию?

коммерческие цели против альтернатив

В дополнение к ответу на некоторые теоретические и эпистемологические вопросы урбанистики снова необходим зрелый критический взгляд на высвобождающие и ограничивающие потенциалы коммерциализации в свете современного переплетения коммерции,

антрепренерства, а также политической и культурной альтернативы. Что мы думаем о консолидации и сосуществовании уличной еды, стрит-арта и других подобных явлений, которые зарождаются как альтернативы мейнстриму городского развития, а затем быстро интегрируются в городской спектакль? Влияет ли временное использование в коммерческих целях изначально некоммерческого общественного пространства на природу этого пространства в долгосрочной перспективе (Smith 2014)? Может ли временное некоммерческое использование городского пространства в перспективе коммерческого переустройства в итоге изменить повестку городского переустройства (Groth and Corijn 2005)?

разнообразие общественного пространства

Общественное пространство неодинаково для всех. Инфраструктура общественного пространства, а также законодательство и практики задают рамки различий, которые поддерживают или допускают конкретные общественные пространства. Критическое изучение инфраструктуры проверяет наше восприятие общества, принятое за данность. Мы уже используем новую шкалу различий в дополнение к классу, расе, этничности и гендеру — например, ограниченные возможности или транспортные средства. Люди живут, имея различные возможности, но им не приходится жить в специальных пространствах для людей с ограниченными возможностями (Hawkesworth, данный выпуск; Imrie 2013; см.: Urban Studies, специальный выпуск о людях с ограниченными возможностями 2001; Тео 1997). У нас есть возможность посредством дизайна исключить некоторые группы — значит, мы можем, наоборот, включать в общественную жизнь маргинализированные группы посредством дизайна и разрабатывать в целом более удачные и разнообразные города.

виртуализация публичной сферы

Вопрос, до какой степени рост виртуализации изменяет публичную сферу и значение физического общественного пространства, остается на первом плане исследования. Майк Фезерстоун утверждает, что программы симуляции позволяют ощутить «сенсорную вовлеченность практически во всей полноте» городского пространства в киберпространстве (Featherstone, данный выпуск: 922). Хотя он не говорит об этом, качественная часть его утверждения «практически во всей полноте» (в которую не включены обоняние и осязание) действительно имеет значение. Сенсорная вовлеченность — одна из отличительных черт физического общественного пространства по

сравнению с виртуальным. В этом смысле она может становиться все более значимой в дискуссиях об общественном пространстве. Нужно только напоминать себе, что вычищено из общественного пространства в вердикте Дэвиса и что привело к объявлению о конце: «демократическая отравка, риски и неизбывные запахи» (Davis 1992: 180). Полный сенсорный опыт общественного пространства может сместить обсуждение с преимущественно оптического понимания общественного пространства (взгляд) на более расширенное, соединив его с исследованием сенсорного опыта (сенсорика). (Примеры см: Gandy and Nilsen 2014; Sriwa and Riach, 2012.) Более полное восприятие городского пространства в итоге приводит к работе Ричарда Сеннета «Плоть и камень» (1994), в которой он призывает к строительству более тактильных и возбуждающих городов.

образ жизни и город

СВЯЗЬ МЕЖДУ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНЬЮ
И УРБАНИЗИРОВАННОСТЬЮ

ВВЕДЕНИЕ

Городские домохозяйства являются частью того, что делает город городом: с экономической точки зрения — потому что участвуют в рынке труда и используют городские удобства; с социологической точки зрения — потому что участвуют в общественной жизни. В свою очередь, городские домохозяйства получают преимущества от того, что может предложить им город. В данной статье мы выстраиваем типологию домохозяйств в соответствии с типом и степенью «связности с городом». Связь с городом определяется не как выраженные предпочтения людей, а скорее как связь с городским обществом, проявляемая через выборы, связанные с их местом жительства. Соответственно, мы исследуем, насколько данные домохозяйства ориентированы на город. Эмпирические данные были собраны в Амстердаме.

Повседневная жизнь в крупных городах отличается от жизни где-либо еще. Выражения вроде «стиль жизни Торонто» или «стиль жизни мегаполиса» подчеркивают особый образ жизни, связанный с городами. Изучение прежних дискуссий обнаруживает, что сформировавшиеся представления о жизни в городах могут быть противопоставлены, например, жизни в пригородах или в деревнях (Gans 1967, 1968; Wirth 1938). Часть жизни, связанная с городом, обычно соответствует таким характеристикам, как «экспрессивная», «компанейская», «наполненная культурой», «активная», «многообразная», «толерантная», «расточительная», «публичная», «продуманная». Необычно в этой фразеологии то, что она в первую очередь ассоциируется с «городским». В то же время городская жизнь многолика. В городах можно увидеть и услышать множество разных проявлений вкуса, форм речи, вариантов точек зрения и философий. В городах

живет критическая масса населения, там возникает и процветает множество разных типов жизненного уклада, диктуемых различными сообществами (Fishman 1994; Maffesoli 1996; Clarke 2003). Как утверждает Зукин (Zukin 1998), формирование образа жизни — это то, что у городов получается лучше всего. Благодаря такому подходу к образу жизни понятие урбанизированности вновь привлекает к себе внимание. Многие политики и градостроители считают, что живость и энергия, возникающие вследствие скопления людей и предприятий в определенном месте, являются фактором, удерживающим город в целостности, и способом предотвратить запустение. Однако они редко задаются вопросами о том, в чем именно заключается урбанизированность и как она связана с городскими жителями.

Воспринятые как проявления вкусов и предпочтений, жизненные уклады ассоциируются с потребительской свободой выбора и эфемерностью. Однако базовые структуры, лежащие в их основе, представляют собой нечто другое. Многие проявления повседневной жизни, которые можно наблюдать в городской среде, не имеют отношения к личному выбору индивидуума, а глубоко укоренены в домашней и офисной рутине: стирка, ужин, сон. Это действия, которые должны вписаться в суточный график (Hägerstrand 1982). Данная статья берет за основу глубинные социологические и экономические характеристики, которые организуют повседневную жизнь в городе. Таким образом, городские социальные структуры, отраженные в повседневной жизни населения, трактуются не как результаты выбора и предпочтений, но как действия, в высшей степени подверженные социологическим и экономическим ограничениям городской жизни. Мы понимаем образ жизни или жизненный уклад как модель поведения, связанную с типом домохозяйства, то есть с местом проживания, использованием городских удобств и расположением в городе. В то время как понятие «образ жизни» зачастую основывается исключительно на вкусах и предпочтениях, мы понимаем этот термин более широко.

Многие ученые стремились эмпирически связать урбанизированность и образ жизни. Можно выделить как минимум два подхода (Van Dierpen and Arnoldus 2003). Во-первых, некоторые исследователи — главным образом социологи — считают образ жизни следствием характеристик городской среды. Например, в известной работе «Урбанизм как стиль жизни» (Wirth 1938) виды образа жизни горожан связываются с количеством жителей, высокой плотностью и гетерогенностью городов. Социальные связи в городах признаются чрезвычайно регламентированными и фрагментарными, что приводит к анонимности. Разнообразие видов городского образа жизни рассматривается с точки зрения социального и экономического разнообразия современной городской среды (Zukin 1998, Clarke 2003). В более широкой перспективе особенности поведения и вкусов связываются с различиями городской и загородной среды и особенностями пространства (Sobel 1981, Bourdieu 1984). Второй подход, часто используемый в социальной географии, рассматривает распределение городских и деревенских домохозяйств как результат формирования домохозяйств и поведенческих практик. Отправной точкой служат повседневная жизнь и влияние, оказываемое на нее пространственно-материальной средой. Например, Белл (Bell 1968) отталкивается от предположения, что домохозяйства со специфиче-

ским «семейным» образом жизни стремятся к переезду в пригороды, потому что это больше соответствует их нуждам.

В этой статье мы придерживаемся географического подхода и тщательно исследуем взаимосвязь между структурой домохозяйства и урбанизированностью. Мы предполагаем, что уровень урбанизированности и существование негородских или связанных с городом домохозяйств взаимосвязаны. С одной стороны, городская жизнь притягивает определенных людей в свою среду, так как предоставляет различные блага и возможности, такие как широкое разнообразие экономической деятельности и услуг, доступность общественных пространств и возможность личного общения. С другой стороны, городские жители — особенно некоторые их типы — вносят вклад в работу и достижения городской экономики и социальной энергии. В этой перспективе город и его жители взаимозависимы: вклад одного необходим другому. Чтобы ответить на вопрос о связи между урбанизированностью и городскими жителями, мы предпринимаем попытку проанализировать различные показатели уровня урбанизированности и особенностей домохозяйств, которые организуют повседневную жизнь города. Таким образом мы сможем разобраться в их взаимоотношениях. Статья начинается с теоретических наблюдений о социологических и экономических качествах, которые формируют повседневную жизнь и таким образом создают человеческую географию городов. Далее мы предлагаем типологию домохозяйств относительно степени их связанности с городом. В третьей части приводится краткий обзор литературы по теме исследования, чтобы выявить уровни урбанизированности. В конце мы представляем и анализируем результаты исследования уровней урбанизированности и типов домохозяйств относительно степени их связанности с городом (данные города Амстердам, Нидерланды), чтобы определить, насколько сильна взаимосвязь между урбанизированностью и городским населением, и дать ей определение.

ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ

На протяжении прошлых десятилетий жизнь семей в западных обществах становилась более разнообразной и непостоянной. Вследствие взаимного влияния социологических и экономических инноваций нынешняя структура домохозяйств характеризуется все большей подвижностью жизненных укладов (Buzar, Ogden and Hall 2005). Процессы старения и упрощения социальных норм, модели межличностных отношений и условия жизни, появившиеся вследствие второго демографического перехода¹, — все это обуславли-

¹ Идея второго демографического перехода предложена Дирком Ван де Каа и Роном Лестегом в 1986 году. Авторы утверждали, что с середины семидесятых годов Европа вступила на новую стадию демографической истории: снижение рождаемости обусловлено распространением индивидуалистически ориентированной системы ценностей и норм поведения. — Примеч. ред.

вает сложность перехода между различными структурами домохозяйств. Люди теперь живут дольше, но их выбор типа домохозяйства в течение жизни все менее предсказуем. К примеру, все больше и больше людей проживают в одиночестве хотя бы какую-то часть своей жизни — когда покидают родительский дом, после развода или овдовев. Изменение уровня домохозяйства происходит на фоне постфордистской² флексибилизации экономики и процессов найма. Модель «Один кормилец на семью» сменили типы жизненных укладов, в рамках которых обычно оба взрослых участвуют в рынке труда. Эти социальный и экономический процессы зависят от места жительства, они обусловлены географическим положением и концентрацией типов домохозяйств.

В городах — более широкий спектр домохозяйств и источников средств к существованию, чем в поселениях другого типа. Хотя к проживанию в городе можно стремиться по целому ряду причин, глубокая укорененность некоторых типов домохозяйств в городе — это следствие организации повседневной жизни и сценариев поведения (Jarvis, Pratt and Wu 2001; Karsten 2007). Городская прописка предоставляет жителям, в числе прочего, широкую доступность разнообразных удобств и услуг и возможность минимизировать совокупные ограничения на выполнение различных повседневных действий и задач. Разумеется, проживание в черте города сокращает время на поездки на работу, делает проще покупку еды и предоставляет больше возможностей для аутсорсинга. По этой причине для некоторых типов домохозяйств проживание в черте города является предпочтительным. К примеру, одинокие молодые люди или пары, ориентированные на жизнь вне дома, скорее захотят жить в городе. Тем не менее проживание в городе, особенно для некоторых типов домохозяйств, предпочтительно не просто из-за привлекательности или эстетической ценности городов или из-за возможности погрузиться во все развлечения большого города. Если использовать терминологию Бурдьё, безотносительно к городским развлечениям и символической ценности городов, главным образом людей привлекает и удерживает в городах их функциональность. Проживание в городе может оказаться основополагающим фактором, дающим возможность устроить жизнь в соответствии с приоритетными жизненными решениями: домохозяйство, создание семьи, заработок (Karsten 2007). Когда организация домохозяйства становится сложнее, пространственно-временные преимущества городского проживания могут принести особенно много выгоды. Или, с другой стороны, поскольку городское проживание тесно переплетено с другими областями жизни, оно становится «стилем жизни» (Karsten 2007). Именно в этом смысле домохозяйство можно считать действующей силой города (Buzar, Ogden and Hall 2005).

Из-за постоянного возникновения и преобразования домохозяйств, дополненного выборочной миграцией некоторых типов, относительно маленькие домохозяйства преобладают в центре города, в то время как более крупные и комплексные домохозяйства обычно находятся на периферии. Например, в Париже взрослые люди, многие из которых живут в одиночестве и часто имеют боль-

² Постфордистская модель занятости характеризуется сокращением постоянной занятости в пользу нестабильной занятости и гибких режимов труда. — Примеч. ред.

шую ценность на рынке труда, предпочитают селиться в очень урбанизированных местах (Ogden and Schnoebelen 2005). Подобные домохозяйства стали доминировать на городском рынке недвижимости, поскольку работа таких людей дает возможность выбрать жилплощадь в высоком ценовом сегменте. Однако подобные мелкие профессиональные домохозяйства рассредоточены. В Амстердаме (Нидерланды) более чем половина всех домохозяйств состоит из одного человека. По причине большого выбора доступного жилья — даже в центре города — многие домохозяйства из одного человека могут принадлежать безработным или учащимся и не демонстрируют строгой корреляции с родом занятий. Семейные пары также часто проживают в центре города. Кроме того, некоторое, возможно, даже растущее количество семей с детьми селятся в городской среде. Однако пока что доказательная база невелика (см. Butler and Robson 2003; Karsten 2007).

Таким образом, выкладка данных о городах позволяет выдвинуть предположение, что распределение домохозяйств отражает тип (экономический и / или социологический) и степень (низкую или высокую) связи между урбанизированностью и домохозяйствами. Основываясь на анализе структурных характеристик (таких как возраст, состав домохозяйства, участие его членов на рынке труда), домохозяйства могут быть разделены на пять типов (рис. 1).

Домохозяйства, названные «экономически урбанизированными», особенно вовлечены в городское сообщество, поскольку они активно участвуют на рынке труда. Проживание в городе выгодно для них вследствие близости и доступности большого количества рабочих мест или путей сообщения с другими рабочими пространствами. С другой стороны, домохозяйства, названные «социологически урбанизированными», вовлечены в городское сообщество главным образом благодаря социальным преимуществам, которые предлагает

Рис. 1. Типы домохозяйств в зависимости от типа и степени городской связанности

		<u>Социальная связь</u>	
		Сильная	Слабая
<u>Экономическая связь</u>	Сильная	Сверхурбанизированные домохозяйства - Один работающий, один человек - Два работающих, два человека	Экономически урбанизированные домохозяйства - Один работающий, один родитель - Два работающих, семья
	Слабая	Социологически урбанизированные домохозяйства - Один безработный человек - Два человека, два безработных или один работающий	Неурбанизированные домохозяйства - Один безработный родитель - Семья, два безработных или один работающий

город: возможности вступить в контакт, познакомиться или просто находиться рядом с самыми разными людьми.

Домохозяйства, названные «сверхурбанизированными», характеризуются и экономической, и социальной вовлеченностью в жизнь города, в то время как «неурбанизированные» никак в нее не вовлечены. Разумеется, домохозяйства последнего типа могут быть заинтересованы в городской жизни, но их характеристики, такие как состав, возраст членов и наличие / отсутствие оплачиваемой работы, не приводят к поселению в городе. Пенсионерские домохозяйства выделяются в особую категорию. Когда члены домохозяйства достигают 65-летнего возраста, оно переходит на новый этап и в жизненном цикле семьи (дети покидают родительский дом), и на рынке труда (выход на пенсию). По причине потери экономической вовлеченности и социальных потребностей вне дома пенсионерские домохозяйства обычно ориентированы на жизнь внутри дома. Однако их тип и степень городской связи пока что остаются достаточно неопределенными, поэтому мы помещаем этот тип домохозяйства посередине.

Основываясь на таких основополагающих характеристиках домохозяйства, как возраст, состав членов и трудоустройство, мы предполагаем, что типы домохозяйств отражают определенный тип и степень связи с городом. Поскольку все эти характеристики меняются со временем, городская связь также переменчива.

УРБАНИЗИРОВАННОСТЬ

Как правило, урбанизированность имеет отношение к центральным частям города, где могут существовать такие городские ценности, как солидарность, толерантность и одобрение разных взглядов. В практических, повседневных практиках, в городских пабах и ресторанах, на улицах и в магазинах возникает «образ функционирующей урбанизированности» (Latham 1999). Связь между этими ценностями и урбанизированностью восходит к многократным использованиям подобных общественных и полуофициальных мест и пространств различными группами для различной деятельности и в рамках различных сценариев поведения (Hajer and Reijndorp 2001). На пространственно-материальные характеристики также указывают, когда говорят об урбанизированности — имеется ли в виду насыщенный и детализированный дизайн, создание достопримечательностей или использование визуальной стимуляции и внимание к деталям, которые могут по-разному использоваться и породить новые городские ценности. Согласно городскому проектировщику Монтгомери (Montgomery 1998), пространственно-материальная, или застроенная, среда — необходимое, но недостаточное условие для возникновения урбанизированности: «Без активности нет урбанизированности» (Montgomery 1998: 96).

В шестидесятые и семидесятые годы связь между урбанизированностью и центром города начала ослабевать, и понятие ур-

банизированности утратило свою значимость. Оказалось, что урбанизированность больше не связана с центральными районами, поскольку социальное разнообразие, смешанная культура и новые формы экономической активности могут быть так же обнаружены в других местах (см. Fishman 1994). Кроме того, возникли новые многомиллионные города, в которых отсутствовали традиционные признаки урбанизированности, такие как оживленные общественные пространства и плотная, детализированная смесь различных типов использования земельных участков в центральных районах. Далее, некоторые исторические городские центры, например в Детройте или Лос-Анджелесе, сильно пострадали от запустения и социальной дезорганизации, так что люди предпочитали избегать этих безликих районов, а не инвестировать в них.

Однако в настоящее время урбанизированность вновь привлекает внимание городских политиков и градостроителей. С недавних пор они поддерживают и превозносят многообразие и энергию городов, утверждая, что это лучшая среда для достижения экономической и социальной активности. Однако не только практики и профессионалы заявляют, что урбанизированность способна привлекать в город людей и компании. Тонкое сочетание общественных, полупубличных и частных городских пространств считается важным для экономических и социальных функций города (см. Zukin 1998). Флорида (Florida 2002) приходит к похожим выводам относительно урбанизированности, заключая, что определенные свойства городов гарантируют урбанистический успех. По его мнению, привлекательность города для экономической деятельности тем больше, чем более данный город многообразен, открыт и толерантен. Гэльбрехт (Helbrecht 2004) также подчеркивает важность этих «мягких» условий, когда утверждает, что современные города должны демонстрировать привлекательную среду для жителей, толерантность к альтернативным образам жизни, живую культурную среду, хорошую атмосферу и внешний вид, а также подходящие — желательные общественные — пространства для деловых и развлекательных встреч.

ДАННЫЕ И МЕТОД

Чтобы определить степень связности между показателями уровня урбанизированности и наличием урбанизированных и неурбанизированных домохозяйств, анализ основывается на трех источниках данных. Во-первых, мы использовали данные исследования, проведенного в 2003 году муниципалитетом Амстердама. Исследование включало 3442 человека. Оно предоставляет информацию о структурных характеристиках домохозяйств, географических данных мест проживания и некоторых показателях урбанизированности. Во-вторых, мы использовали данные нидерландского жилищного соцопроса 2002 года, выполненного Министерством жилищного строительства, территориального планирования и охраны окружа-

ющей среды. Это исследование, включающее 66 400 опрошенных, предоставляет географические данные о проживании, но не содержит детальной информации об урбанизированности. Данные обоих исследований мы трансформировали так, чтобы вместо информации об отдельных взрослых индивидуумах получить информацию о домохозяйствах. Это предполагало использование весового коэффициента (для типа домохозяйства и района), которое позволило избежать преувеличения, к примеру, больших домохозяйств. В-третьих, мы использовали реестр муниципальных данных, содержащий крайне подробную информацию о жилищном фонде (доступном по шестизначному почтовому коду) и трудоустройстве в организациях (разница основывалась на пятизначных кодах организаций).

На первом этапе анализа мы выявили наличие определенных типов домохозяйств с экономической и/или социологической точки зрения. На этой стадии мы сравниваем Амстердам и Нидерланды в целом. На втором этапе анализа было рассмотрено территориальное распределение различных типов домохозяйств в Амстердаме с целью выяснить, насколько часто связанные с городом домохозяйства располагаются в действительно урбанизированных районах. Наконец, на третьем этапе рассматривается связь урбанизированных домохозяйств и проявлений уровня урбанизированности, однократных и многократных. Действительно ли домохозяйства, которые сильнее связаны с городской средой, демонстрируют большую ориентацию на город? Уровень урбанизированности представлен двумя рядами переменных: первый измеряет поведенческие характеристики на индивидуальном уровне, в то время как второй указывает на характеристики среды проживания.

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ УРБАНИЗИРОВАННОСТИ

На индивидуальном уровне урбанизированность проявляется в трех поведенческих характеристиках, указывающих на использование городских удобств домохозяйствами.

Во-первых, урбанизированность проявляется в посещении культурных мероприятий. Переменная включает десять необязательных мероприятий и обозначает степень вовлеченности людей в культурную жизнь. Мы исходим из допущения, что эта степень прямо пропорциональна степени связи с городом. Во-вторых, мы предполагаем, что количество домашних дел, отданных на аутсорс, способствует социализации, и поэтому мы считаем это проявлением урбанизированности. Эта переменная измеряет количество (от одного до шести) домашних электронных устройств, таких как микроволновая печь и посудомоечная машина. В-третьих, урбанизированность проявляется в количестве социальных интеракций вне дома, представленных тремя переменными: как часто люди встречаются с друзьями, родственниками и соседями. Все они оцениваются по шкале от 1 (интеракции отсутствуют) до 5 (как минимум раз в неделю). Мы исходим из того, что связанные с городом домохозяйства чаще встречаются с соседями и реже — с друзьями и родственниками.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ УРБАНИЗИРОВАННОСТИ

С территориальной точки зрения урбанизированность выражают несколько переменных:

- расстояние до центра города;
- показатели жилищного фонда;
- показатели трудоустройства;
- занятость на полную ставку в общественных и полупубличных местах, таких как отели, рестораны, бары, кафе и пабы.

Расстояние до центра города представляет собой расстояние от центра района, обозначенного шестизначным кодом, до центра площади Дам. Переменные жилищных показателей, обозначающих степень гомогенности жилищного фонда относительно домовладения и стоимости жилплощади, включают в себя два значения. 0 означает гомогенность (как минимум 75% жилищного фонда, расположенного по данному шестизначному коду, представляют собой жилье одного типа), 1 означает смешанный жилищный фонд. Для переменной, связанной с трудоустройством, мы выбрали ячейки, которые содержат достаточно высокое количество различных кодов организаций. Мы постановили, что в ячейке должно быть как минимум десять разных кодов (в соответствии с двумя стандартными отклонениями от среднего значения различных кодов в ячейке). Прилежащие ячейки, которые удовлетворяли этому критерию, были включены в более широкие зоны. Что касается работы в отелях, ресторанах, кафе и пабах, мы показываем только зоны, где работают как минимум 50 человек и где как минимум 15% работников работают в этих секторах (аналогичный критерий двух стандартных отклонений).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Население Амстердама в 2003 году действительно может быть названо урбанизированным, поскольку примерно три четверти домохозяйств являются урбанизированными в соответствии как минимум с одним из двух выбранных измерений. 38% домохозяйств могут быть названы сверхурбанизированными. Экономически урбанизированные домохозяйства составляют 15%. Социологически урбанизированные — 21%. Домохозяйства, не урбанизированные ни экономически, ни социологически, составляют 10% от общего числа. Пенсионерские домохозяйства — 16%.

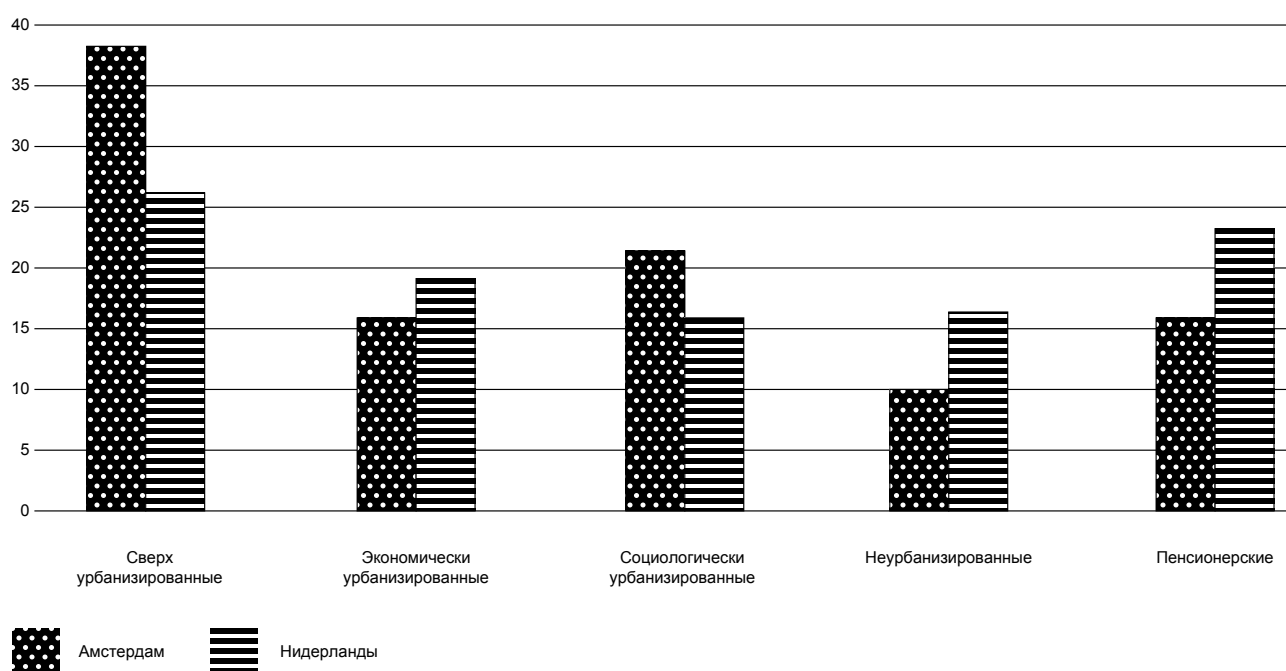
Мы сделали несколько поразительных наблюдений, когда сравнили распределение амстердамских домохозяйств в соответствии с их степенью связности с городом и такое же распределение по всем Нидерландам (рис. 2). Во-первых, в соответствии с данными

рис. 1, домохозяйства Амстердама являются более урбанизированными, чем домохозяйства всей страны. Как и ожидалось, в Амстердаме преобладают свехурбанизированные домохозяйства, в то время как неурбанизированные представлены слабо по сравнению со средними показателями по Нидерландам в целом. Во-вторых, также очень широко представлены социологически урбанизированные домохозяйства, что вполне соответствует традиционному представлению о социально-поддерживающей функции города и наличию большого количества муниципального жилья. Возможно, более неожиданным оказывается тот факт, что экономически урбанизированные домохозяйства хуже представлены в Амстердаме, чем в среднем по Нидерландам. Несмотря на преимущества жизни в урбанизированных районах с хорошей инфраструктурой, оказывается, что домохозяйства, принимающие активное участие на рынке труда, часто перемещаются из Амстердама. Что касается пенсионерских домохозяйств, то на рис. 2 видно, что в Амстердаме их меньше, чем в среднем по Нидерландам.

Посмотрим внимательнее на распределение типов домохозяйств в городской среде. Где живут представители различных типов домохозяйств? На рис. 3 видно, что домохозяйства, которые мы считаем крепче всего связанными с городом, действительно располагаются в наиболее урбанизированных частях города. Рис. 3 демонстрирует схемы для каждого типа домохозяйств. Построение классификации начинается со средней категории. Точками отсечения выбраны 10% и 25%, выше и ниже среднего. Целевая картина является статистически значимой.

Свехурбанизированные домохозяйства (рис. 3а) превалируют и доминируют, и относительно, и абсолютно, в центральных зонах: центр города и прилегающие районы, застроенные в XIX веке. Эконо-

Рис. 2. Распределение домохозяйств в зависимости от их типа в Амстердаме (2003) и в Нидерландах (2003)

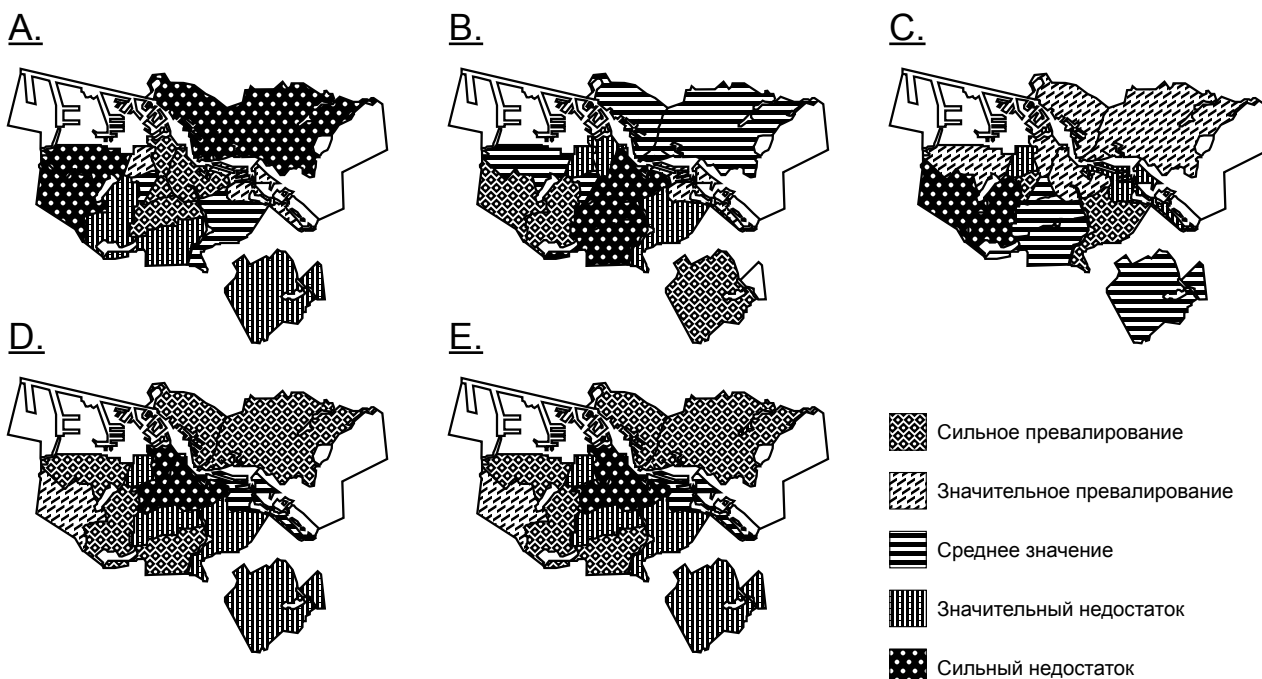
Источник: Отдел исследований и статистики, Муниципалитет Амстердама (2003) и Министерство жилищного строительства, территориального планирования и охраны окружающей среды, Нидерландский жилищный социопрос (2002) (по подсчетам авторов статьи)

мически связанные с городом домохозяйства менее широко представлены по всему городу. Только в трех районах экономически урбанизированные домохозяйства представлены широко: это районы послевоенной застройки на западе и юго-востоке. «Чисто экономически» урбанизированные домохозяйства, чьи взрослые представители трудоустроены, расположены в зонах, которые имеют доступ к шоссе, но почти не представлены в центральных и исторических частях города (рис. 3b). То же самое касается домохозяйств, которые мы называем неурбанизированными (рис. 3d). По сравнению с другими выделенными здесь типами домохозяйств они составляют в Амстердаме достаточно небольшое количество. Семейные домохозяйства чаще всего располагаются на окраинах города или в более просторных поселениях, основанных в послевоенное время. Домохозяйства, связанные с городом главным образом социологически, достаточно равномерно распределены по всему городу. Эти социологически урбанизированные домохозяйства почти нигде не представлены ни в подавляющем, ни в слишком малом количестве (рис. 3c). Пенсионерские домохозяйства (рис. 3e), напротив, едва представлены в центральных, старых районах и преобладают на периферии.

Можно ли на основании этих эмпирических данных утверждать, что образ жизни, укорененный в городе, благоприятствует урбанизированности? Имеет ли связь с городом — социологическая и/или экономическая — отношение к различным степеням урбанизированности? В табл. 1 показано отношение между домохозяйствами в соответствии с их связью с городом и уровень урбанизированности, основанный на десяти показателях. За исключением перемен-

Рис. 3.

- A. Распределение сверх урбанизированных домохозяйств в зависимости от их типа в Амстердаме (2003)
 B. Распределение экономически урбанизированных домохозяйств в зависимости от их типа в Амстердаме (2003)
 C. Распределение социологически урбанизированных домохозяйств в зависимости от их типа в Амстердаме (2003)
 D. Распределение неурбанизированных домохозяйств в зависимости от их типа в Амстердаме (2003)
 E. Распределение пенсионерских домохозяйств в зависимости от их типа в Амстердаме (2003)

ной, характеризующей жилищный фонд, все переменные урбанизированности имеют совершенно разные значения для каждого типа домохозяйства. Графы позволяют провести анализ в два этапа. Сперва рассматривается дихотомия степени урбанизированности. Затем сама урбанизированность разделяется на сверхурбанизированность и социологическую/экономическую урбанизированность.

Четыре из десяти показателей степени урбанизированности показывают противопоставление урбанизированных домохозяйств с одной стороны и неурбанизированных и пенсионерских — с другой. С точки зрения культурной жизни уровень урбанизированности для урбанизированных домохозяйств (т.е. сверхурбанизированных, социологически урбанизированных и экономически урбанизированных) оказывается гораздо выше, чем для неурбанизированных и пенсионерских домохозяйств. Сверхурбанизированные домохозяйства принимают особенно активное участие в культурной жизни города. Далее, урбанизированные домохозяйства, в отличие от неурбанизированных, гораздо чаще располагаются в смешанных с точки зрения домовладения районах.

Сверхурбанизированные и социологически урбанизированные домохозяйства располагаются в смешанных зонах гораздо чаще, чем экономически урбанизированные. Регулярность общения с родственниками и друзьями обратно пропорциональна степени урбанизированности. Неурбанизированные и пенсионерские домохозяйства вступают в контакт с друзьями и родственниками наиболее часто и гораздо чаще, чем урбанизированные домохозяйства. Примечательным и достаточно неожиданным оказывается низкая регулярность контактов с родственниками для экономически урбанизированных домохозяйств. Благодаря наличию семьи и полноценному участию в рынке труда предполагалось, что эти домохозяйства будут нуждаться в семейных контактах. Возможное объяснение такого низкого показателя может крыться в общей тенденции передачи

Таблица 1. Типы домохозяйств в соответствии с выбранными показателями урбанизированности

Уровни урбанизированности

Типы домохозяйств		Культ. меропр.	Аутсорс	Контакт с соседями	Контакт с семьей	Контакт с друзьями	Расст. до центра	Разнообр. занятости	Занятость в отелях, барах и т. д.	Разнообр. жил. фонда; домовладение	Разнообр. жил. фонда; стоимость жилья
Экономически урбанизированные	среднее зн-е	6.020	3.994	2.226	1.355	1.182	3 322.302	13.046	5.715	0.392	0.383
	ср.откл-е	2.318	1.375	1.508	0.856	0.552	1 891.449	8.861	14.454	0.488	0.486
	ассим-я	-0.546	-0.445	0.848	2.767	3.626	1.315	1.115	3.311	0.445	0.48
Экономически урбанизированные	среднее зн-е	4.779	4.761	1.748	1.257	1.341	4 574.974	9.871	3.685	0.304	0.423
	ср.откл-е	2.580	1.231	1.349	0.720	0.815	2 600.119	7.891	12.45	0.461	0.495
	ассим-я	-0.167	-0.958	1.626	3.193	2.706	0.699	1.435	4.353	0.854	0.312
Социологически урбанизированные	среднее зн-е	4.554	3.574	2.242	1.427	1.414	3 557.774	11.815	4.167	0.34	0.401
	ср.откл-е	2.745	1.438	1.603	0.987	0.998	2 064.130	8.365	12.471	0.474	0.491
	ассим-я	-0.134	-0.355	0.837	2.462	2.607	1.079	1.138	3.947	0.679	0.404
Неурбанизированные	среднее зн-е	2.941	4.047	1.961	1.471	1.497	4 133.259	9.801	4.106	0.22	0.369
	ср.откл-е	2.736	1.586	1.519	1.036	1.093	2 139.531	8.166	13.511	0.415	0.484
	ассим-я	0.681	-0.661	1.248	2.280	2.226	0.854	1.727	4.747	1.358	0.547
Пенсионерские	среднее зн-е	2.872	2.809	1.936	1.478	1.639	4 263.709	9.677	4.255	0.247	0.384
	ср.откл-е	2.646	1.649	1.471	1.061	1.283	2 143.833	7.61	12.054	0.432	0.487
	ассим-я	0.566	-0.062	1.251	2.268	1.863	0.633	1.061	3.666	1.181	0.48
Общее значение	среднее зн-е	4.808	3.872	2.091	1.382	1.345	3 769.923	11.535	4.727	0.332	0.392
	ср.откл-е	2.806	1.529	1.512	0.915	0.888	2 163.010	8.505	13.369	0.471	0.488
	ассим-я	-0.211	-0.508	1.029	2.635	2.886	1.045	1.21	3.749	0.716	0.442
F-величина		135.935	90.425	9.473	3.730	20.043	32.461	18.355	2.383	10.363	0.663
p		0.000	0.000	0.000	0.005	0.000	0.000	0.000	0.049	0.000	0.618

домашних задач на аутсорс — в числе прочего, вероятно, поручать присмотр за детьми специальным учреждениям, а не родственникам. Однако контакты с семьей и друзьями дают достаточно несимметричное распределение.

Пять показателей урбанизированности проводят границу между сверхурбанизированными и социологически урбанизированными домохозяйствами. Аутсорс, судя по всему, связан скорее с временными бюджетами, а не с уровнем урбанизированности самим по себе. Экономически урбанизированные домохозяйства наиболее часто располагают бытовыми приборами. Вероятно, большое количество времени, которое тратится на оплачиваемую работу и семейные проблемы, порождает нужду в устройствах, которые могут экономить время. В противоположность им, как и ожидалось, социологически урбанизированные домохозяйства и пенсионерские домохозяйства, которые не участвуют ни на рынке труда, ни в семейной жизни, имеют самые низкие показатели аутсорса. Поскольку сверхурбанизированные и социологически урбанизированные домохозяйства несут большую ответственность на работе или в семье соответственно, они демонстрируют средний уровень аутсорса. Разница между сверхурбанизированными и социологически урбанизированными домохозяйствами наблюдается в степени контакта с соседями. Как и ожидалось, сверхурбанизированные и социологически урбанизированные домохозяйства гораздо чаще по сравнению с другими домохозяйствами вступают в контакт с соседями. Экономически урбанизированные домохозяйства демонстрируют относительно низкую регулярность и количество контактов с соседями, что может объясняться малым количеством свободного времени.

Другие показатели урбанизированности, подсчитанные на более агрегированном (то есть территориальном) уровне, — это расстояние до центра города, доля в общей занятости работников отелей,

Таблица 2. Компонентная матрица анализа главных компонентов

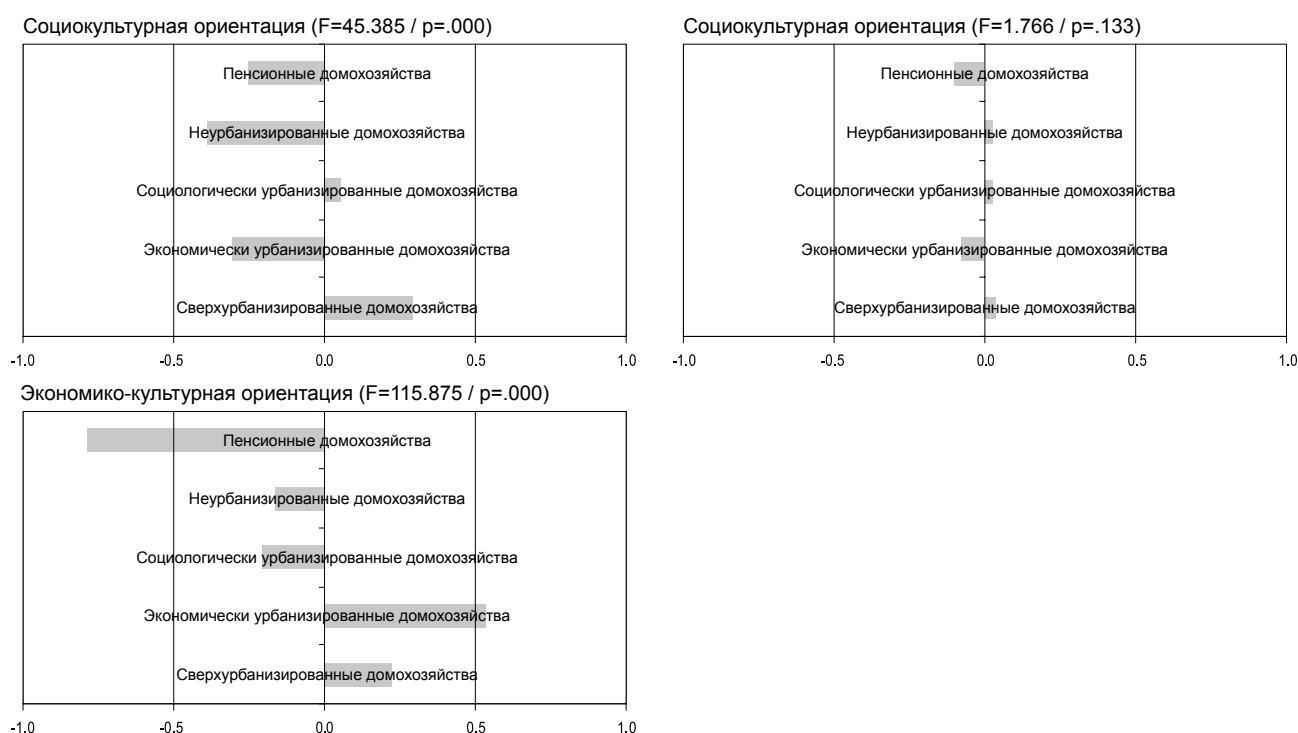
	Социокультурная ориентация	Экономико-культурная ориентация	Публично-локальная ориентация
Участие в культурной жизни	0,458	0,574	-0,159
Аутсорс	-0,206	0,868	0,096
Контакт с соседями	-0,188	-0,226	0,681
Расстояние до центра	-0,785	0,145	-0,078
Разнообразие трудоустройства	0,740	-0,019	0,212
Разнообразие жилого фонда; домовладение	0,226	0,147	0,646
Сегмент отелей, баров и т.д. в общем разнообразии трудоустройства	0,556	0,116	0,064
Разнообразие жилого фонда; стоимость жилья	0,206	0,035	0,400

баров и ресторанов и смешанный уровень трудоустройства. Подчеркнем еще раз: и свехурбанизированные, и социологически урбанизированные домохозяйства демонстрируют гораздо более сильную ориентацию на урбанизированность по сравнению с семейными и пенсионерскими домохозяйствами. Они чаще располагаются в центральных районах, где есть множество вариантов трудоустройства и более ощутимое наличие отелей, баров и ресторанов.

С помощью анализа главных компонент важнейшая информация из восьми почти симметричных показателей и трансформируется в три компонента, имеющих значение (табл. 2). Первый компонент обозначает социокультурную ориентацию, поскольку он ассоциируется с коротким расстоянием до центра города, большим разнообразием вариантов трудоустройства, гетерогенным жилищным фондом и активной культурной жизнью. Второй компонент обозначает экономико-культурную ориентацию, определяемую по большей части количеством домашних дел, отданных на аутсорс, и культурной жизнью. Третий компонент можно назвать общественно-локальной ориентацией. Главные показатели этого «местного» компонента — интеракции с соседями и большое количество общественных и полуобщественных мест. Все вместе эти три компонента объясняют 52% от общей дисперсии.

В какой степени эти три компонента порождают значимо различные модели для пяти типов домохозяйств? Полученные модели подтверждают предположение, что прочная связь между типом домохозяйства и урбанизированностью действительно существует (см. рис. 4). В социокультурном измерении свехурбанизированные и социологически урбанизированные домохозяйства схожи между собой (оба имеют положительный средний балл) и отличны от других типов домохозяйств. Экономико-культурное измерение особенно выделяется (демонстрирует положительный средний балл)

Рис. 4. Средние оценки урбанизированных и неурбанизированных типов домашних хозяйств по трем городским компонентам

у сверхурбанизированных и экономически урбанизированных домохозяйств. Общественно-локальное измерение не демонстрирует особенной связи со степенью урбанизированности домохозяйства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Организация домохозяйства и урбанизированность, несомненно, взаимосвязаны. Допуская, что могут существовать другие важные причины, по которым люди могут быть связаны с повседневной городской средой, в данной статье мы показываем взаимные интересы живого городского сообщества и определенных типов домохозяйств. Разумеется, домохозяйства Амстердама по большей части оказываются урбанизированными. В свою очередь, эти урбанизированные домохозяйства привносят урбанизированность в Амстердам, поскольку их использование городских функций — социологически или экономически — способствует ритму и динамике города. Пространственные модели амстердамских типов домохозяйств демонстрируют концентрацию связанных с городами категорий домохозяйств в наиболее центральных частях города, а неурбанизированных домохозяйств — на окраинах.

Однако необходимо помнить, что внутренняя динамика домохозяйств (например, старение его представителей, потеря ими работы или появление ребенка) подразумевает перемещение из одного типа домохозяйства в другой, а следовательно, влияет на функцию домохозяйства в городской среде. Домохозяйство может испытывать неудобство в связи с изменением степени связности с городом. Переход из сверхурбанизированного в экономически урбанизированное домохозяйство (когда в семье появляется ребенок) нуждается в особенно пристальном внимании. Именно такой тип домохозяйства испытывает трудности в поиске подходящего места проживания в Амстердаме. Их участие в рынке труда, а также потенциальная потребность в различных домашних услугах противоречат неизбежному желанию увеличить жилплощадь и поселиться в безопасном районе. В Амстердаме достаточно мало мест проживания, соответствующих всем этим требованиям. Необходимо рассмотреть меры, которые помогут таким домохозяйствам остаться в городе: к примеру, попытаться создать и/или улучшить пространства, безопасные для детей, а также улучшить многофункциональное использование общественных мест. Для того чтобы сохранить в городе домохозяйства, которые отчасти теряют связь с городом, когда их члены теряют работу, необходимо сделать доступным рынок бытовых потребителей в региональном плане. Соответствие спроса и предложения жилья на региональном рынке требует постоянного внимания. И оно должно сопровождаться постоянными усилиями, направленными на то, чтобы понять характер взаимосвязи между урбанизированностью и степенью связности с городом различных типов домохозяйств.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Bell 1968
Bell W. The city, the suburb and a theory of social choice // The new urbanization / ed. by S. Greer. N. Y.: Putnam Books, 1968. P. 132–168.
- Bourdieu 1984
Bourdieu P. Distinction. Cambridge: Harvard University Press, 1984.
- Butler and Robson 2003
Butler T., Robson B. London calling, the middle classes and the re-making of inner London. Oxford: Berg, 2003.
- Buzar, Ogden and Hall 2005
Buzar S., Ogden P.E., Hall R. Households matter: The quiet demography of urban transformation. Progress // Human Geography. 2005. № 29. P. 413–436.
- Clarke 2003
Clarke D.B. The consumer society and the postmodern city. London: Routledge, 2003.
- Fishman 1994
Fishman R. Urbanity and suburbanity: Rethinking the “Burbs” // American Quarterly. 1994. № 46. P. 35–39.
- Florida 2002
Florida R. The rise of the creative class and how it's transforming work, leisure, community and everyday life. New York: Basic Books, 2002.
- Gans 1967
Gans H. The Levittowners. London: Allen Lane, 1967.
- Gans 1968
Gans H.J. Urbanism and suburbanism as ways of life: A re-evaluation of definitions // Readings in urban sociology / ed. by R. E. Pahl. Oxford: Pergamon Press, 1968. P. 95–118.
- Hägerstrand 1982
Hägerstrand T. Diorama, path and project. Tijdschrift // Economische en Sociale Geografie. 1982. № 73. P. 323–339.
- Hajer and Reijndorp 2001
Hajer M., Reijndorp A. In search of a new public domain. Rotterdam: Nai Uitgevers, 2001.
- Helbrecht 2004
Helbrecht I. Bare geographies in knowledge societies — creative cities as text and piece of art: Two eyes, one vision // Built Environment. 2004. № 30. P. 194–203.
- Jarvis, Pratt and Wu 2001
Jarvis H., Pratt A., Wu P. The secret life of cities, the social reproduction of everyday life. Harlow: Pearson Education Ltd., 2001.
- Karsten 2007
Karsten L. Housing as a way of life: Towards an understanding of middle-class families' preference for an urban residential location // Housing Studies. 2007. № 22. P. 83–98.
- Latham 1999
Latham A. Powers of engagement: On being engaged, being indifferent and urban life // Area. 1999. № 31. P. 161–168.
- Maffesoli 1996
Maffesoli M. The time of the tribes: The decline of individualism in mass society. London: Sage, 1996.
- Montgomery 1998
Montgomery J. Making a city: Urbanity, vitality and urban design // Journal of Urban Design. 1998. № 1. P. 93–116.
- Ogden and Schnoebelen 2005
Ogden P.E., Schnoebelen F. The rise of the small household: Demographic change and household structure // Paris. Population, Space and Place. 2005. № 11. P. 251–268.
- Sobel 1981
Sobel M. Lifestyle and social structure: Concepts, definitions, analysis. N. Y.: Academic Press, 1981.
- Van Diepen and Arnoldus 2003
Van Diepen A. M.L., Arnoldus M. Housing demand in a demand-driven context. Amsterdam: DGW / Nethur partnership, 2003.
- Wirth 1938
Wirth L. Urbanism as a way of life // American Journal of Sociology. 1938. № 44. P. 1–24.
- Zukin 1998
Zukin S. Urban lifestyles: Diversity and standardisation in spaces of consumption // Urban Studies. 1998. № 35. P. 825–839.

